

ЭКО

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 11 2020 г.

К ЮБИЛЕЮ «ЭКО»

Главный редактор **В.А. КРЮКОВ**, академик РАН,
директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А.Г. Аганбегян, РАНХ и ГС при Президенте РФ, академик РАН, Москва; **А.О. Баранов**, зам. директора по научной работе ИЭОПП СО РАН, зав. кафедрой НГУ, д.э.н., проф., Новосибирск; **Р. Бардацци**, факультет государственного управления, Университет Флоренции, д-р философии, проф. (Италия); **Е.Б. Бухарова**, директор Института экономики, управления и природопользования СФУ, к.э.н., проф., Красноярск; **Ш. Вебер**, президент РЭШ, д-р философии (Канада – Россия); **Ю.П. Воронов**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск; **И.П. Глазырина**, зав. лабораторией эколого-экономических исследований ИПРЭК СО РАН, д.э.н., Чита; **Л.М. Григорьев**, НИУ ВШЭ, к.э.н., проф., Москва; **В.И. Зоркальцев**, СЭИ СО РАН им. Л.А. Мелентьева, д.т.н., проф., Иркутск; **В.В. Колмогоров**, к.э.н., Москва; **В.В. Кулешов**, гл. науч. сотр. ИЭОПП СО РАН, академик РАН, Новосибирск; **Чжэ Ён Ли**, вице-президент Корейского института международной экономической политики, д-р философии (Республика Корея); **Юцзюнь Ма**, директор Института России, Хэйлунцзянская академия общественных наук, к.и.н., Харбин (Китай); **С.Н. Мироносецкий**, член СД ООО «Сибирская генерирующая компания»; **А. Му**, Институт Фритьофа Нансена, канд. полит. н. (Норвегия); **В.А. Никонов**, генеральный директор АО «Технопарк новосибирского Академгородка»; **В.И. Псарев**, зав. кафедрой Алтайского госуниверситета, зам. председателя Исполнительного комитета МАСС, к.э.н., д.т.н.; **Н.И. Суслов**, зам. директора по научной работе ИЭОПП СО РАН, д.э.н., проф., Новосибирск; **А.В. Усс**, губернатор Красноярского края, д.ю.н., проф., Красноярск; **Хонгёл Хан**, Департамент экономики Университета Ханьянг, председатель Корейского института единения, д-р наук, проф. (Республика Корея); **Цзе Ши**, директор Центра международных энергетических исследований, Китайский институт международных исследований, Пекин (Китай); **А.Н. Швецов**, зам. директора по научной работе ФИЦ «Информатика и управление» РАН, Институт системного анализа РАН, д.э.н., проф., Москва.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А.В. Алексеев, ИЭОПП СО РАН, д.э.н., Новосибирск; **С.Ю. Барсукова**, НИУ «Высшая школа экономики», д.соц.н., Москва; **Э.Ш. Веселова**, зам. главного редактора, Новосибирск; **К.П. Глущенко**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н., Новосибирск; **Е.В. Гоосен**, Институт экономики и управления Кемеровского госуниверситета, к.э.н., Кемерово; **Е.А. Капогузов**, Омский госуниверситет им. Ф.М. Достоевского, д.э.н., Омск; **В.И. Клисторин**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н., Новосибирск; **Г.П. Литвинцева**, НГТУ, д.э.н., Новосибирск; **В.В. Мельников**, НГУЭиУ, НГТУ, к.э.н., Новосибирск; **Л.В. Мельникова**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск; **П.Н. Тесля**, зам. главного редактора, к.э.н., Новосибирск; **О.П. Фадеева**, ИЭОПП СО РАН, к.соц.н., Новосибирск; **Л.Н. Щербакова**, Кемеровский госуниверситет, д.э.н.; **В.В. Шмат**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск

УЧРЕДИТЕЛИ:

Учреждение Российской академии наук Сибирское отделение РАН,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения РАН,
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет» (НГУ),
АНО «Редакция журнала «ЭКО»

ИЗДАТЕЛЬ:

АНО «Редакция журнала «ЭКО»

Editor-in-chief, Member of RAS, **VALERY A. KRYUKOV**, Director of Institute of Economics and Industrial Engineering (IEIE), SB RAS

Editorial Board:

A.G. Aganbegyan, Member of RAS, Russian Academy of National Economy and Public Service Sponsored by the Russian President; **A.O. Baranov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, IEIE, SB RAS, Novosibirsk State University; **R. Bardazzi**, PhD, professor, University of Florence, Italy; **E.B. Bukharova**, Cand. Sci. (Econ.), professor, Institute of Economics, Management and Land Use, Siberian Federal University, Krasnoyarsk; **I.P. Glazyrina**, Dr. Sci. (Econ.), Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, SB RAS, Chita; **L.M. Grigoriev**, Cand. Sci. (Econ.), professor, Higher School of Economics, Moscow; **Jaе Young Lee**, PhD, Korean Institute for International Economic Policy; **Hong Yul Han**, PhD, professor, Hanyang University, The Korea Consensus Institute; **V.V. Kolmogorov**, Cand. Sci. (Econ.), professor; **V.V. Kuleshov**, Member of RAN, Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; **S.N. Mironosetsky**, Member of BoD, Siberian Generating Company; **A. Moe**, PhD, The Fridtjof Nansen Institute, Norway; **V.A. Nikonov**, Technopark of Novosibirsk Academgorodok; **V.I. Psarev**, Cand. Sci. (Econ.), Dr. Technical Sci., Interregional Association of the Economic Cooperation 'Siberian Accord', Altai State University; **A.N. Shvetsov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, Institute of Systems Analysis, RAS; **N.I. Suslov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, IEIE, SB RAS; **A.V. Uss**, Dr. Sci. (Law), professor, Governor of Krasnoyarsk Krai; **Sh. Weber**, PhD, Russian Economics School; **Yu.P. Voronov**, Cand. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; **Yutszyun Ma**, PhD (History), Russia Institute, Heilongjiang Academy of Social Sciences, Harbin, China; **Ze Shi**, Center of Energy Research, Institute of International Studies, Beijing, China; **V.I. Zorkaltsev**, Dr. Technical Sci., professor, Energy Systems Institute, SB RAS, Irkutsk.

Editorial Council:

A.V. Alekseev, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **S.Yu. Barsukova**, Higher School of Economics, Dr. Sci. (Sociology); **O.P. Fadeeva**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Sociology); **K.P. Gluschenko**, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **E.V. Goosen**, Institute of Economics and Management of Kemerovo University, Cand. Sci. (Econ.); **E.A. Kapoguzov**, Omsk State University, Dr. Sci. (Econ.); **V.I. Klistorin**, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **G.P. Litvintzeva**, Novosibirsk State Technical University, Dr. Sci. (Econ.); **V.V. Melnikov**, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk State Technical University, Cand. Sci. (Econ.); **L.V. Melnikova**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Econ.); **L.N. Shcherbakova**, Kemerovo University, Dr. Sci. (Econ.); **V.V. Shmat**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Econ.); **P.N. Teslia**, Deputy Editor-in-chief, Cand. Sci. (Econ.); **E.Sh. Veselova**, Deputy Editor-in-chief.

Founders:

Russian Academy of Sciences, Siberian Branch,
Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch, RAS
Novosibirsk State University
ANO Editorial Office of ECO journal

Prepared for publication by

ANO Editorial Office of ECO journal
Prospekt Akademika Lavrentyeva 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

В НОМЕРЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

4 К юбилею «ЭКО»

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

- 15 **БАРКОВ С.А.**
От Энциклопедии до Википедии:
трансформация социальной
структуры знания в эпоху
постмодерна
- 38 **КЛИСТОРИН В.И.**
О математике
в экономической науке

ФИНАНСОВЫЙ СЕКТОР

- 62 **ДЕМЕНТЬЕВ Н.П.**
Паевые инвестиционные фонды
в современной России:
критический анализ
- 83 **ЯКОВЛЕВ А.А.,
БАЛАЕВА О.Н.,
РОДИОНОВА Ю.Д.,
ТКАЧЕНКО А.В.**
Проблемы и эффективность
госзакупок глазами их участников

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

- 104 **КАПОГУЗОВ Е.А.,
ЧУПИН Р.И.,
ХАРЛАМОВА М.С.**
Импортозамещение
в мясной промышленности:
экспансия за доллар
- 124 **ЛУБКОВА Э.М.,
ШИЛОВА А.Э.**
Особенности новой Доктрины
продовольственной
безопасности 2020

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

- 141 **АГАНБЕГЯН А.Г.**
Надо ли сопоставлять экономику
России и Германии?
- 153 **ЛАВРОВСКИЙ Б.Л.,
ГОРЮШКИНА Е.А.,
ШИЛЬЦИН Е.А.**
Вьнь да положь: блеск и нищета
ортодоксии (отклик на статью
Фомина Д.А. / ЭКО. 2020. № 6)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

- 174 **ИЛЬИНЫХ В.А.**
Статистический мониторинг
животноводства в Сибири
в 1930-е гг.

CONTENTS

EDITORIAL

- 4 For ECO' jubilee

DEVELOPMENT OF SCIENCE AND EDUCATION

- 15 BARKOV, S. A.
From the Encyclopedia to Wikipedia:
how the Social Structure of Knowledge
is Transforming in the Postmodernity
- 38 KLITORIN, V.I.
The Application of Mathematics
in Economic Science

FINANCE

- 62 DEMENTIEV, N.P.
Unit Investment Funds in Modern
Russia: Critical Analysis
- 83 YAKOVLEV, A.A.
BALAEVA, O.N.,
RODIONOVA, Yu.D.,
TKACHENKO, A.V.
Problems and Efficiency of Public
Procurement through the Eyes
of their Participants

MONITORING OF ECONOMIC TRANSFORMATION

- 104 KAPOGUZOV, E.A.,
CHUPIN, R.I.,
KHARLAMOVA, M.S.
Import Substitution in the Meat
Industry: Expansion for one Dollar
- 124 LUBKOVA, E.M.,
SHILOVA, A.E.
A New Doctrine of Food Security
of the Russian Federation:
a Paradigm Change 2020

DEBATES

- 141 AGANBEGYAN, A.G.
Do We Need to Compare the Russian
and German Economies?
- 153 LAVROVSKII, B.L.,
GORYUSHKINA, E.A.,
SHILTSIN, E.A.
At any Cost. The Splendor and Poverty
of Orthodoxy

ECONOMIC HISTORY OF RUSSIA

- 174 IL'INYKH, V.A.
Statistical Monitoring of Livestock
Production in Siberia in the 1930s.

К юбилею «ЭКО»

Вот уже 50 лет, как «ЭКО» вместе с нами! Все эти годы журнал чутко улавливал и отражал основные тенденции и процессы и в обществе, и в экономике страны, вместе со своими авторами и читателями искал ответы на самые животрепещущие вопросы. Его появление в 1970-м совпало со временем самых больших ожиданий и самых впечатляющих экономических достижений «эпохи развитого социализма». В 1980-е мы вместе с читателями искали у этого самого социализма «человеческое лицо» – поддерживали и пропагандировали хрупкие ростки хозяйственной самостоятельности и «социалистической предприимчивости», в 1990-е составляли рецепты выживания в неуправляемой рыночной стихии, в 2000-е и 2010-е искали свое место в глобальной экономике.

Вспомним, как менялся журнал на протяжении полувека своей славной истории.

1970-е

«ЭКО» создавался в атмосфере идей «косыгинской» реформы 1965 г., положившей начало частичной децентрализации управления, в условиях быстрого становления социологии, развития экономико-математических методов, при растущем внимании к экономическому эксперименту в промышленности и к общим проблемам управления.

В СССР конец 1960-х и начало 1970-х гг. были периодом бурного экономического развития. За годы восьмой пятилетки (1965–1970) объем промышленного производства вырос в полтора раза, вступили в строй около 1900 крупных предприятий, выпуск продукции сельского хозяйства увеличился на 21%, объем национального дохода – на 41%. Затем, правда, темпы развития упали (в годы девятой пятилетки объем продукции промышленности возрос только на 43%, а сельского хозяйства – на 13%), но все равно были выше, чем на Западе, где в эти годы разразился нефтяной кризис. В общественной жизни тоже были поводы для оптимизма.

В 1965 г. произошел первый выход человека в открытый космос, а в Сибири началось освоение Саяногорья, в 1967-м

введена пятидневная рабочая неделя, прошли первые успешные операции по пересадке печени и сердца, в 1968-м появился первый пассажирский сверхзвуковой самолет Ту-144, а в водном транспорте началась эра судов на подводных крыльях («ракет», «метеоров» и т.д.), в 1969-м учреждена премия по экономике памяти Альфреда Нобеля, в культуре конец 1960-х – расцвет искусства оттепели, начало массового распространения телевидения, в 1967 г. началось вещание с самой высокой в мире Останкинской телебашни, в 1970-м – бурение Кольской сверхглубокой скважины, появились первые карманные калькуляторы, в 1970–1973-х гг. произведены мягкие посадки космических аппаратов на Луну, Марс, Венеру, в 1971-м стартовала программа запуска орбитальных космических станций «Салют-1»- «Салют-6», в 1974-м начались строительство Байкало-Амурской магистрали и программа всеобщей паспортизации (колхозникам стали выдавать паспорта)...

На этой волне эйфории от развития науки и экономических достижений появилась идея создания необычного экономического журнала, как своеобразной площадки для общения ученых и практиков.

Такой подход диктовал особые требования к формату издания. Сам его размер (А5) был рассчитан на то, чтобы свежий номер легко мог поместиться в кармане пиджака. Но очень большое внимание уделялось и стилю подачи материала – довольно раскрепощенному, сочетающему простоту изложения и публицистическую яркость с глубиной научного анализа. Все это выгодно отличало «ЭКО» от теоретических, идеологических изданий экономического профиля того времени, а также от журналов экономических ведомств, сухих и официальных.

«ЭКО» стал первым (и долгое время был единственным) в СССР журналом для «деловых людей». Он не только излагал серьезные экономические проблемы популярно, на практических примерах, но и рассматривал насущные вопросы управления предприятиями, искал формы более активного участия в событиях дня. Одной из «фишек» были выступления на его страницах директоров предприятий, заводских экономистов, работников министерств, отраслевых исследовательских и проектных организаций. Некоторые из них вызывали большой резонанс и в научной, и в практической среде.

Когда небольшая статья директора одного из крупнейших предприятий Средмаша Ю.И. Тычкова «Руководитель и АСУ»¹ вызвала поток писем, редакция договорилась с автором и организовала встречу с ним большой группы руководителей из многих городов страны. Их коллективный разговор о проблемах управления послужил основой для новой публикации. Ю.И. Тычков впоследствии стал одним из активных членов редколлегии журнала и Международного клуба директоров (МКД), в 1986–1996 гг. был заместителем министра атомной промышленности.

Как вспоминает ветеран «ЭКО», бывший заместитель главного редактора, Т.Р. Болдырева, многие публикации практиков с мест (иногда – даже на уровне простого мастера или начальника смены) активно обсуждались на заседаниях Клуба директоров, в научных секциях Института экономики и ОПП СО АН СССР, а некоторые – становились тем зерном, из которого прорастали нетривиальные научные решения, благодаря той огранке, которую придавали этим идеям ученые экономисты.

В свою очередь и Институт экономики и ОПП СО АН СССР нередко отправлял «десанты» своих специалистов на предприятия и в объединения. Их анализ передового хозяйственного опыта, выводы и рекомендации, непосредственные впечатления от общения с руководителями и специалистами затем освещались на страницах «ЭКО» и становились достоянием самого широкого круга читателей. Так был показан опыт АвтоВАЗа, Минского тракторного, московского «Красного пролетария», Киевского института электросварки им. Е.О. Патона, Магнитогорского металлургического комбината, Тираспольской швейной фабрики и многих других предприятий.

Но нельзя сказать, что практическая направленность полностью заменила в журнале научную составляющую. Многие члены первой редколлегии «ЭКО» были яркими представителями целых научных направлений. Не нуждается в представлении академик А.Г. Аганбегян – один из ведущих ученых страны в области применения статистических и математических методов в экономике, за социологическое направление «отвечали» Е.Г. Антосенков (а впоследствии – Т.И. Заславская), стоявшие

¹ Тычков Ю.И. Руководитель и АСУ // ЭКО. 1978. № 5. С. 100–112.

у истоков «новосибирской школы социологии», страстные поборники либерализации экономических отношений С. А. Хейнман и П. Г. Бунич с самых первых дней существования «ЭКО» выискивали в советской и зарубежной практике примеры благотворного влияния децентрализации. Известный экономист, американист С. М. Меньшиков, «вел» направление, описывающее передовой опыт капиталистических стран – объективно, а не с позиций идеологического врага.

«Общественное развитие не является жестко детерминированным. Всегда существуют альтернативные варианты развития. И очень важно именно эти альтернативы сделать предметом анализа, изучения и определить условия, при которых будет реализован один из возможных вариантов», – говорил в одном из своих интервью² член редколлегии журнала академик Л. И. Абалкин. Для создателей, авторов и читателей этот тезис был «не догмой, а руководством к действию» с самых первых его номеров.

«ЭКО» всегда активно организовывал дискуссии – очные и заочные «круглые столы», в ходе которых читатели и авторы не только демонстрировали разные точки зрения, но и нередко показывали, что не обязательно из всех точек зрения верна лишь одна, все зависит от критериев, от целей. Много усилий редакция направляла на поддержание непрерывной обратной связи с читателями. «Кипы анкет, перфокарт, рулоны машинной выдачи – все это для нас как лоции для корабля, по которым прокладывается курс в соответствии с волей капитана и команды», – говорилось в редакционной статье, посвященной первому юбилею журнала³.

Здесь нужно заметить, что хотя у многих выходцев из СССР 1970-е прочно ассоциируются с периодом застоя, разгулом цензуры, показухи, в Сибири царили совсем другие настроения. Здесь осваивались новые месторождения нефти и газа, строились заводы и электростанции, прокладывались магистрали, формировались территориальные производственные комплексы, появлялись новые города и поселки, на передовые стройки приезжали известные артисты, поэты, писатели. Журнал, конечно же,

² На вопросы редакции отвечают: академик А. Г. Аганбегян, академик Л. И. Абалкин // ЭКО. 1995. № 1. С. 2–20 [С. 18].

³ День открытых дверей (к 10-летию «ЭКО») // ЭКО. 1980. № 1. С. 199–204 [С. 203].

находился «на волне» всех этих событий. Большое значение на его страницах придавалось тематике развития Сибири (БАМ, КАТЭК, Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс). Курировали эти направления сотрудники ИЭОПП, сделавшие себе имя в экономической регионалистике, – М. К. Бандман, Р. И. Шнипер, А. А. Кин. Многие современные проекты опираются на наработки тех лет.

Одна из постоянных (и весьма популярных) рубрик журнала в то время – «Экономика научно-технического прогресса». Большой поток писем в редакцию вызывал «Экономический практикум», в рамках которого хозяйственные ситуации представлялись в ходе экстремальных математических задач. И, конечно, в духе того времени, ни одно уважающее себя издание не обходилось без фельетонов, всегда пользовавшихся вниманием читателей.

В первый юбилей «ЭКО», в 1980 г., редакция решила открыть читателям «кухню» подготовки номеров. Из редакционного текста мы узнаем, что около 60–70% статей в журнале были «заказными», оставшаяся часть формировалась за счет так называемого «самотека» – материалов, пришедших на редакционную почту. Были сформулированы и критерии отбора. Не «рассуждения вообще», а опора на личные наблюдения и собственный опыт, не перечисление негативных факторов, а острый анализ их причин, сопровождаемый конструктивными предложениями. Доступность изложения, актуальность для народного хозяйства, ориентированность на практику, наличие ясного «адресата» (от того, кому адресована статья, зависит ее тон и система аргументов) – все эти критерии актуальны и сегодня. Мы по-прежнему стараемся придерживаться высоких стандартов, заданных отцами-основателями журнала.

1980-е

В эти годы страна предпринимала отчаянные усилия, чтобы выйти из застоя. В 1982 г. одобрена Продовольственная программа СССР, в 1983-м приняты «Закон о трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями...» и постановление Совмина «О дополнительных мерах по расширению прав производственных объединений (предприятий) в планировании и хозяйственной деятельности...», в 1984-м

начат широкомасштабный экономический эксперимент: предприятия трёх республиканских и двух союзных министерств были переведены на хозрасчётные отношения, началась разработка комплексной программы экономических реформ.

«ЭКО» подхватывал все новое, что рождалось в экономике, активно ратовал за реформы – за расширение самостоятельности предприятий, перевод их на полный хозрасчет и самофинансирование, широкое использование товарно-денежных отношений в хозяйстве, усиление материальных стимулов к труду, использование передового опыта западных и восточноевропейских стран.

Большой популярностью в те годы пользовались рубрики «Социалистическая предприимчивость» (репортажи, очерки и интервью с первыми предпринимателями), за которую отвечал Ю. П. Воронов, «Советы деловому человеку» (на любые важные темы – от управления коллективом до стиля в одежде), «Жизнь предприятия» (практический опыт решения производственных, организационных, управленческих проблем, куратор рубрики – Л. А. Щербакова), «Институты рынка» (описание и анализ работы новых для советских экономистов рыночных институтов). Традиционно в рамках «Дискуссионного клуба» публиковались масштабные, переходящие из номера в номер обсуждения актуальных вопросов жизни предприятий. В эти же годы появилось много переводных статей, вплоть до экономической беллетристики («производственные» романы А. Хейли, труды Д. Карнеги⁴), на примере которых читатели могли познакомиться с «азами» рыночных отношений в экономике. Большой резонанс вызвала тематика экологии Сибири, впервые поднятая на страницах «ЭКО» З. Ибрагимовой, и до сих пор поддерживаемая уже новыми поколениями авторов.

«Мы старались не только описывать ту действительность, что нас окружала, но и показывать, какой она должна быть, – вспоминает ветеран «ЭКО», действующий член редколлегии Ю. П. Воронов. – В этом смысле мы воспринимали журнал не как зеркало, а как инструмент преобразования экономики».

⁴ По поводу перевода Д. Карнеги был большой резонанс. В «Литературной газете» вышла статья «Философия крысиных бегов».

«Сама направленность публикаций на показ негативных сторон административной системы, на обоснование необходимости глубоких экономических реформ, подготавливала почву для перестройки экономики и развития в конечном счете рыночного хозяйства», – вспоминал А. Г. Аганбегян⁵.

В те годы журнал в некотором смысле перерос формат печатного издания. В 1983 г. при ИЭОПП и с активным участием редколлегии «ЭКО» был организован «Всесоюзный клуб директоров промышленных предприятий» (позднее – Международный клуб директоров, МКД), участники которого на регулярных встречах делились своими проблемами, опытом в их решении, все это затем выливалось на страницы журнала. Была создана и просуществовала до середины 2000-х специальная рубрика «Клуб директоров», ее постоянными авторами были экономисты-практики, руководители производственных предприятий – Ю. И. Тычков (ПО «Север», Новосибирск), А. В. Карпов (Бийский химический комбинат), Б. В. Прилепский (Бердский завод биопрепаратов), Н. А. Канискин («Элсиб», Новосибирск), К. П. Альцман (Улан-Удэнский тонкосуконный комбинат), А. И. Курцевич (фабрика «Корс», Новосибирск) и многие другие. Клуб директоров существует и сегодня, уже как самостоятельная организация, и его бессменным председателем остается А. Г. Аганбегян.

Плюс к этому имела место и «читательская инициатива». «В течение 1986–1992 гг. в г. Сыктывкаре действовал Клуб «ЭКО» (в народе – Клуб любителей «ЭКО»), организовали который Коми национальная библиотека, Валерий Иванович Зоркальцев и я, – вспоминает чл.-корр. РАН В. Н. Лаженцев. – Действовал на полную мощность с лекциями, семинарами, хозпартактивами и пр. мероприятиями. Приезжал Б. П. Орлов, прочел в полном актовом зале замечательную лекцию, послушал нас, включая первого секретаря Сыктывкарского горкома партии, пообщался с сотрудниками нашего института и т.д.». До сих пор, по словам нашего уважаемого коллеги и автора, в проводимых на базе Национальной библиотеки научных

⁵ На вопросы редакции отвечают: академик А. Г. Аганбегян, академик Л. И. Абалкин // ЭКО. 1995. № 1. С. 2–20 [С. 5].

чтениях по арктической тематике весьма активно используются публикации «ЭКО». И это лишь один из многих примеров...

Поддержанием связи с клубами друзей «ЭКО», организацией читательских конференций и вообще «обратной связи» с читателями долгие годы занимался заместитель главного редактора В. Д. Речин. Он же около 20 лет был координатором Клуба директоров.

В эти годы тираж журнала перевалил за 150 тыс. экземпляров – немыслимые цифры для научного издания. География его распространения охватывала весь Советский Союз – от Владивостока до Юрмалы, от Баку до Норильска.

1990-е

В «лихие» 1990-е СССР прекратил существование, экономика созданных на его руинах независимых государств пережила серьезный шок, сопровождавшийся глубоким спадом производства, галопирующей инфляцией, тотальной бартеризацией межхозяйственных отношений, обнищанием большей части населения, наметившимся разрывом в экономическом развитии регионов страны. В 1991 г. был принят Закон о приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР, в 1992-м отпущены розничные цены, принят Закон о свободе торговли, в 1993-м и 1995-м страна пережила два банковских кризиса, в 1994-м произошло обвальное падение курса рубля к доллару («черный вторник»), в 1998 г. Россия объявила дефолт по государственным облигациям.

Сегодня это десятилетие часто называют периодом трансформационных реформ, в результате которых страна перешла от плановой экономики к рыночной. Значение журнала как коммуникационной площадки ученых и управленцев в те годы, безусловно, возросло. Наши авторы и читатели делились на его страницах советами и рекомендациями по разрешению кризисных ситуаций, вместе искали выход из экономических тупиков, учились преодолевать непредвиденные барьеры.

Журнал и сам, как хозяйствующий субъект, сполна прочувствовал все прелести «переходного периода», ценой невероятных усилий ему удалось ни разу не выйти из графика, не допустить выпуска сдвоенных номеров, хотя, конечно, часть читательской

аудитории удержать не удалось, и ряды его постоянных авторов в те годы заметно поредели.

Основной темой большинства публикаций в то время были советы и описание практического опыта (в большой мере – международного) – как вписаться в рыночную экономику, как противостоять попыткам рейдерского захвата, как правильно выстраивать взаимоотношения с налоговыми органами в условиях накопления дебиторской задолженности, осуществлять ВЭД, оформлять сделки и т.д. Именно в эти годы в журнале появилась тематика структуры собственности, защиты инвестиций, механизмов конкуренции, описывающие и разъясняющие новые для страны и ее граждан реалии.

Одновременно в стране резко возрос спрос на научные обобщения и обоснование экономических трансформаций, появился интерес к осмыслению реального исторического опыта, проблем НЭПа и кооперации, к прогнозированию предстоящих изменений. Конечно, «ЭКО» не мог остаться в стороне от этих новых требований времени, приняв самое активное участие в обсуждении стратегии и тактики реформ. Его характерными чертами при этом оставались живая связь с практикой и широта кругозора. По словам академика Л.И. Абалкина, журнал «не сводил всю проблематику экономики, экономических реформ к чисто финансово-кредитным, ценовым проблемам, которые очень важны, но не исчерпывают содержания экономических процессов. Предметом его пристального внимания всегда были такие вопросы, как технологическая структура производства, структурные сдвиги в экономике, организация общественного производства и управления...»⁶.

2000-е и 2010-е

В начале этого периода страна пережила «семь тучных лет» (с 2000 г. по 2007 г.), когда среднегодовые темпы роста в два раза превышали мировые показатели. С 1999 г. по 2007 г. индекс производства обрабатывающих отраслей промышленности вырос на 77%, доля населения, живущего за чертой бедности, сократилась с 29 до 13%. Но затем последовала череда новых

⁶ На вопросы редакции отвечают: академик А. Г. Аганбегян, академик Л. И. Абалкин // ЭКО. 1995. С. 2–20 [С. 11].

подъемов и спадов, которые теперь уже происходили «в унисон» с мировыми циклами. Реформы в стране продолжились, но теперь это уже был более упорядоченный и менее разрушительный процесс, направленный на трансформацию отдельных институтов и секторов экономики – налоговой системы, земельных, бюджетных отношений, банковской и пенсионных систем, военно-промышленного комплекса, электроэнергетики, железнодорожного транспорта, жилищно-коммунального хозяйства.

В новой системе межхозяйственных отношений изменилась роль «ЭКО». Теперь на страницах журнала редко разгораются жаркие дискуссии управленцев-практиков, да их и стало гораздо меньше среди авторов и читателей журнала. На смену прежнему директорскому корпусу, жадно тянущемуся к экономическим знаниям, пришло новое поколение универсальных менеджеров. Они гораздо лучше подкованы в экономике, чем их предшественники, и, увы, слишком часто гораздо менее склонны делиться своими знаниями с коллегами. В условиях жесткой рыночной конкуренции большинство руководителей предприятий предпочитают держать при себе секреты успеха, организационные и тем более – технологические ноу-хау.

Основную массу читателей и авторов журнала сегодня формируют профессиональные экономисты – ученые, преподаватели вузов, управленцы высшего уровня. Неудивительно, что и круг обсуждаемых тем и проблем сильно изменился. Самыми злободневными темами в этот период стало вхождение и экономики всей страны, и отдельных ее секторов, вплоть до конкретных хозяйствующих субъектов в глобальную экономику, а также те структурные изменения, что происходят в социально-экономической реальности. Чрезвычайную актуальность приобрели проблемы государственно-частного партнерства, регионального развития, защиты природной среды. Далеко вперед продвинулись экономическая теория и методология экономических исследований, выросло число научных школ и многообразие их подходов и оценок, что тоже требует осмысления.

Таким образом, под влиянием внешних изменений «ЭКО» стал более академичным, выдержанным, что, впрочем, вполне подобает «уже не юноше, но зрелому мужу». «ЭКО» – 50! Это возраст не только подведения итогов, у журнала еще остается достаточно сил и запала для оптимизма. Мы не только

с уверенностью смотрим в будущее, но и по мере сил стараемся повлиять на него. Журнал твердо намерен оставаться на переднем крае исследований, направленных на устойчивое, поступательное и инновационное развитие нашей страны. Мы по-прежнему задаем себе и читателям вопросы: как сделать нашу страну лучше, как повысить уровень и качество жизни россиян, как обеспечить России достойное место в мировой экономике, и понимаем, найти ответы на них можно только совместными усилиями неравнодушных, прогрессивно мыслящих специалистов.

Главный редактор «ЭКО»

КРЮКОВ В.А.

От Энциклопедии до Википедии: трансформация социальной структуры знания в эпоху постмодерна

С.А. БАРКОВ, доктор социологических наук. E-mail: barkserg@live.ru
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

Аннотация. Со времен Дидро до эпохи модерна энциклопедия как литературный жанр и социальный феномен была олицетворением торжества науки. Появление и развитие Википедии ознаменовало серьезные трансформации в социальной структуре знания о мире и принципах его структурирования. В эпоху постмодерна изменились представления об авторе справочных изданий, энциклопедичности как качестве личности, истинности публикуемых материалов. Эти изменения вызваны нарастающим объемом информации, диверсификацией и специализацией научного знания, осознанием неизбежности классового подхода (в широком смысле этого термина) к оценке различных явлений и пониманием ограничений науки как единственно верного и полезного способа познания реальности. В статье рассматривается процесс изменения социальной роли энциклопедии в современном мире. В частности, показано, что в какой-то момент она превратилась из кладезя мудрости в товар пассивного спроса и предмета для подарка. Сделан вывод о невозможности в современных условиях заменить Википедию традиционной энциклопедией, даже если на такой проект будут выделены громадные ресурсы.

Ключевые слова: энциклопедия; модерн; постмодерн; постиндустриальное общество; наука; энциклопедичность; знание; классовый подход

Энциклопедия Дидро как символ эпохи

Изданная в XVIII веке во Франции Энциклопедия стала символом эпохи Просвещения, олицетворением триумфа науки над безграмотностью, мифотворчеством и предрассудками, фактически – новой Библией. Точно так же, как ранее люди искали ответы на возникающие по жизни вопросы в Библии, теперь они обращались к Энциклопедии. И неявно подразумевалось, что практически на каждый вопрос здесь найдется ответ.

Сам процесс создания Энциклопедии воплотил базовые принципы и мифологемы устройства классической науки.

Первый из них заключался в том, что *субъект познания един*. В конечном счете в этой роли выступало все человечество, которое от первых лиц государств до самых простых людей нуждается в знаниях и будет радо получить их в максимальном объеме и в удобной для пользования форме. Это самое человечество делегировало процесс познания ученым. Последние даже в небольшом своем числе могут создать всеобщий справочник вечных истин. Напомним, что создание Энциклопедии началось с неудачной попытки перевода подобной английской книги, у которой вообще был один автор¹.

Д. Дидро и Ж.Л. Д'Аламбер, конечно, понимали, что сами не смогут охватить все содержание Энциклопедии, но все равно группа авторов была ограничена. По большей части в нее входили ученые и философы, придерживающиеся прогрессивных взглядов – Руссо, Вольтер, Монтескье, Гольбах. Вскоре именно их стали называть «энциклопедистами». Привлекались к изданию и некоторые представители церкви. Но само состояние науки и полученных ею знаний в то время позволяли ограниченной группе людей описать все те открытия и идеи, которые считались наиболее важными и заслуживающими внимания общественности.

Согласно второму принципу (мифологеме), *научный метод мог с успехом быть применен ко всем сторонам жизни* – к физике, астрономии, химии, политике, искусству, духовным исканиям человека. Всюду должны были торжествовать абсолютные истины, открытые наукой и по определению не имеющие приемлемых альтернатив. Единственно возможной альтернативой им считались ложь и невежество.

С условностью такого понимания познания Дидро сотоварищи столкнулись достаточно быстро. Уже в ходе издания первых томов выяснилось, что их мнение не совпадает ни с воззрениями элиты французского общества во главе с королем, ни с точкой зрения католической церкви. Если в естественных науках можно было наблюдать вполне понятное единство мнений, то, вторгаясь

¹ Речь идет об «Энциклопедии, или Всеобщий словарь ремесел и наук» англичанина Э. Чемберса, которую французский издатель Ле Бретон заказал перевести на французский язык. Сразу подразумевалось, что перевод будет «творческим» – с изменениями и дополнениями. К этому переводу и были привлечены Дидро и Д'Аламбер. Вскоре от публикации слегка измененной версии английского словаря отказались и решили подготовить самостоятельное издание. Так появилась знаменитая Энциклопедия.

в область общественных наук, авторы сталкивались с реальной оппозицией, обладающей совсем иными представлениями и собственными «истинами». Не случайно уже после выхода первых двух томов в 1752 г. издание было запрещено как еретическое и вредное с общественной точки зрения. Затем в течение многих лет делались попытки прекратить его выпуск и даже переписать ряд статей в угоду католической церкви, а Дидро и Д'Аламбер подвергались открытым репрессиям, вплоть до заключения в тюрьму.

Но тогда гонения на Энциклопедию были восприняты исключительно как протест реакционной части общества против передовых, но, несомненно, (а, может, именно поэтому) истинных взглядов. В головах ученых того времени это была борьба истины с ложью, а не разных истин или разных мнений. Авторы энциклопедий боролись со «злой» цензурой, а не с непреодолимым разнообразием мнений в обществе [Зеленов, 2014].

Знания в ту эпоху воспринимались как нечто стабильное. Тексты о них могли не переписываться годами или вообще оставаться в первозданном виде. Да и само переписывание подразумевало лишь добавление к уже полученным знаниям некоторых новых. Ирония истории заключается в том, что сегодня Энциклопедию Дидро чаще всего оценивают не с научной, а с классово-политической точки зрения: она своим содержанием подготовила Великую французскую революцию и, соответственно, замену устаревшего феодального общества новым капиталистическим.

Объективным, хотя и формальным, недостатком всевозможных энциклопедий, словарей и справочников, продолживших традицию французской Энциклопедии, было серьезное ограничение иллюстративного материала. Вообще с традиционных позиций книга – это прежде всего текст, который составляет ее содержание и обогащает читателя знаниями и эмоциями, а всякого рода иллюстрации являются просто приятным дополнением к нему. Исключения составляли главным образом детские книги, рассчитанные на не вполне разумных или «неразвитых» юных читателей, которым нужны картинки, чтобы лучше понять текст. Собственно, именно поэтому наиболее яркими и красочными всегда были именно детские энциклопедии.

Дидро с самого начала понимал всю важность иллюстраций, и в те 25 лет, которые он возглавлял Энциклопедию, наряду с 17 томами текста было издано целых 11 томов иллюстраций. Но в последующем традиционные взгляды на книгу взяли верх, и в большинстве случаев энциклопедические издания содержали очень небольшое количество картинок, часто настолько мелких, что на них трудно было что-то разобрать. Кроме всего прочего, такой подход определялся и экономическими соображениями – изготовление и печать иллюстраций всегда стоили недешево.

Энциклопедии и энциклопедичность

Принципиально важным социальным последствием издания энциклопедии стала вера в то, что один человек может достаточно свободно ориентироваться во множестве наук. С таким пониманием стала связываться классическая структура образования, которое могло начинаться и продолжаться в форме освоения томов детской энциклопедии. Помощь такому освоению оказывали родители и учителя. Важнейшим позитивным качеством личности стала энциклопедичность, пропагандируемая множеством «лидеров мнений» и во множестве книг.

На книгах нужно остановиться отдельно. Всю прелесть и даже необходимость энциклопедичности юный современник, скажем, эпохи модерна, понимал, читая произведения Жюль Верна. Паганель из «Детей капитана Гранта» и кузен Бенедикт из «Пятнадцатилетнего капитана» наглядно показывали, как важно, полезно, а порой даже «спасительно» знать хотя бы по чуть-чуть из разных наук. В более зрелом возрасте наши соотечественники встречались с фигурами Базарова («Отцы и дети») и Рахметова («Что делать?»), которые уже в открытую и очень яростно пропагандировали энциклопедичность. С ней прямо связывалось появление «новых людей», которые приведут общество к некоему идеальному состоянию. Рахметов, в частности, четко обозначал принцип, согласно которому нужно прочитать по одной, самой важной книге из разных наук, и тогда можно сформировать правильное мировоззрение, стать человеком, готовым своей собственной жизнью двигать общество вперед: «по каждому предмету капитальных сочинений очень немного; во всех остальных только повторяется, разжижается, портится то, что все гораздо полнее и яснее заключено в этих

немногих сочинениях. Надобно читать только их; всякое другое чтение – только напрасная трата времени... Если я прочел Адама Смита, Мальтуса, Рикардо и Милля, я знаю альфу и омегу этого направления, и мне не нужно читать ни одного из сотен политико-экономов, как бы ни были они знамениты...»².

В течение полутора веков энциклопедичность рассматривалась как вполне «демократическое» качество, которым в принципе может обладать множество людей. Совокупность знаний была не столь велика, и если человек не обладал широкой эрудицией, это могло свидетельствовать о его лени или ущербной памяти.

Однако уже к концу XX века энциклопедичность однозначно стала восприниматься как качество элитарное, ведь объем доступных знаний настолько увеличился, что память одного человека не могла его вместить. Энциклопедистами оставались чаще всего представители гуманитарных наук, обладающие выдающимся интеллектом – Лев Гумилев, Вячеслав Иванов, Дмитрий Лихачев, Сергей Аверинцев и др. Но даже они уже не могли восприниматься как «всезнающие» Базаров и Рахметов, тем более, они не могли сказать, что все люди должны обязательно стремиться быть похожими на них.

Интересно, что энциклопедичность стала одной из составных частей риторических способностей. Наряду с тембром голоса, умением управлять интонацией и строить фразы, способность быстро и грамотно приводить примеры из разных наук, исторических эпох, культур превращало выдающихся ораторов в неких гуру, обладающих сильнейшим воздействием на аудиторию. В этой своей ипостаси энциклопедичность живет и сегодня, но владеющий такой «риторической энциклопедичностью» человек уже никак не может сказать, что знает понемногу из всех наук, просто он умело использует определенные интересные для аудитории «биты информации» для привлечения внимания к своей речи.

Однако десятилетия пропаганды энциклопедичности показали и скрытую ее сторону, о которой говорил еще Гераклит многие века назад: «Многознание уму не научит». Вера в энциклопедичность, в эрудицию привела к появлению тысяч «коллекционеров» знаний. Иногда это происходило впрямую,

² Чернышевский Н. Г. Что делать? М.: АСТ, 2017. С. 297.

т.е. в форме реального накопления бумажных носителей информации: в квартирах и на дачах сотнями складывались подшивки журналов, в популярной форме описывавших научные достижения («Техника – молодежи», «Наука и жизнь», «Знание – сила» и т.п.). Умом, действительно, в большинстве случаев такие люди не отличались, но свято верили, что занимаются правильным делом и часто старались вставить в разговор что-то из вновь прочитанного.

Сегодня накопление бумажной информации ушло в прошлое, но в век компьютерных технологий различного рода поисковики предоставляют таким любителям эрудиции и энциклопедичности безграничные возможности бродить по просторам Интернета и собирать «интересные» научные факты. Однако именно та легкость, с которой сегодня одним кликом мышки можно добыть самые современные знания, свела практически к нулю былую привлекательность энциклопедичности как качества личности.

Кризис энциклопедии как кладезя мудрости и литературного жанра

Вернемся к самой Энциклопедии и развитию этого жанра. С ускоряющимся развитием науки и нарастающей ее специализацией стала очевидна бесперспективность попытки зафиксировать абсолютную истину в виде текста, пусть даже написанного выдающимся ученым. В современном обществе знаний так много, и они такие разные, что не понятно, зачем их все собирать в одном месте. Мало-помалу это становилось очевидным не только для ученых, но и для писателей. Если в конце XIX столетия создавались произведения, воспевающие энциклопедичность, в конце XX века создаются иронические тексты относительно самой затеи создать всеобщую энциклопедию. Одним из наиболее удачных представляется роман итальянского писателя А. Барикко «Море-океан», нижеприведенный большой отрывок из которого как нельзя лучше показывает современное отношение ко всякого рода энциклопедиям.

У Барикко автор специфической «энциклопедии пределов» так говорит о своей работе: «Природа обладает поразительным совершенством, являющимся суммой пределов. Природа совершенна, поскольку не бесконечна. Познав ее пределы, мы

узнаем, как работает ее механизм. Главное – познать пределы. Возьмем, к примеру, реки. Река может быть длинной, очень длинной, но она не может быть бесконечной. Чтобы механизм работал, она должна кончиться... Недавно я завершил раздел *Закаты*. Знаете, все же это гениально, что дни *кончатся*. Гениально. Дни, а потом ночи. И снова дни. Кажется, так и должно быть, но в том-то и вся гениальность... И вот теперь я у моря. Море. Подобно всему на свете, оно тоже кончается, но видите, и здесь, как в случае с закатами, самое трудное – обособить идею, иначе говоря, обобщить длинную цепочку рифов, берегов, заливов в единый образ, в понятие *конца моря*, чего-то, что можно выразить несколькими строками, вместить в энциклопедию, чтобы люди, прочтя ее, сумели понять, что море конечно»³. В какой-то момент времени он осознал, что все написанное быстро устаревает. «Наука, говорил он, движется вперед семимильными шагами, поэтому все время нужно что-то обновлять, уточнять, поправлять, подчищать. Его вдохновляла мысль, что Энциклопедия пределов в конце концов станет книгой без конца. Бесконечной книгой. Сущая нелепица, если вдуматься. Он и сам над этим посмеивался»⁴.

Будучи отражением бесконечного развития науки и знаний, сама энциклопедия всегда конечна. Этот парадокс стал очевиден в эпоху постмодерна, когда вера в науку как средство сделать людей счастливыми перестала мыслиться как аксиома развития цивилизации. Логика ее построения и громадный объем собранной ею информации оказались бесполезными для большинства людей. Энциклопедия осталась нужна и важна разве что далеким от жизни кабинетным ученым и ученикам, сдающим с ее помощью экзамены.

Следует обратить внимание, что кризис энциклопедии как литературного и научного жанра в эпоху постмодерна связан не только с предельной диверсификацией и стремительным обновлением научного знания. Сегодня всем очевиден классовый (в самом широком смысле) подход к социально-политическим, социально-экономическим и культурным реалиям. Здесь мы понимаем сущность классового подхода в том, что за любым

³ Барикко А. Море-океан: Роман /Пер. с ит. Г. Киселева. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. С. 13–14.

⁴ Там же. С. 171.

явлением, его осмыслением и оценкой видятся интересы определенных социальных групп⁵.

В истории общественной мысли первыми социальными группами, с последствиями для которых стали соотносить самые разные общественные процессы и их результаты, были классы (от Ф. Гизо и О. Тьери до К. Маркса). Отсюда и берет свое название классовый подход. Но если мы в качестве социальной группы выделим нацию, местную общину, гендерную группу – фактически любую совокупность людей, имеющую достаточно четко обозначенные интересы, методология восприятия социальной реальности от этого не меняется. Для сторонников классового подхода важно за любым явлением общественной жизни видеть те силы, которым оно выгодно, тех, кто усиливает свою позицию благодаря этому явлению.

С гносеологической точки зрения классовый подход не приемлет единой социальной теории, которая бы отстраненно объясняла то, что происходило, происходит и будет происходить. Всегда будут существовать две теории, по-разному толкующие одни и те же события и процессы. С наибольшей очевидностью такую трактовку познания можно наблюдать у заслуженно признанного основателя классового подхода К. Маркса: в свое время он попытался создать пролетарскую политэкономия в противовес буржуазной.

Дидро со своими коллегами, как и все последующие авторы энциклопедий, не использовали классовый подход. Можно сказать, что он в своей сущности противоречит социальной природе энциклопедии. Знания, собранные в энциклопедии, должны выглядеть как всеобщие и не зависящие от точек зрения авторов (хотя в реальной жизни, как мы видели, с самого начала этого достичь не удавалось).

Сегодня вполне очевидно, что две силы, конституирующие классовый подход, могут быть самыми разными, выделенными по ряду критериев, поэтому существует множество форм и видов классового подхода. Наиболее разработанными и часто используемыми являются три из них:

⁵ Образно лучше всего такую интерпретацию классового подхода выразил В. В. Маяковский: «Если звезды зажигают – значит – это кому-нибудь нужно?».

– *имущественный*, идущий от К. Маркса и включающий всех явных и неявных его последователей (в этом случае класс с низкими доходами противопоставляется классу с высокими доходами, обычные люди – элите, сконцентрировавшей всю полноту политической и экономической власти);

– *гендерный*, связанный с развитием феминизма (здесь противопоставляются мужчины и женщины и, соответственно, теории, которые отражают интересы полов в обществе);

– *геополитический*, ориентированный на противопоставление интересов разных стран на мировой арене (силы и, соответственно, теории, способствующие реализации национальных интересов какой-либо страны – России, США, Германии, Китая и др. – оказываются в конфликте с теми, которые ориентированы на ослабление ее геополитического влияния).

Но могут быть и другие критерии выделения и противопоставления обществ. Например, по ряду культурных и политических вопросов для западных стран сегодня важно деление на тех, кто представляет традиционные взгляды на семью, брак и секс, и сторонников либерализации и радикальной трансформации сексуальной жизни (ЛГБТ-сообщества).

Если по поводу законов Ньютона мнения богатых и бедных, мужчин и женщин, русских и американцев, гетерогенных и гомогенных пар едины, то в подавляющем большинстве социальных и культурных вопросов такого единства не было, нет и не будет. Статья в энциклопедии всегда будет тяготеть к тому, чтобы представить как наиболее приемлемую только одну точку зрения, даже если в ней будут упомянуты все другие. Об этом ярко свидетельствуют, например, издания (и соответственно переводы) советской «Философской энциклопедии» в Китае 1960-х и 1980-х гг. Обе версии фактически одного и того же текста несли на себе отпечаток официальной идеологии: «от откровенной политизации философии и ориентации на злободневность при бережном сохранении всего китайского» в 1960-е годы до «комплексного подхода в представлении философских знаний в полном соответствии с духом реформ открытости 1980-х гг. в Китае, когда стало важным адекватно отразить всемирную философию и познакомить китайских читателей с тем, что происходит в мире» [Чэнь Хао, 2019. С. 246, 249]. Тем самым энциклопедия теряет свое главное достоинство

и свое главное предназначение – представлять универсальные знания.

Бурное развитие естественных наук в последнее время в этом аспекте кризиса энциклопедического жанра также создало неожиданные предпосылки к появлению классового подхода. Продвигаясь все дальше и дальше в своем познании, ученые сталкиваются с проблемами, на которые невозможно дать однозначные ответы. Теории потепления и похолодания климата, различные трактовки большого взрыва и происхождения вселенной, альтернативные интерпретации происхождения жизни противостоят сегодня друг другу так же, как либерализм и консерватизм, глобализм и антиглобализм, этатизм и анархизм. При этом сторонники или противники той или иной теории иногда приобретают значимый общественный и политический вес. Все это, повторимся, подрывает сами основы создания всеобщей энциклопедии в эпоху постмодерна.

Вхождение в постмодерн: энциклопедия как подарок или занятная вещьца

На протяжении всей индустриальной стадии развития общества (эпохи модерна) энциклопедия воспринималась как вещь очень серьезная. Ее называли и кладезем мудрости, и незаменимым помощником в обучении; в ней видели яркое доказательство прогресса знания и торжества научного подхода к освоению мира. Безусловно, и сейчас энтузиасты стараются поднять статус энциклопедии. Так, в РФ существует Академия энциклопедических наук, члены которой разрабатывают структуру «энциклопедики» и проводят исследования развития энциклопедических систем в различных типах общества [Малышев, 2020. С. 15].

Но далее энциклопедию как социальный феномен ожидало то, что часто происходит с самыми разными явлениями в период их старения и постепенной утраты тех базовых функций, для которых они создавались. Нередко при этом нечто стареющее или устаревшее приобретает комические черты, но в случае с энциклопедией нельзя сказать, что «трагедия переросла в фарс», ведь собственно никакой трагедии не было. Скорее можно констатировать превращение серьезной вещи в игрушку.

На Западе к концу индустриальной эпохи (в послевоенное время) энциклопедия как книга, как товар приобрела весьма

специфические черты. Всякого рода энциклопедии и справочники стали считать товарами так называемого пассивного спроса. К этой группе также относятся страховки, профилактические стоматологические услуги, участки на кладбище и ряд других. Эти товары, в общем-то, нужны людям, и где-то в глубине души они осознают всю их полезность, но думать о них потенциальные покупатели не любят и уж точно мало кто будет специально искать их на рынке. Классик американского маркетинга Ф. Котлер писал о них следующее: «Уже в силу своей природы подобные товары требуют для своего сбыта значительных маркетинговых усилий в виде рекламы и методов личной продажи. Некоторые из наиболее изощренных приемов личной продажи появились на свет как результат стремления обеспечить сбыт именно товаров пассивного спроса» [Котлер, 1990. С. 289–290].

Энциклопедии распространялись тысячами коммивояжеров, которые ходили по домам и буквально просили: «Купите справочник лекарственных растений! Посмотрите, какая замечательная “История в лицах для всей семьи”! Как вы можете жить без энциклопедии здорового питания?!». Жители развитых капиталистических стран часто покупали эти издания просто, чтобы от них отвязались, или из жалости, или чтобы развлечь гостей перед ужином, или для подарка (последние две причины можно считать хоть сколько-нибудь рациональными).

В России судьба энциклопедических изданий сложилась ярче, хотя и в том же русле, как и за рубежом. В советское время из-за дефицита буквально всех хороших книг, энциклопедии пользовались вполне рациональным спросом. Но в годы реформ, точнее, во второй половине 1990-х – начале 2000-х, как раз перед массовым распространением Интернета в стране наблюдался настоящий бум энциклопедических изданий⁶. На этом сделали неплохие деньги как отечественные, так и зарубежные

⁶ По данным сайта «История книги», в тот период «особо следует отметить выпуск справочной литературы. Выпускаются все виды справочной литературы для всех категорий читателей. Особенно много издается справочной литературы для детей и юношества... Только одно издательство “Олма Пресс” выпустило в 2000–2001 гг. 9 энциклопедий в серии “Семейная энциклопедия”. Вышли: “Энциклопедия домашней кладовой”, “Энциклопедия лечебных овощей”, “Энциклопедия орехов и диких ягод”, “Энциклопедия полезных комнатных растений”, “Энциклопедия домашнего хозяйства”, “Энциклопедия матери и ребенка”, “Энциклопедия азартных игр” и др.». Источник: История книги. Книгоиздательство в России в 1990–2006 гг. URL: <http://maxbooks.ru/berabum/shomrak112.htm>. (дата обращения: 15.04.2020).

предприниматели. Людям очень нравилось покупать и дарить красиво изданные, довольно дорогие энциклопедии, посвященные самым разным сторонам жизни – библейской истории, искусству и культуре, биологии и техническим изобретениям и пр. В отличие от западных стран, коммивояжеры в России практически не ходили по квартирам – преступность была высокой, и люди в большинстве случаев просто не открывали двери – они приходили в офисы и умело агитировали как руководителей, так и рядовой персонал приобретать профессионально (и не очень) изданные энциклопедические издания.

Среди «иностранных агентов», воспользовавшихся сложившейся ситуацией, стоит выделить американское издание *Reader's Digest*, появившееся в те годы в России⁷. Используя ряд методов, характерных для сетевого маркетинга (в частности, бесплатную рассылку номеров журнала при указании адресов своих друзей и знакомых), данная организация предлагала массу энциклопедических изданий, часто очень поверхностного толка, составленных с учетом стереотипов и ценностей американской культуры, и с не слишком качественным переводом, но все равно их покупали достаточно активно.

Апофеозом нового «развлекательного» отношения к энциклопедиям в то время можно считать переиздание издательством «Терра» 86 томов энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона. Никакой рациональной основы для того, чтобы переиздавать энциклопедию начала XX века, пусть и с очень полным, но объективно устаревшим материалом не было. Такие книги могли выполнять только две функции – подарка и «мебели». Скорее всего, издатели руководствовались не рациональными, а эмоциональными мотивами: в 1990-е еще существовала ностальгия по тем десятилетиям, когда книги представляли собой большую ценность. В советское время данный словарь мог стоить сотни рублей, он даже представлялся вполне достойным «вложением капитала».

До конца объяснить «энциклопедический бум» того времени невозможно. По прошествии двух десятков лет он выглядит как некое мистическое улучшение здоровья перед смертью. Это был

⁷ ЗАО «Издательский дом “Ридерз Дайджест”» зарегистрирован в России в 1993 г. и ликвидирован в 2014 г. К концу его деятельности показатели работы неуклонно снижались.

яркий салют в честь всех бесчисленных энциклопедий, изданных в эпоху, не знавшую Интернета, последний мощный глоток воздуха перед погружением в забвение.

Википедия как альтернатива энциклопедии

Развитие Интернета в корне изменило не только социальную роль энциклопедий, но и саму структуру и содержание знания. Зачем хранить на полке тома постоянно устаревающей информации, если, набрав в поисковике нужное слово, за доли секунды получаешь по соответствующей теме множество статей, прекрасных иллюстраций и даже видео, наконец-то решивших проблему нехватки иллюстративного материала в традиционных энциклопедиях?

Виртуальная реальность находится в сложном взаимодействии с реальной жизнью – где-то она ее дополняет, где-то заменяет, где-то создает принципиально новые гибридные «реально-виртуальные» ситуации. Но в том, что касается энциклопедий, мы имеем дело с заменой в чистом виде. Как только у Интернета появилась относительно большая аудитория, сразу же выяснилось, что в нем можно найти буквально любую информацию, и для этого не нужно тратить много времени и денег. Даже противники столь быстрого вторжения Интернета в нашу жизнь признают его безусловные достоинства в поиске информации.

Уже в начале 2000-х прозорливые люди почувствовали, какое радикальное воздействие может оказать Интернет на энциклопедические издания традиционного типа. Так, директор издательства «Энциклопедия» В. М. Карев писал в то время: «С проблемой девальвации энциклопедического дела связана еще одна проблема современной энциклопедистики – ее взаимоотношения с электронными средствами информации, вплоть до поиска своего места в современном информационном пространстве. Пока интернет и электронные носители информации ограничиваются тем, что всеядно впитывают все светлые и мутные потоки книжной информации, прежде всего энциклопедической. Но наступает время, когда они – со свойственной им агрессивностью – начнут диктовать свои условия формирования и структуризации всей информации в целом» [Карев, 2005. С. 145].

Интернет в целом стал всеобщей энциклопедией и заместил то социальное место, которое ранее занимали бесчисленные

тома энциклопедий и справочников. Более того, со временем он выделил в своем пространстве специальное место – Википедию – для того, чтобы расшифровывать понятия и темы, характеризовать известных людей и описывать важные события. Википедия в современном обществе играет ту же самую роль, что играла Энциклопедия Дидро в обществе XVIII века.

Но как не похожа Википедия на энциклопедию! Ее структура и содержание в корне отличаются от того, к чему привыкли любители поискать сведения в традиционных энциклопедиях [Горбунов-Посадов, Полилова, 2012]. Важнейшее поверхностное отличие очевидно – в Интернете информация не распределена по алфавитному принципу. Этот внешний признак приводит к более существенной разнице.

Для пользования энциклопедией требовался как минимум начальный уровень образования. Во-первых, нужно было постоянно держать в голове порядок букв. Во-вторых, что более важно, в значительном количестве случаев нужно было знать, где именно искать информацию. Традиционная энциклопедия просто не могла содержать статьи обо всех элементах жизни, которыми интересовался читатель. Ему необходимо было представлять, к какому разделу относится интересующий его вопрос, понимать, что ответ может быть найден в статье, освещающей другое понятие или тему. В Интернете же можно набрать самым безграмотным образом любое слово или фразу, и тут же появятся многочисленные ссылки на статьи, где что-то говорится об искомом предмете.

Однако самые важные отличия затрагивают не форму, а создание и содержание информации. В эпоху постмодерна мы понимаем, что для описания нашего мира в качестве автора должно выступать все человечество. Именно оно и является автором Википедии. За энциклопедией всегда стояла пусть даже очень большая (как в случае с Большой советской или Британской энциклопедией), но замкнутая группа ученых. Энциклопедия всегда была элитарна по своей сути. И эта элитарность приводила к множеству последствий. Одно из них заключалось в том, что издание энциклопедии всегда было делом дорогим. Ученым нужно платить. Всем известные взаимоотношения Екатерины II и Дидро завязались именно на почве нехватки денег у последнего. Русская императрица в каком-то смысле прямо спонсировала издание

Энциклопедии, формально купив у ее главного организатора библиотеку. Википедия создается бесплатно. Конечно, существует ряд заказных и «проплаченных» статей, но их ничтожно мало в общем объеме современной информации.

Кроме того, даже очень большая группа ученых никогда не может описать всех значимых событий, которые происходили или происходят сегодня на планете, они обязательно что-то упустят. А все человечество способно описать жизнь во всех многочисленных ее проявлениях, на всех меридианах и широтах и во всех областях жизнедеятельности.

Однако при этом вполне обоснованно встает вопрос о качестве информации, созданной «всемирно». Иногда здесь стараются не просто объективно описать то, что происходит в реальности, а «продвинуть» себя, свою компанию или свою идеологию [Славкина, 2013]. И тут мы подходим, наверное, к главному отличию эпохи постмодерна от всех предыдущих эпох – сегодня очевидно, что знания не могут быть абсолютно истинными. Этот факт нужно принять как данность, а не «доблестно бороться» с ним.

Дидро создавал собрание не просто фактов, а истин и верил в то, что это возможно. Люди эпохи постмодерна изначально понимают абсурдность такого начинания. Это происходит потому, что знания все время меняются, и чем дальше, тем быстрее, причем новые знания часто перечеркивают все предшествующее. Но даже при условии стабильности информации классовый подход, о котором говорилось ранее, похоронил возможность написания абсолютно истинной энциклопедической статьи. Такая статья для кого-то будет истинной, а для кого-то – неточной, а возможно, и ложной.

Деятельность всего человечества по написанию Википедии требует определенной организации. С момента своего создания Википедия совершенствует свои административные и координационные элементы, что позволяет ей поддерживать достаточно высокий уровень надежности представленной информации (например, исследование, проведенное Nature, показало, что уровень точности статей в Википедии оказался таким же, как и в статьях Britannica [Giles, 2005]).

Одним из механизмов координации являются «Разговорные страницы» (Talk pages), которые технически обеспечивают

реализацию множества управленческих функций, начиная от стратегического планирования редакторской деятельности до введения правил поведения на платформе [Viégas et al., 2007]. Начиная с 2004 г. созданы процедуры для проверки участников, специальные «защищенные механизмы страниц», что позволяет Википедии успешно бороться с проявлениями вандализма и публикациями откровенной лжи [Shachaf & Hara, 2010].

В настоящий момент в разных национальных сегментах Википедии действуют выборные арбитражные комитеты, призванные разрешать различные конфликты, связанные с работой на этом ресурсе, которые оказалось невозможно разрешить иными методами. Помимо функций администраторов, в Википедии есть выборные бюрократы, чекъюзеры (люди, ответственные за проверку пользователей); инженеры, ботоводы (владельцы ботов, используемых при написания статей) и т.д. Но при всех указанных координационных механизмах, подобные проекты по своей природе не могут быть структурированы так четко, как энциклопедия.

Кроме того, если представить себе ситуацию, что координаторы Википедии начнут уж слишком «усердствовать», приводя информацию к некоему единому знаменателю, силу начнут набирать другие проекты, которые дадут возможность изложить максимум мнений и выплеснуть все мысли, которыми обладает на данный момент человечество. Таких проектов уже сейчас довольно много, но то, что они не сравнились по силе общественного воздействия с Википедией, говорит о том, что пока мировой разум находит в ней наиболее подходящее пространство для существования и развития. И даже если современная Википедия в какой-то момент отойдет в прошлое, ее заменит новый вики-проект, а никак не новая, или обновленная, или усовершенствованная энциклопедия.

Интернет по своей сути рыночная структура, построенная на множестве горизонтальных взаимодействий [Барков, 2008]. Он не терпит вертикали власти, но спокойно переносит противоречия в идеях, мнениях, интерпретациях. Поэтому здесь всегда найдется место не только истине, но и лжи. И жить в таком пространстве – судьба человечества в рамках современных тенденций развития цивилизации, цивилизации постмодерна.

Вхождение энциклопедии как социального феномена в эпоху старения демонстрирует не только Википедия, но и многочисленные «энциклопедии заблуждений», изданные в последние годы в России и за рубежом⁸. Эти издания самим своим существованием как бы издеваются над незыблемостью и истинностью знаний, представленных в традиционных энциклопедиях. Они содержат два типа материалов. Первый – это разоблачение массовых предрассудков и мнений, десятилетиями бытующих в обществе. Второй же непосредственно связан с устареванием материала обычных энциклопедий и учебников. По множеству наук (особенно это характерно для физики, астрономии и биологии) «школьные знания» большинства людей уже устарели, и энциклопедии заблуждений в постмодернистском стиле развеивают научные мифы прошлого с той же силой и страстью, с которой столетия назад традиционные энциклопедии разрушали религиозные представления о мире.

Попытки возродить энциклопедию в эпоху постмодерна

Время от времени и сегодня возникают попытки создать новую энциклопедию в виде альтернативы Википедии. В нашей стране в 2010 г. агентство «Роспечать» сообщило о намерении реализовать проект «Знание», рассчитанный на всех русскоязычных пользователей Интернета, а в перспективе предполагающий распространиться на страны БРИКС⁹. Авторы проекта, сторонники традиционных энциклопедий, заявляли, что основным его конкурентным преимуществом будет именно привлечение к написанию статей маститых экспертов,

⁸ См.: *Алябьев А. Н.* Энциклопедия заблуждений и фальсификаций. М.: Олма Медиа Групп, 2011; *Кэрролл Р. Т.* Энциклопедия заблуждений: собрание невероятных фактов, удивительных открытий и опасных поверий. М.: Издательский дом «Вильямс», 2005; *Мазуркевич С. А.* Полная и иллюстрированная энциклопедия заблуждений о главном. М.: Эксмо, 2006; *Маницкая Е. О.* Энциклопедия заблуждений. М.: Феникс-Премьер, 2016; *Трибис Е. А.* Гипотезы и заблуждения, о которых должен знать современный человек. М.: Рипол Классик, 2002; *Фрай С.* Книга всеобщих заблуждений. М.: Фантом Пресс, 2008, а также серию книг: Энциклопедия заблуждений. М.: Эксмо, Скиф, 2001–2006 (17 изданий) и страницу в Facebook: Энциклопедия заблуждений: Словарь скептика. URL: <https://www.facebook.com/skeptic>.

⁹ Стоит обратить внимание, что отечественные авторы буквально всех проектов по замене Википедии энциклопедией, построенной по классическим канонам, хотели распространить влияние последней не только на Россию, но и на часть мира. К упомянутым странам БРИКС иногда добавляли Кубу, Иран и некоторые другие страны.

а не безграмотных энтузиастов. Ресурс должен был начать работу в конце 2011 г., но так и не был запущен.

Чуть позже, в 2012 г., ответственный редактор научного издательства «Большая российская энциклопедия» С.Л. Кравец сказал, что новый сайт все же появится и будет «как “Википедия“, только качественнее». По его оценке, сайт мог бы стать коммерчески успешным и окупился бы в течение трех лет благодаря платному доступу. Но ни платного, ни бесплатного аналога Википедии так и не появилось.

В 2014 г. о схожем проекте заговорили руководители двух других известных российских ведомств. Президентская и Российская национальная библиотеки начали разрабатывать проект по созданию отечественной интернет-энциклопедии, призванной опять-таки стать альтернативой Википедии, которая, по мнению библиотекарей, содержит много неточностей и необъективных данных¹⁰. Спустя два года, в 2016 г., тогдашний директор Российской национальной библиотеки А.И. Вислый снова провозгласил, что в стране просто необходимо создать конкурента Википедии. Тогда же вышло соответствующее распоряжение правительства, а премьер-министр Д.А. Медведев утвердил рабочую группу, которая должна была заняться созданием (или, точнее, реанимацией) энциклопедии. Полноценный «энциклопедический» конкурент Википедии так и не появился, но весной 2016 г. начала работать электронная версия Большой российской энциклопедии – обычный сайт со статьями из печатного издания¹¹.

Хотя этот сайт уже был запущен и продолжал относительно успешно существовать, летом 2019 г. правительство вновь вернулось к идее создания некой мощной электронной энциклопедической структуры. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ разработало законопроект о выделении субсидий на создание общенационального интерактивного энциклопедического портала. На эти цели из бюджета выделены почти 2 млрд руб. Статьи для нового

¹⁰ В России создают «объективную» онлайн-энциклопедию вместо Википедии. URL: <https://habr.com/ru/post/362991>. (дата обращения: 10.05.2020).

¹¹ По данным сервиса SimilarWeb, в октябре 2019 г. пользователи посетили электронную версию энциклопедии 742 тысячи раз. Для сравнения: Википедией наши соотечественники в среднем пользовались более 176 миллионов раз за месяц.

сайта будут писать около 200 научных сотрудников издательства «Большая российская энциклопедия» и сотни приглашенных авторов, и под всеми материалами будут указаны их имена. А вот интернет-пользователи не смогут редактировать статьи как в Википедии, хотя у них будет возможность предложить составителям коррективы и обновления. Запустить электронную энциклопедию издательство планирует в 2022 г. – «на все про все» разработчики намерены потратить 33 месяца¹².

Многим кажется, что это благое и в принципе реализуемое мероприятие. Но невозможно даже представить, каких денег будет стоить подобная российская, а уж тем более всемирная энциклопедия, ведь ее мало просто создать, необходимо постоянно пополнять и обновлять информацию, что предполагает оплату труда десятков, а скорее сотен тысяч ученых. В этом случае, выражаясь экономическим языком, затраты перекроют весь положительный эффект от такого начинания. Да и эффект этот никак нельзя будет назвать положительным в долгосрочной перспективе. Чем дольше будут поддерживать проект подлинно научной энциклопедии, тем менее научным он будет становиться. Ведь успеть за лавинообразным прогрессом знаний и событий будет все сложнее и сложнее, а это неизменно приведет к пробелам в сборе самой современной информации. И тогда, несмотря на все потраченные миллиарды, люди опять будут обращаться к Википедии.

Конечно, в Интернете найдется место и для традиционных энциклопедий [Конотопов, 2016]. Например, в последние годы в России наблюдается рост интереса к региональным и городским энциклопедиям, аккумулирующим разнообразную информацию о прошлом и настоящем различных регионов и населенных пунктов [Радзовский, 2012; Фазыльянова, 2017; Куликова, 2017], формируются проекты об объединении подобных энциклопедий на единой интернет-платформе [Адрющенко, Суюнова, 2015]. Но это не отменяет главного тезиса о радикальном ослаблении их социальной роли. Ни один из этих сайтов по своей популярности не сравнится с Википедией. Традиционные энциклопедии

¹² В России создадут аналог «Википедии». Проектом за два миллиарда рублей займется издатель Православной энциклопедии. URL: <https://meduza.io/feature/2019/11/22/v-rossii-sozdadut-analog-vikipedii-proektom-za-dva-milliarda-rublej-zaymetsya-izdatel-pravoslavnoy-entsiklopedii>. (дата обращения: 20.04.2020)

не «задают тон» Интернету и современной структуре знания о мире. Они, по большому счету, лишь дополняют Википедию, представляя разные (а иногда и противоположные) трактовки предметов и событий.

* * *

Замена энциклопедии Википедией ознаменовала реальную трансформацию общества и знания, а также процессов его получения и представления в современном мире. Факт этой замены может служить реальным доказательством существования постмодерна как особой стадии развития человечества. Мы понимаем, что для каждой цивилизации и для каждого этапа ее развития характерен свой символический ряд. Энциклопедия была и остается символом эпохи, когда, безусловно, торжествовала наука с ее стремлением «разложить по полочкам» все элементы бытия. Википедия становится символом времени, когда разные пути познания реальности и самые разные тенденции в жизни людей начинают конкурентно сосуществовать, не боясь того, что познать всего невозможно, а в любой истине содержится доля лжи.

Литература

Адрющенко О. К., Суюнова Г. С. Создание регионального энциклопедического справочника: проблемы и перспективы // Вестник Академии энциклопедических наук. 2015. № 3(20). С. 16–19.

Барков С. А. Организация и рынок: противоборство или согласие? М.: Изд-во Московского университета, 2008. 244 с.

Горбунов-Посадов М. М., Полилова Т. А. От научной публикации к онлайн-энциклопедии // Научный сервис в сети Интернет: поиск новых решений. Труды Международной суперкомпьютерной конференции. М.: Изд-во Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, 2012. С. 589–590.

Зеленов М. В. Цензура: понятийный аппарат в энциклопедиях и проблемы построения энциклопедии по истории цензуры // История книги и цензуры в России. Вторые Блюмовские чтения. Материалы II международной научной конференции, посвященной памяти А. В. Блюма. СПб.: Изд-во Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, 2014. С. 7–12.

Карев В. М. Энциклопедии в современном мире // Высшее образование в России. 2005. № 3. С. 145–147.

Конотопов П. М. Мировые энциклопедии в XXI веке. Переход в электронный формат мировых универсальных энциклопедий на примере «Британники» и «Национальной энциклопедии Швеции» // Региональные энциклопедии в современной научной инфокоммуникационной системе

России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием/ Под ред. К.И. Аглиуллиной. 2016. Уфа: Изд-во: Государственное автономное учреждение науки Республики Башкортостан «Башкирская энциклопедия», 2016. С. 11–23.

Котлер Ф. Основы маркетинга. М.: Прогресс, 1990. 656 с.

Куликова А.И. Сравнительная характеристика национально-региональных энциклопедий в России//Проблемы Востоковедения. 2017. № 4 (78). С. 92–96.

Малышев Г.Н. Междисциплинарные связи в энциклопедической науке// Вестник Академии энциклопедических наук. 2020. № 1(38). С. 5–17.

Радзовский А.И. Региональные энциклопедии России: вчера, сегодня, завтра//Вестник академии наук Республики Башкортостан. 2012. № 4(17). С. 67–72.

Славкина Т. Интернет-энциклопедия Википедия как эффективный немедийный канал информационного продвижения компании// Мир искусств: Вестник международного института антиквариата. 2013. № 4. С. 98–101.

Фазыльянова Ф.К. Особенности подготовки городской энциклопедии: из опыта «Башкирской энциклопедии»// Вопросы энциклопедистики. Сб.статей Под общ. ред. У.Г. Сайтова. Уфа: Из-во “Башкирская энциклопедия”, 2017. С. 46–52.

Чэнь Хао Советская «Философская энциклопедия» в Китае//Вестник Тверского государственного университета. Серия Филология. 2019. № 4(63). С. 243–250.

Shachaf P.& Hara N. (2010) Beyond vandalism: Wikipedia trolls// Journal of Information Science, 36 (3). Pp. 357–370. DOI: 10.1177/0165551510365390.

Giles J. (2005) Internet encyclopaedias go head to head. In Nature, 14 December 2005. URL: <http://www.nature.com/news/2005/051212/full/438900a.html> (дата обращения: 02.06.2020).

Viegas F., Wattenberg M., Kriss J.& van Ham F. (2007) Talk Before You Type: Coordination in Wikipedia In: Proceedings of the 40th Hawaii International Conference on System Sciences 2007. Pp. 1–10.

Статья поступила 01.06.2020.

Статья принята к публикации 11.06.2020.

Для цитирования: *Барков С.А.* От Энциклопедии до Википедии: трансформация социальной структуры знания в эпоху постмодерна// ЭКО. 2020. № 11. С. 15-37. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-11-15-37.

Summary

Barkov, S.A. Doct. Sci. (Sociology), Lomonosov Moscow State University, Moscow

From the Encyclopedia to Wikipedia: how the Social Structure of Knowledge is Transforming in the Postmodernity

Abstract. Since the time of Diderot, the encyclopedia as a genre and social phenomenon has incarnated the triumph of science in the modernity. The emergence and development of Wikipedia marked a serious transformation in the social structure of knowledge about the world and the principles of its structuring. In the

postmodernity, changes affected the author of referential publications, erudition as a quality of personality, verification of published materials. These changes are caused by a growing size of information, diversification and specialization of scientific knowledge, the inevitability of the class approach (in the broad sense of the term) to assess various phenomena, and limitations of science as the only true and useful way of understanding reality.

The paper considers how the social role of the encyclopedia has changed in the modern world. In particular, it is shown that at some point in time it turned from a storehouse of wisdom into a product of passive demand and a gift object. It is concluded that in modern conditions it is impossible to replace Wikipedia with a traditional encyclopedia, even if enormous resources are allocated for such a project.

Keywords: *encyclopedia; modern; postmodern; post-industrial society; science; erudition; knowledge; class approach*

References

Adryushchenko, O.K., Suyunova, G.S. (2015). Development of a regional encyclopedic directory: problems and perspectives. *Vestnik Akademii enciklopedicheskikh nauk*. No. 3(20). Pp. 16–19. (In Russ.).

Barkov, S.A. (2008). *Organization and market: confrontation or consent?* Moscow: Moscow University Publishing House. 244 p. (In Russ.).

Chen, Hao. (2019). Soviet «Philosophical Encyclopedia» in China. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya*. No. 4(63). Pp. 243–250. (In Russ.).

Fazyl'yanova, F.K. (2017). Peculiarities of preparation of city encyclopedia: from experience of “Bashkir encyclopedia”. *Voprosy enciklopedistiki. Sb. statej Encyklopedicheskikh voprosam*. Collected articles under the general editorship of U.G. Saitov. Ufa: Bashkirskaya enciklopediya Publ. Pp. 46–52. (In Russ.).

Giles, J. (2005). Internet encyclopaedias go head to head. In *Nature*, 14 December 2005. Available at <http://www.nature.com/news/2005/051212/full/438900a.html> (accessed 02.06.2020).

Gorbunov-Posadov, M.M.; Polilova, T.A. (2012). From scientific publication to online encyclopedia. *Nauchnyi servis v seti Internet: poisk novykh reshenii. Trudy Mezhdunarodnoi superkomp'yuternoii konferentsii*. Scientific service on the Internet: search for new solutions. Proceedings of the International Supercomputer Conference. Moscow: Publishing house of the Lomonosov Moscow State University. Pp. 589–590. (In Russ.).

Karev, V.M. (2005). Encyclopedias in Modern World. *Vyshee obrazovanie v Rossii. Higher Education in Russia*. No. 3. Pp. 145–147. (In Russ.).

Konotopov, P.M. (2016). World Encyclopedias in the XXI century. Transition to electronic format of world universal encyclopedias on the example of “Britannica” and “National Encyclopedia of Sweden”. *Regional'nye entsiklopedii v sovremennoi nauchnoi infokommunikatsionnoi sisteme Rossii. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. Regional encyclopedias in modern scientific info-communication system of Russia. Materials of All-Russian scientific-practical conference with international participation. Ufa: State Autonomous Scientific Institution of the Republic of Bashkortostan “Bashkir Encyclopedia” Publ. Pp. 11–23.

- Kotler, F. (1990). *Basics of Marketing*. Moscow: Progress. 656 p.
- Kulikova, A.I. (2017). Comparative characteristic of the national-regional encyclopedias in Russia//*Problemy Vostokovedeniya. The Problems of Oriental Studies*. No. 4 (78). Pp. 92–96. (In Russ.).
- Malyshev, G.N. (2020). Interdisciplinary relations in encyclopedic science. *Vestnik Akademii enciklopedicheskikh nauk*. No. 1(38). Pp. 5–17. (In Russ.).
- Radzovskij, A.I. (2012). Regional encyclopedias of Russia: yesterday, today, tomorrow. *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan. The Herald of the ASRB*. No. 4(17). Pp. 67–72. (In Russ.).
- Shachaf, P.& Hara, N. (2010). Beyond vandalism: Wikipedia trolls. *Journal of Information Science*, 36 (3). Pp. 357–370. DOI: 10.1177/0165551510365390
- Slavkina, T. (2013). Internet Encyclopedia Wikipedia as an Effective Non-Media Channel of Information Promotion of the Company. *Mir iskusstv: Vestnik mezhdunarodnogo instituta antikvariata*. No. 4. Pp. 98–101. (In Russ.).
- Viegas, F., Wattenberg, M., Kriss, J.& van Ham, F. (2007). Talk Before You Type: Coordination in Wikipedia In: Proceedings of the 40th Hawaii International Conference on System Sciences 2007. Pp. 1–10.
- Zelenov, M.V. (2014). Censorship: a conceptual apparatus in encyclopedias and problems of building an encyclopedia on the history of censorship. *Istoriya knigi i tsenzury v Rossii. Vtorye Blyumovskie chteniya. Materialy II mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati A. V. Blyuma*. History of books and censorship in Russia. Second Blumov Readings. Materials of the II International Scientific Conference devoted to the memory of A.V. Blum. St. Petersburg: Publishing house of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin. Pp. 7–12. (In Russ.).

For citation: Barkov, S.A. (2020). From the Encyclopedia to Wikipedia: how the Social Structure of Knowledge is Transforming in the Postmodernity. *ECO*. No. 11. Pp. 15-37. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-11-15-37.

О математике в экономической науке

В.И. КЛИСТОРИН, доктор экономических наук. E-mail: klistorin@ieie.nsc.ru
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирский государственный университет, Новосибирск
ORCID: 0000-0002-4011-5932

Аннотация. В статье обсуждаются достижения и проблемы, связанные с использованием математических моделей и методов в экономических исследованиях. Несомненные успехи в этой области сопровождались крупными провалами, что провоцировало дискуссии о плодотворности и полезности использования математических моделей в развитии экономической науки вообще. Особое место эти дискуссии, продолжающиеся почти пятьдесят лет, играли в истории экономической науки и образования в нашей стране. Суть дискуссии состоит в том, дает ли использование моделей новое знание об экономике или оно добывается иными путями. И второй вопрос: связано ли использование моделей только с одной теоретической концепцией, а именно с неоклассикой, или экономисты могут строить модели придерживаясь других концепций. Кроме того, идея максимизирующего поведения так или иначе присутствует во всех концепциях. Чрезмерное увлечение все более изолированным инструментарием приводит к тому, что содержательные вопросы уходят на второй план, а повторить расчеты по модели становится очень трудно. Эти замечания касаются и эконометрических моделей. Указаны и другие проблемы в использовании экономико-математических моделей. Быстрое развитие инструментария создает проблемы и в экономическом образовании, поскольку экономика остается гуманитарной наукой.

Ключевые слова: экономика; математические модели и методы; методология; альтернативные теории; позитивизм; инструментализм; оптимизация; эконометрика

А математику уже затем учить следует,
что она ум в порядок приводит.

М.В. Ломоносов

Заставь дурака Богу молиться – он
и лоб расшибет.

Народная мудрость

История вопроса и постановка проблемы

Цели экономической науки, исходя из ее общественной функции, можно определить следующим образом: разработка понятийного аппарата и базовых моделей развития социально-экономических систем (формирование научной картины мира), создание основ для принятия решений (разработка прикладных

моделей и систем принятия решений) и использование результатов научных исследований в качестве оружия идейной и политической борьбы¹. Именно политики, окружившие себя экономическими советниками и консультантами, но преследуя собственные цели, больше всего говорят о научно-обоснованной экономической политике, критикуют оппонентов за незнание основ, открытых современной наукой, и пугают избирателей якобы неизбежными катастрофами в случае принятия альтернативных решений.

В этом плане математика как универсальный язык науки играет огромную роль. Хотя экономисты всегда стремились или, по крайней мере, декларировали своей целью создание идеологически нейтральной науки, что предопределило распространение позитивизма, прагматизма и инструментализма в этой сфере познания реальности, сформировать действительно ценностно-нейтральную науку не удалось. Хуже того, чем более усердно ученые в студенческие годы штудировали литературу в рамках той или иной концепции и чем дольше они работали в ее направлении, тем труднее им впоследствии пересматривать свои взгляды даже притом, что они были подвергнуты жесткой критике и показали свою неадекватность.

В первой половине 1960-х годов сначала на страницах журнала «Вопросы экономики», а потом и в других изданиях развернулась дискуссия о продуктивности использования экономико-математических методов в экономических исследованиях. Казалось бы, о чем тут можно спорить. Математика как один из языков науки может использоваться везде, где накопленный массив знаний и данных позволяет это. Но в СССР дискуссия имела особое значение для развития науки. Дело в том, что господствовавшая в то время марксистская политическая экономия в её ленинско-бухаринско-сталинском варианте не допускала методологической дискуссии и возможной критики со стороны иных школ и направлений.

В. Н. Богачев, одно время работавший в журнале «Вопросы экономики», в личной беседе вспоминал, как академик С. Г. Струмилин при встрече приветствовал его словами: «А, вы

¹ Глубокий и всесторонний обзор взглядов на эволюцию профессии экономиста с позиций функций экономической науки, специфики ее положения в обществе и формировании идеологии и политики представлен в статье [Коутс, 2002].

тот самый Богачев, который вместе с Немчиновым протаскивает австрийскую теорию предельной полезности». И он не ошибался. Действительно, переход от анализа средних к анализу предельных величин сам по себе угрожал всей конструкции тогдашней политической экономии. Следует отметить, что параллельно шла дискуссия о совершенствовании хозяйственного механизма и системы управления в стране, итогом которой была экономическая реформа, связанная с именем А. Н. Косыгина.

Л. В. Канторович в своей нобелевской лекции специально отмечал, что использование математических методов меняет цель экономических исследований и обеспечивает переход от изучения и наблюдения происходящих в экономике процессов к управлению ими, единому планированию, исходящему из единых целей, охватывающему длительную перспективу и доведенному до конкретных заданий отдельным предприятиям. Именно это позволяют система общенародной собственности и марксистская методология [Канторович, 2002]. Но, с другой стороны, он же отмечал, что необходима децентрализация в управлении и упор на экономические стимулы для предприятий. Поскольку в советской экономике цены, рента, арендные платежи, процент на капитал устанавливаются директивно, то задачей науки становится разработка «объективных» оснований для их расчета.

В период, предшествующий обсуждению полезности математических методов в экономике, в стране сформировалось фактически две науки. Политэкономы обсуждали важные вопросы, связанные с законами социалистического воспроизводства, редукции труда и перехода к высшей стадии коммунизма, а другие экономисты решали задачи выбора места размещения предприятий, сроков освоения природных ресурсов и сбалансированности товарных потоков. При этом считалось, что теорию и методологию разрабатывают только первые, а вторые решают прикладные задачи. И тут вторая группа исследователей предъявила претензии на собственный вклад в экономическую науку. Более того, опираясь на воспоминания Поля Лафарга, согласно которым К. Маркс считал, что «наука только тогда достигает совершенства, когда ей удаётся пользоваться математикой» [Лафарг, 1956. С. 66], они утверждали свое несомненное лидерство.

Разумеется, помимо того, что новые направления и инструментарий анализа открывают новые возможности не только в науке, но и в повышении научного и административного статуса исследователей, использование математических моделей открывало и новые степени свободы творчества.

Поскольку гуманитарная научная и идеологическая номенклатура плохо знала математику и методы обработки данных, достаточно было снабдить статью или диссертацию обильным цитированием классиков марксизма-ленинизма, документов и решений партии и правительства и подчеркнуть частный характер и практическую направленность работы, как дорога к публикации и успешной защите были открыты.

Примечательно, что споры о теоретической значимости экономико-математических моделей и методов в нашей стране снова и снова возобновлялись, когда становилась очевидной неэффективность действующей экономической модели и системы государственного управления. Так было и во второй половине 1980-х годов, когда после публикации статьи В.Л. Макарова развернулась дискуссия на страницах журнала «Экономико-математические методы» [Макаров, 1986].

В мировой экономической науке такие обсуждения, правда, в гораздо меньшей степени связанные с проблемами текущей экономической политики, начались гораздо раньше и продолжаются до сих пор. При этом собственно математическая подготовка тех или иных авторов играла скорее второстепенную роль в представлениях о самостоятельной ценности моделей в их теоретических конструкциях [Шумпетер, 2004. С. 1260–1262].

Проблемой видится то, что в экономической науке, как и в любой сфере деятельности, и особенно творческой, следует различать валовый выпуск и конечный продукт. Огромный поток публикаций вовсе не обязан характеризовать прогресс знания и понимания действительности и определяется большим числом других факторов, начиная с доступности информации, преходящей актуальности, моды, вплоть до легкости публикации результатов и требований, предъявляемых научными журналами. Специалисты, анализирувавшие публикации по экономической тематике, отмечали, что степень математизации экономических статей непрерывно возрастает. «Это подсказывает гипотезу, согласно которой высокая степень математизации увеличивает

шанс того, что статья, присланная в такой журнал, будет принята к опубликованию; однако данная гипотеза не объясняет причину этого явления» [Блини, Стюарт, 2002. С. 896].

Наряду с добросовестными исследователями всегда существует большое число людей, случайно оказавшихся в науке, не обладающих необходимыми качествами для проведения самостоятельных исследований и относящихся к своей профессии как к ремеслу. Некоторые из них вообще занялись наукой только потому, что писать статьи легче, чем укладывать кирпичи или таскать мешки. Таким людям проще годами выписывать уравнения, представлять результаты расчетов и тестирования гипотез, чем открывать что-то новое. Кроме того, став массовой профессией, наука во многом перестала быть сообществом, в котором высшая награда – это профессиональное признание коллег. Должности, звания, жалования и льготы вполне заменяют их одобрение и даже восхищение.

Наконец, углубление разделения труда сопровождается ростом фрагментации знания. Образ ученого, в том числе и экономиста, знающего все о ничтожной по значимости проблеме и очень немного или практически ничего – об остальном, уже вошел в поговорку. Математическое наукообразие позволяет в известной степени скрывать это явление.

Таким образом, цель данной статьи состоит не столько в очередной попытке разобраться в вечной проблеме теоретической плодотворности экономико-математических моделей и методов, сколько указать на проблемы и угрозы со стороны бездумного отношения к использованию соответствующего инструментария и попытаться наметить критерии и признаки действительно ценного знания.

Математическое моделирование как способ мышления и рутинная работа

Йозеф Шумпетер в своей Истории экономического анализа специально посвятил обсуждаемой проблеме небольшой раздел «Роль математики в экономической теории» [Шумпетер, 2004. С. 1258–1268]. При этом во многих других главах и разделах он обсуждал результаты и методы исследований экономистов, внесших весомый вклад в экономическую теорию с использованием математических моделей. Он показал, что

весомость полученных результатов мало зависела от признания авторами самоценности математических методов. Более того, разные ученые приходили к сходным выводам вне их отношения к математике. Причину Й. Шумпетер видел не столько в знании математики, сколько в «математических прирожденных способностях», как это было, например, у Д. Рикардо [Шумпетер, 2004. С. 1261]. По понятным причинам Шумпетер в своем анализе остановился на достижениях тридцатых годов прошлого столетия, обсуждая работы Дж. Кейнса, К. Викселя, И. Фишера. Более поздние труды его современников, таких как Я. Тинберген, Э. Хансен, У. Митчелл или С. Кузнец только упоминаются, да и то преимущественно в сносках. При этом об используемом ими математическом аппарате он не писал ничего и обсуждал только содержательные выводы.

К сходным выводам спустя полвека пришел В. Н. Богачев: «Математическая экономика, т.е. описание отношений и зависимостей хозяйственных явлений и величин на специальных формализованных языках, как и их анализ методами математики, – законная и полноправная ветвь экономической теории. Она не имеет какого-либо отдельного своего предмета, отличного от предмета экономической теории вообще; единственный источник, питающий экономико-математические исследования – традиции и проблематика экономического анализа: основное содержание идей, оформляемых как теоремы и доказываемых (или опровергаемых) логически безупречными средствами математики, заимствуются из материала, доставляемого словесными исследованиями» [Богачев, 1987. С. 513]².

Во второй половине XX века математическое моделирование прочно закрепилось в мейнстриме мировой экономической науки. Собственно, это обстоятельство тормозило развитие отечественной экономической мысли, поскольку в результате репрессий 1930-х работать в рамках альтернативных вульгарному марксизму концепций стало так же опасно, как и публиковать результаты исследований реальных процессов. А фундамент экономико-математических и статистических исследований в стране был солидным еще с дореволюционных времен. Достаточно вспомнить работы

² Особенно полезен в указанной работе раздел «О месте и функциях математической экономики в системе экономического знания».

В. К. Дмитриева, В. С. Войтинского, Е. Е. Слуцкого, Н. А. Столярова и др. Вообще, отечественные экономисты в то время были хорошо знакомы с новейшими достижениями мировой науки, включая и экономико-математическое направление. Кроме того, большое количество профессиональных математиков интересовались проблемами общественных наук. Широко было распространено убеждение, что поскольку экономика как наука имеет дело с количественными данными, которые могут быть проанализированы стандартными методами, то и математические модели могут быть чрезвычайно полезны для описания и анализа экономических процессов. Так было примерно до середины 1920-х годов.

В 1930-е и последующие годы эти исследования ушли в тень, но не прекратились полностью. Достаточно упомянуть работы Л. В. Канторовича «Математические методы организации и планирования производства» (1939), В. В. Новожилова «Методы соизмерения народнохозяйственной эффективности плановых и проектных вариантов» (1939)³, А. Л. Лурье и В. Н. Толстого по рационализации транспортных перевозок (транспортная задача) и многие другие.

Бурное развитие экономико-математического направления с конца 1950-х и в последующие годы объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, происходила реинтеграция отечественной экономической науки в мировую и для этого следовало менять язык публикации результатов. Главным образом через контакты с учеными социалистических стран Восточной Европы⁴.

Во-вторых, экономико-математические модели можно было использовать не только для анализа процессов, но и для прогнозирования (при условии принятия дополнительных гипотез) и выбора наилучших вариантов экономической политики. Эта идея казалась наиболее привлекательной в социалистической экономике, поскольку позволяла сформулировать четкие критерии народнохозяйственной эффективности и задать параметры,

³ Основные его работы публиковались в полном виде гораздо позднее, вплоть до конца 1980-х.

⁴ Несколько иную историю развития экономико-математического направления в СССР приводит В. М. Широкин на основании собственного опыта [Широкин, 2020]. Но его мнение в целом не противоречит позиции автора.

обеспечивающие сближение, если не совпадение, локальных оптимумов с народнохозяйственным [Канторович, Горстко, 1972].

Важную роль в использовании математических методов сыграли коллективы научных институтов при Госплане СССР и госпланов союзных республик, а также вычислительных центров плановых органов. Было налажено тесное взаимодействие этих коллективов и академических институтов, объединенных единой методологией и идеологией.

Представление об экономике как о многоуровневой, но единой производственной системе, которой можно управлять как корпорацией со сложной организационной структурой, построенной по иерархическому принципу, привело к концепции «Системы оптимального функционирования экономики» (СОФЭ), разработанной в ЦЭМИ под руководством Н.П. Федоренко, изложенной в его работе «Вопросы экономической теории» [Федоренко, 1994].

Близкую по идеологии «Систему оптимального народнохозяйственного планирования» разрабатывали в ИЭОПП СО РАН [Системное моделирование, 2014], в которой значительное внимание уделялось пространственным аспектам планирования развития и размещения производительных сил и межрегиональным взаимодействиям [Оптимизация территориальных систем, 2010. С. 29–44].

Но с точки зрения развития фундаментальной науки и практического использования прикладных результатов эти попытки оказались малосостоятельны: «Пожалуй, можно констатировать, что практическое воплощение идей системного моделирования окончилось неудачно. Несмотря на отдельные частные успехи, не удалось построить системы моделей народнохозяйственного планирования или прогнозирования» [Системное моделирование, 2014. С. 9].

Причины видятся в том, что в экономике действуют люди со своими интересами. При этом в отличие от предприятий и организаций, цели, приписываемые экономическим системам, являются результатом сложных, в том числе и горизонтальных взаимодействий. Поэтому критерии эффективности их деятельности легко сформулировать, но трудно навязать даже в централизованной плановой экономике. По той же причине практические рекомендации, следовавшие из модельных

расчетов и потому якобы опиравшиеся на беспристрастный «объективный» анализ и прогноз, фактически игнорировались властями на всех уровнях, поскольку могли затронуть интересы тех или иных групп и структур.

Л. В. Канторович специально отмечал трудоемкость разработки частных моделей, требующих объединения усилий специалистов разного профиля.

Важно отметить, что разработка изошренного модельного аппарата с учетом все более широкого круга факторов и ограничений технологического и институционального характера привела к использованию все большего набора гипотез (в том числе и неявно принимаемых), при игнорировании вопросов об их обоснованности и издержек, связанных с их учетом в «оптимальном» плане-прогнозе.

Увлечение планированием и программированием и привело к переносу фокуса исследования с обсуждения свойств модели и ее адекватности на получение численного решения задачи. Вместо использования модели как аналитического инструмента (анализ теневых цен и их структуры, полных затрат, устойчивости решения, эластичности параметров по цене и проч.) демонстрировались результаты расчетов, а их критика разбивалась аргументами типа «мы использовали те данные, которые есть» или ссылками на неизбежные проблемы при агрегации информации. И то, и другое якобы можно преодолеть в будущих работах.

Нет необходимости защищать полезность использования математических моделей в экономических исследованиях. В конце концов никто не ставит под сомнение такие отрасли знаний и научные дисциплины, как исследование операций, проектный анализ или финансовый анализ деятельности предприятия. Но дискуссии о теоретической ценности математических моделей и лежащих в их основе принципов неоклассики не утихают [Блауг, 2004].

Бурные события в конце XX века привели к росту дискуссий о самих принципах планового управления экономикой и отодвинули на второй план, если не уничтожили, обсуждение моделей планирования социалистической экономики. На смену отечественным разработкам оптимального планирования и управления пришли заимствованные модели, разработанные

для рыночной экономики североамериканского или европейского типа. Одновременно быстро рос интерес к эконометрическим моделям, о чем поговорим далее⁵.

Критика формализма

Большой сторонник экономико-математического направления В.Н. Богачев писал: «Авангардная, поисковая, рекогносцировочная функция выполняется как раз вербальным экономическим исследованием» [Богачев, 1987. С. 514]. Любопытно, что именно этот тезис использовался для критики этого направления экономической мысли. Если В.Н. Богачев считал, что модели являются «конечным продуктом» в смысле финального оформления результатов исследования, то альтернативная точка зрения состояла в том, что коль скоро результат получен, его оформление в виде набора формул излишне.

Б. Селигмен с большим сочувствием относился к чисто гуманитарным школам и направлениям экономической науки [Селигмен, 1968]. Даже анализируя результаты ученых, широко использовавших модели, таких как Л. Вальрас или В.В. Леонтьев, он обходился без обсуждения структуры и формализации моделей. Большое внимание он уделял немецкой исторической школе и старому институционализму, балансировавшим на грани между экономикой, историей, социологией и другими общественными науками, и потому ограничивавших использование математики статистикой, разбавленной многочисленными фактами из самых разнообразных источников.

Действительно, несмотря на высокую степень математизации, экономика остается гуманитарной наукой. Но современная экономическая наука внутренне связана с методологией инструментализма, и поэтому основной задачей историков экономической мысли является проведение критической оценки этого подхода и его сравнение с альтернативными точками зрения [Курц, 2008. С. 10–11]. Это утверждение касается не только историков науки.

Людвиг фон Мизес доказывал, что «математический метод должен быть отвергнут не только потому, что он бесплоден.

⁵ За пределами настоящей статьи остается обсуждение имитационного моделирования, в том числе и агентоориентированные модели.

Это совершенно неправильный метод, исходящий из неверных предпосылок и ведущий к ошибочным выводам. Строящиеся в соответствии с этим методом силлогизмы не только лишены практической ценности, они отвлекают от изучения реальных проблем и искажают соотношения между различными явлениями» [Селигмен, 1968. С. 205].

Вообще основоположники австрийской школы полагали, что экономические законы не обладают количественной определенностью и не имеют предсказательной силы, и именно поэтому они не могут быть эмпирически опровергнуты. Цель экономической науки – не прогноз, а понимание. На основании некоторого набора принципов выявляется смысл происходящего в мире разрозненных фактов, которые стали следствием непредсказуемых человеческих решений и поступков, что исключает повторяемость событий. Экономические законы нужны для того, чтобы придать смысл массе разрозненных фактов. Эту же точку зрения разделяет и большинство их последователей.

Современные приверженцы старого институционализма считают, что чисто экономическая точка зрения приемлема лишь в отношении проблем, касающихся очень ограниченных сторон политически стабильного и однородного в социально-экономическом отношении общества с устоявшимися институтами. Поэтому любые рекомендации, которые могут быть получены при таком анализе, далеки от реальности.

По их мнению, экономика – не естественнонаучная дисциплина, а наука о процессах, происходящих в обществе, и, следовательно, нельзя непосредственно переносить в экономические исследования методы естественных наук, в частности, метод «изолирующей абстракции», что ограничивается тезисом Дюкгейма-Куайна (оговорка «при прочих равных условиях»), которые существенно усложняют эмпирическую проверку теории и снижают ее прогностические возможности.

Очень много возражений против использования математических моделей следует из жестких требований к формулировке задачи и условий ее решения, однозначности определения переменных и качеству данных. Например, когда читаешь: «допустим, функция выпуска является гладкой, непрерывной и дважды дифференцируемой в каждой точке» или «допустим, что

на рынке присутствуют M фирм и их целевые функции имеют следующий вид ...», понимаешь уровень абстракции постановки задачи и ожидаемых результатов. Других же критиков отпугивают простота и даже тривиальность уравнений и неравенств, и им непонятно, какое новое знание можно извлечь из всего этого.

Специалистам в области математического моделирования, особенно макроэкономистам, часто бросают упреки в том, что они не смогли предсказать финансово-экономические кризисы и продолжительность последующей рецессии [Ефимов, 2016. С. 10], в то время как некоторые экономисты кризис предсказывали. Стал хрестоматийным пример предсказания Великой депрессии Т. Вебленом, когда экономические барометры показывали «ясно».

Неприязнь к использованию математических методов столь глубока у значительной части радикально настроенных оппонентов, преимущественно левого направления, что они призывают ограничить, если не запретить, преподавание неоклассической экономики в вузах как, с одной стороны, бессодержательной дисциплины и, с другой, – как апологетической теории, оправдывающей существующий порядок эксплуатации [Ефимов, 2016. С. 231–232]. Обвинения в апологетике существующего общественного строя обычно предъявлялись марксистами т.н. буржуазным экономистам. Но и теперь этот аргумент активно используется [Ефимов, 2016. С. 67–70], а требования плюрализма, как известно, очень часто заканчиваются очередной монополией на истину и созданием новой ортодоксии что в политике, что в науке.

Перечень критики экономико-математического направления в экономических исследованиях можно продолжать до бесконечности. Но завершить этот сюжет хочется ссылками на мнение такого авторитетного специалиста в области экономико-математического моделирования и анализа, как В.В. Леонтьев. Во введении к своей книге «Экономические эссе» он писал, что экономическая наука интеллектуально деградировала, и одним из показателей деградации является увлечение формальными методами и пренебрежение эмпирическими исследованиями [Леонтьев, 1990. С. 21–26].

«Каждая страница экономических журналов пестрит математическими формулами, которые ведут читателя от более

или менее правдоподобных, но абсолютно произвольных утверждений к точно сформулированным, но не относящимся к делу теоретическим выводам» [Леонтьев, 1990. С. 22]. «Год за годом экономисты-теоретики продолжают создавать десятки математических моделей... а эконометрики – приспосабливать алгебраические функции различных видов и форм к прежним наборам статистических данных, будучи не в состоянии заметно продвинуться в систематическом понимании структуры и принципов функционирования реальной экономической системы [Леонтьев, 1990. С. 25]⁶.

Построение экономико-математических моделей было огромным прогрессом, но привело к превращению части экономических исследований в разновидность математики, что даже породило специальное название «модельного безумия». Дискуссия вокруг соотношения теоретических и эмпирических исследований в экономике, роли методологии в исследованиях началась фактически более 200 лет назад и никогда не закончится. Попытки уйти в эмпиризм, инструментализм⁷, как и построить «правильную» методологию и вернуться к истокам в поисках той развилки, где наука свернула не в том направлении, как правило, достаточно бесплодны.

Нет нужды повторять, что математика дисциплинирует мышление исследователя. Но сформировалась большая отрасль формально экономической науки – математическая экономика, в которой решаются задачи и доказываются теоремы, практически не интересующие даже экономистов-теоретиков, не говоря уже о практиках, в силу произвольности исходных предпосылок и невозможности содержательно интерпретировать выводы. Отсюда

⁶ Справедливости ради следует отметить, что отдельные высказывания крупных ученых носят намеренно провокативный характер. Х. Курц назвал свою статью «Куда идет история экономических учений: медленно движется в никуда?». К. Боулдинг назвал свою статью «Кому нужен Адам Смит после Самуэльсона?», О. Бланшар – «Что мы знаем о макроэкономике, чего не знали Фишер и Виксель?», а Р. Дал в сентябре 1993 г. в сердцах написал, что «несмотря на значительные академические ресурсы, потраченные на исследования по финансовым рынкам, общее понимание того, как они себя ведут, еще недалеко ушло от времени 1929–1933 гг. или даже 1720 г.».

⁷ С точки зрения методологии инструментализм рассматривает научные понятия, теории и гипотезы как инструменты, необходимые для ориентации человека в природе и обществе. Это означает, что нет разницы, соответствуют ли наши понятия и теории реальному миру или нет. В узком смысле инструментализм означает убеждение, что качество результатов исследований определяется прежде всего методикой, т.е. инструментариум.

уничжительные утверждения о том, что экономисты – просто недоучившиеся математики, а специалисты в использовании математических методов в экономических исследованиях получают свои степени просто потому, что экономисты убеждены, будто их работы содержат результаты в области математики, а математики – наоборот.

Эконометрика как мейнстрим

Й. Шумпетер в «Истории экономического анализа», сосредоточивший свое внимание на изучении «научного компонента экономической мысли», стремился показать, что прогресс в экономической науке в значительной степени определяется прогрессом в технике (в широком смысле этого слова) экономического анализа. Однако история экономической науки может рассматриваться как процесс крушения или, по крайней мере, осознания ограниченности познавательной способности одних парадигм и формирования новых, а также смены исследовательских программ по мере перемещения общественных интересов с одних проблем на другие. В этом смысле представление Й. Шумпетера об экономике состоит в том, что она не является нормальной наукой в том смысле, что в ней очень быстро меняется инструментарий, а периоды между революциями чрезвычайно кратки в сравнении с другими науками.

Вне зависимости от того, считать ли современный кризис в экономической науке реальным или мнимым, следует признать господствующим направлением в ней позитивизм, главный принцип которого состоит в том, что научным считается только верифицируемое знание, в отличие от неверифицируемой метафизики. Поэтому экономисты самых разных взглядов ищут идеал научной работы в виде построения схем и моделей, исключающих идеологическую предвзятость и ценностные суждения. Они считают, что теории должны опираться на количественно определенные параметры и проверяемые факты и использовать стандартные статистические тесты для подтверждения достоверности утверждений и выводов.

Популярность позитивистского подхода объясняется не только тем, что он лежит в основе многих современных учебников по экономике, но и тем, что его сторонники в большей степени, чем их оппоненты, уделяют внимание ограниченности

нашего знания, тщательнее работают с информационными массивами и регулярной статистикой, более охотно используют математические модели и количественные методы и всячески демонстрируют идеологическую непредвзятость.

Сторонники позитивного направления обычно соблюдают определенные стандарты проведения исследования и представления результатов. Начинается построение модели с принятия очевидных допущений, более или менее обоснованных предшественниками. В модели должно быть, по крайней мере, одно уравнение, которое можно проверить статистически и оценить параметрические коэффициенты. Исходя из того, что статистика улавливает существенные особенности протекания экономических процессов, а стандартные тесты утвердительно отвечают на поставленные вопросы, исследователь считает установленными новые факты, если применяет известную модель к новому массиву информации или новую модель к старым массивам. При этом он не утверждает, что доказал абсолютную истинность своей модели, а лишь определяет ее приемлемость на основании удовлетворительных результатов тестирования.

Очевидно, что идеи, лежащие в основе эконометрического анализа, соответствуют вышесказанному. Обзоры достижений, проблем и перспективных направлений развития эконометрического анализа представлены в ряде работ [Грейнджер, 2002; Холден, 2002].

В одном из своих публичных выступлений Я.И. Кузьминов с гордостью говорил о том, что благодаря использованию эконометрических методов экономика превращается в точную науку, т.е. мы делаем свои утверждения не только на основании строго проверенных фактов, а потому что можем оценить точность наших утверждений. Продолжающиеся дискуссии как в области методологии, так и по поводу экономических измерений, интерпретации фактов и вариантов государственной политики показывают, что это далеко не так.

Несколько лет назад меня попросили проконсультировать студентов одного из вузов Новосибирска при подготовке выпускных работ. В требованиях к ним значилось построение регрессионной модели. И это оказалось для студентов проблемой. Они не знали, как связать подготовленные «теоретические» главы с «эмпирической» частью работы, обосновать выбор факторов,

где взять достаточный объем информации и т.д. Но в остальном они были вполне готовы, т.е. умели пользоваться пакетами программ и распечатывать результаты в виде таблиц и графиков.

В последние годы накоплен огромный статистический материал в виде динамических рядов сопоставимых показателей, а способы работы с ними упрощаются благодаря компьютерным программам. Все это создает впечатление простоты при установлении научных фактов и причинно-следственных связей в экономике.

Но в любой работе «теории должно отдаваться первостепенное значение. Данные ... важны только для выбора между теориями. Но этот выбор, безусловно, имеет основополагающее значение, если наша цель – прогресс, а не предоставление самодостаточных сведений по истории живописи» [О'Брайен, 2002. С. 59].

Современные представления не исключают индукцию из числа источников гипотез, но отдают предпочтение интуиции и воображению, которые должны базироваться на знании конкурирующих теорий и исторических данных. Исследование статистических рядов как источник творческого вдохновения при этом обычно занимает второстепенное место. Источником же интуиции и воображения могут быть, с одной стороны, любознательность, с другой – неформализуемый опыт.

Следует помнить, что имеющаяся статистика отражает наше прошлое представление об экономической действительности, и в силу инерционности методологии статистики часто не дает информацию по тем показателям, оценить влияние которых нам интересно. Пионеры использования эконометрических методов прекрасно разбирались в методологии статистических наблюдений и глубоко понимали суть тех процессов, которые отражали используемые индикаторы. Новые поколения исследователей часто недостаточно хорошо знакомы с подробностями организации статистики, что не может не отражаться на качестве исследований и получаемых результатов. Исследования, основанные на данных даже официальной статистики, должны перепроверяться на других данных [Ханин, 2020. С. 8–97]. Статистика устроена таким образом, что различные массивы данных позволяют взаимную проверку для выявления несоответствий [Майзон, 2002]. Тем самым появляется возможность для корректировки временных

рядов и обоснования «правильности» оценок. Более того, для получения более корректных данных можно привлекать информацию, опубликованную в научных статьях и аналитических обзорах и даже данные СМИ.

Анализ временных рядов и панельных данных позволил поставить и решить проблему распределенных лагов и многие другие. «Эконометрия выросла из попыток применить статистическую теорию к экономическим данным для того, чтобы проверять экономические гипотезы. Она стала самостоятельной дисциплиной благодаря специфичности экономических данных, которые отличаются от тех, которые встречаются в физических и биологических науках. В большой степени именно это заставило эконометристов разработать свою собственную теорию, и теоретический прогресс в эконометрии часто порождался потребностью найти решение насущных практических проблем» [Блини, Стюарт, 2002. С. 898].

Вместе с тем широкое использование эконометрических моделей и методов в экономических исследованиях таит в себе и определенную угрозу. В. Леонтьев отмечал увлечение «схластической» эконометрикой: «Разработка новой статистической методики, даже незначительной, которая позволяет выжать еще один неизвестный параметр из имеющегося набора данных, считается большим научным достижением, чем успешные поиски дополнительной информации, которая позволит нам оценить величину этого же параметра менее изобретательным, зато более надежным путем» [Леонтьев, 1990. С. 269].

Любимым инструментом экономистов является парная регрессия в силу простоты и наглядности результатов. Но здесь главное не перепутать причину со следствием. Несколько лет назад одна дама в своей докторской диссертации доказывала, что общество тем богаче, чем более развита сфера услуг. А производительность труда прямо зависит от доли сферы услуг в экономике региона. Тесты на основе отечественной и международной статистики формально были безупречны.

Более развитым инструментарием считается множественная регрессия, поскольку «очевидно», что на динамику объясняемой переменной может повлиять наличие более одного фактора. Проблема видится лишь в том, что используемые регрессоры могут быть между собой связаны, т.е. не выполняются

предположения о вероятностных характеристиках факторов и случайных ошибок модели. Мне неоднократно встречались работы, в которых динамика ВВП России объяснялась факторами монетарной политики, среди которых выделялись валютный курс, ключевая ставка Банка России, ставка денежного рынка МИБОР и ряд других.

Разумеется, существуют тесты на стационарность, мультиколлинеарность и гетероскедастичность, но насколько тщательно они проводятся – обычно остается на совести автора. Представление о том, что прошлое определяет будущее, привело к разработке моделей авторегрессии и их производных (моделей ARMA, ARMAX и других). Кроме того, активно используются всякого рода нелинейные модели. Из этого следует, что выбору и обоснованию используемой модели следует уделять много больше внимания, чем это делается

Наконец, на сопоставимость данных могут существенно повлиять институциональные изменения и решения правительства. Небезразлично, определяется ли динамика показателей свойствами системы или решениями чиновников. Кроме того, при проведении эконометрического, как и всякого другого моделирования, нужно помнить о степени открытости системы и учитывать, что внешние воздействия могут оказать гораздо большее влияние, чем внутренние связи.

Учитывая изложенное, сейчас уже можно говорить о возникновении феномена «эконометрического безумия». Но использование эконометрических моделей в большинстве случаев выглядит более предпочтительным в сравнении с другими, поскольку опирается на огромные массивы данных в сравнении с теми, в которых технологические коэффициенты зачастую получаются простым делением одного числа на другое.

Развитие экономической науки было бы невозможно без разработки соответствующего инструментария. Но инструментализм в экономической науке породил собственные проблемы. Крайняя позиция состоит в утверждениях, вроде «мы не знаем, почему это работает, но это работает» или «модельные расчеты подтверждают нашу правоту». К. Поппер доказывал, что существует четкая грань между теориями и правилами вычисления, и последние сами по себе не позволяют нам отделить истину от лжи. О'Брайен отмечал, что «если мы полагаем, что нам все

равно, являются ли цены на фондовом рынке результатом решений людей или зеленых человечков с Марса, то мы ошибаемся» [О'Брайен, 2002. С. 62].

Серьезная критика эконометрики ведется со стороны представителей экспериментальной экономики, которые отмечают, что тестированию подвергаются модели, опирающиеся на сложный набор базовых и вспомогательных гипотез. Если вспомогательные гипотезы не являются истинными, тесты базовых гипотез дают мало неоспоримой информации. С другой стороны, отрицательные результаты не позволяют отвергнуть теорию. Доказательства, которые противоречат выводам теории, могут возникнуть, когда базовая гипотеза верна, но вспомогательная ложна. Даже благоприятные результаты могут вводить в заблуждение, потому что тест может генерировать «правильный» результат, но по ложной причине; гипотеза, принятая за базовую, может не иметь объяснительную силу, но фактически быть при этом либо вспомогательной, либо ситуативной, а вспомогательные гипотезы могут быть достаточно неверными, чтобы генерировать явно подтверждающие данные.

Доверие к результатам исследований с использованием эконометрики может рассматриваться как своего рода идеология и результат глубокого недоверия к иным методам научной работы и, отчасти, теории и методологии экономической науки. Гипертрофированное отношение к эконометрике приводит и к стандартизации публикаций, которая вредит прогрессу в науке. Разумеется, если считать занятие наукой творчеством.

Заключение

Ранее мне пришлось рассматривать роль дискуссий в развитии отечественной экономической мысли [Клисторин, 2016] и признаки кризисной ситуации в истории экономической науки [Клисторин, 2009]. Было показано, что кризис в развитии любой науки, а особенно экономической, явление частое. Критерии кризиса в науке – это обнаружение неких необъяснимых фактов, эпигонство и измельчание результатов исследований и как следствие падение интереса к ним. Одновременно предпринимаются попытки «вернуться к истокам экономической теории», наблюдается отрицание ценности и практической значимости результатов теоретических исследований вообще

и обращение к прикладным и эмпирическим исследованиям, якобы позволяющим получить единственно значимые результаты. Формально противоположным, но фактически сходным явлением становится отработка все более изоциренного инструментария исследований. Наконец, в такие периоды растет интерес к методологии науки и попытки переосмысления не только исходных аксиом научной теории, но и ее инструментария и критериев истинности знания. Забавно, но целью большинства диссертаций, с которыми я знаком, значится развитие методологических подходов. Когда трудно представить свои достижения в виде новых фактов, зависимостей или объектов, говорят о методологии и методике.

Но в действительности узнать о кризисе науки мы можем только постфактум, когда будет создана и пройдет тестирование новая теория и будут получены результаты, которых не было ранее. А до этого остается спорить о том, какая теория и какие методы более плодотворны для решения тех или иных задач.

Вообще, на мой взгляд, экономические произведения и их авторы делятся только на хорошие и плохие, а качество работ определяется уровнем аргументации. Сами по себе обзоры научной литературы, ссылки на работы предшественников, обилие эмпирического материала, оригинальность методического инструментария являются необходимыми, но не достаточными условиями для первоклассной работы. Часто убедить читателя может манера изложения или риторика. Хорошо убеждают в качестве выводов «точность экономических метафор, исторические аналогии, убедительность интроспекций, сила авторитета, очарование симметрии, требование морали» [О'Брайен, 2002. С. 72]. Математика также может быть формой риторики. Но, как бы ни была убедительна риторика сама по себе, решающую роль должна играть эмпирическая проверка полученных результатов, которую невозможно провести без эффективной методики.

Хорошую работу узнаешь сразу как белый гриб. Гораздо труднее выделить критерии оценки. Но главное в работе – она должна вызывать интерес и желание спорить и работать самому.

Закончить статью хочется цитатой из нобелевской лекции Р. Коуза: «Мои замечания иногда интерпретировались как намек на то, что я враждебно отношусь к математизации экономической

теории. Это неправда. Действительно, как только мы начнем выявлять реальные факторы, влияющие на функционирование экономической системы, усложнение взаимосвязей между ними, несомненно, потребует математической обработки, как в естественных науках, и экономисты, подобные мне, пишущие прозой, преклонятся перед ними» [Coase, 1992].

Литература

Coase R. Prize Lecture. URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/1991/coase/lecture/>

Блауг М. Методология экономической науки, или как экономисты объясняют. Пер. с англ. / Науч. ред. и вст. ст. В.С. Автономова. М.: НП «Журнал Вопросы экономики» 2004. 416 с.

Блини М., Стюарт И. Экономическая наука и родственные дисциплины // Панорама экономической мысли конца XX столетия / Под ред. Д. Гринзуэя, М. Блини, И. Стюарта: В 2-х т. СПб.: Экономическая школа, 2002. Т.1, XVI + 668с., т. 2, XII + 337 с. С. 891–906.

Богачев В.Н. Математическая экономика и перестройка хозяйственного мышления // Экономика и математические методы, 1987.Т. XXIII, Вып. 3. С. 513–525.

Грейнджер К. Эконометрический анализ временных рядов // Панорама экономической мысли конца XX столетия / Под ред. Д. Гринзуэя, М. Блини, И. Стюарта: В 2-х т. СПб.: Экономическая школа, 2002. Т. 2, XII + 337 с. С. 684–702.

Ефимов В.М. Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики. Монография. М.: курс: ИНФРА-М, 2016. 352 с.

Канторович Л.В. Математика в экономике: достижения, трудности, перспективы // Леонид Витальевич Канторович: человек и ученый. В 2-х т. Т. 1. Новосибирск: Изд-во СО РАН. Филиал «Гео», 2002. 542 с. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/BIO/LVK/LVK06.HTM>

Канторович Л.В., Горстко А.Б. Оптимальные решения в экономике. Москва: Наука, 1972. 231 с.

Клисторин В.И. Былое и думы. Ч. 1. Как в России ищут ответы на вызовы в смутные времена // ЭКО. 2016. № 2. С. 93–104.

Клисторин В.И. Количественные оценки в социально-экономических исследованиях // Идеи и идеалы. 2015. № 4. Т. 2. С. 96–106.

Клисторин В.И. О кризисе экономической науки в стране и мире // ЭКО. 2009. № 3. С. 22–40.

Коутс А. Экономист как профессия // Панорама экономической мысли конца XX столетия / Под ред. Д. Гринзуэя, М. Блини, И. Стюарта: В 2-х т. СПб.: Экономическая школа, 2002. Т. 1, XVI + 668с. С. 142–170.

Куриц Х. Куда идет история экономических учений: медленно движется в никуда? // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 5. 2008. Вып. 3. С. 3–25.

Лафарг П. Личные воспоминания о Карле Марксе // Личные воспоминания о Марксе и Энгельсе. М.: Госполитиздат. 1956. 423 с.

Леонтьев В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. М.: Политгиздат, 1990. 415 с.

Макаров В.Л. О развитии экономико-математического инструментария на современном этапе // Экономика и математические методы, 1986. Т. XXII. Вып. 3.

Майзон Г. Роль измерений и проверок в экономической науке // Панорама экономической мысли конца XX столетия / Под ред. Д. Гринэуэя, М. Блини, И. Стюарта: В 2-х т. СПб.: Экономическая школа, 2002. Т. 2, XII + 337 с. С. 703–725.

О'Брайен Д. Теория и эмпирическое наблюдение // Панорама экономической мысли конца XX столетия / Под ред. Д. Гринэуэя, М. Блини, И. Стюарта: В 2-х т. СПб.: Экономическая школа, 2002. Т. 1, XVI + 668с. С. 59–80.

Оптимизация территориальных систем / Под ред. С.А. Суспицына. ИЭОПП СО РАН. Новосибирск, 2010. 632 с.

Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс, 1968. 600 с.

Системное моделирование и анализ мезо- и микроэкономических объектов / отв. ред. В.В. Кулешов и Н.И. Суслов. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2014. 488 с.

Федоренко Н.П. Вопросы экономической теории. М.: Наука, 1994. 224 с.

Ханин Г.И. Сочинения. Т 1. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2020. 430 с.

Холден К. Макроэкономическое прогнозирование // Панорама экономической мысли конца XX столетия / Под ред. Д. Гринэуэя, М. Блини, И. Стюарта: В 2-х т. СПб.: Экономическая школа, 2002. Т. 2, XII + 337 с. С. 829–851.

Широнин В.М. Бюрократы, большевики и реформаторы: нетривиальная история экономического знания в России // ЭКО. 2020. № 7. С. 150–177. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2020-7-150-177

Шумпетер Й. История экономического анализа. В 3-х томах. Т. 3. СПб.: Экономическая школа, 2004. X + 678 с.

Статья поступила 18.06.2020.

Статья принята к публикации 03.07.2020.

Для цитирования: *Клиторин В.И.* О математике в экономической науке// ЭКО. 2020. № 11. С. 38-61. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2020-11-38-61.

Summary

Klistorin, V.I., *Doct.Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk State University, Novosibirsk*

The Application of Mathematics in Economic Science

Abstract. The paper reviews achievements and problems associated with the application of mathematical models and methods in economic research. Undoubted success in this area was accompanied with major failures, which provoked discussions on fruitfulness and usefulness of using mathematical models in economic science. Such discussions, which have been taking place for almost fifty years, played a special role in the history of economic science and education in our country. The point of discussion is whether the use of models provides new knowledge about the

economy, or whether new knowledge could be obtained in other ways. The second question is whether modelling may be applied within one theoretical concept only, namely a neoclassical one, or whether economists may build models within other concepts. Moreover, the idea of a maximizing behavior is somehow present in all concepts. Over-emphasis on more and more sophisticated tools leads to the fact that meaningful questions become of secondary importance, and repeating calculations based on the model is getting too difficult. The same can be said about econometric models. The paper also considers other problems in application of economic and mathematical models. A rapid development of tools creates problems in economic education too since Economics remains a humanitarian science.

Keywords: *Economics; mathematical models and methods; methodology; alternative theories; positivism; instrumentalism; optimization; econometrics*

References

- Blaug M. (2004). The Methodology of Economics, or How Economists Explain. Moscow, Russ. ed. *Zhurnal Voprosy ekonomiki. Economic Issues.*, 416 p. (In Russ.).
- Bleaney M., Stewart I. (2002). Economics and Related Disciplines. Panorama ekonomicheskoi mysli kontsa XX stoletiya. *Companion to Contemporary Economic Thought*, ed. by D. Greenaway, Bleaney M., Stewart I., Vol. 2, St-Petersburg, Economic School Publ891–906 p. (In Russ.).
- Bogachev, V.N. (1987). Mathematical Economics and Restructuring Economic Thinking. *Economics and Mathematical Methods*, Vol. XXIII, Edition 3, 513–525 p.
- Coase, R. Prize Lecture. Available at: <https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/1991/coase/lecture/> (accessed 06.06.2020).
- Coats, A. (2002). Economist as a profession. *Panorama ekonomicheskoi mysli kontsa XX stoletiya. Companion to Contemporary Economic Thought*. ed. by D. Greenaway, Bleaney M., Stewart I., Vol. 1, St-Petersburg, Economic School Publ. Pp. 142–170. (In Russ.).
- Efimov, V.M. (2016). *Economic Science in Question: Other Methodology, History, and Research Practices*. Moscow, INFRA-M Publ. 352 p. (In Russ.).
- Fedorenko, N.P. (1994). *Issues of Economic Theory*. Moscow, Nauka Publ., 224p. (In Russ.).
- Granger C. (2002). Econometric Analysis of Time Series. *Panorama ekonomicheskoi mysli kontsa XX stoletiya. Companion to Contemporary Economic Thought*. ed. by D. Greenaway, Bleaney M., Stewart I., Vol. 2, St-Petersburg, Economic School Publ., 684–702 p. (In Russ.).
- Holden, K. (2002). [Macroeconomic Forecasting. *Panorama ekonomicheskoi mysli kontsa XX stoletiya. Companion to Contemporary Economic Thought*. ed. by D. Greenaway, Bleaney M., Stewart I., Vol. 2, St-Petersburg, Economic School Publ. Pp. 829–851. (In Russ.).
- Kantorovich, L.V. (2002). Mathematics in Economics: Achievements, Difficulties, and Prospects. Vol. 1, Novosibirsk, SO RAN Publ., 542 p. (In Russ.). Available at: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/BIO/LVK/LVK06.HTM> (accessed 06.06.2020).
- Kantorovich, L.V., Gorstko, A.B. (1972). *Optimal Solutions in the Economy*. Moscow, Nauka Publ., 231 p. (In Russ.).

Khanin, G.I. (2020). *Essays*. Vol. 1. Moscow, Association of Scientific Publications KMK Publ., 430 p. (In Russ.).

Klistorin, V.I. (2016). *The Past and Thoughts. Part 1. How Russia Is Looking for Answers to Challenges in Troubled Times*. *ECO*. No. 2. Pp. 93–104. (In Russ.).

Klistorin, V.I. (2009). About the Crisis of Economic Science in Russia and the World. *ECO*. No.3, 22–40 p. (In Russ.).

Klistorin, V.I. (2015). Quantitative Assessments in Socio-Economic Research. *Ideas and ideals.*, Vol. 4, No. 2. Pp. 96–106. (In Russ.).

Kurz, H.D. (2008). Whither the History of Economic Thought? Going Nowhere Rather Slooowy? *Bulletin of the St. Petersburg University*, Ser. 5. Edition 3. Pp. 3–25. (In Russ.)

Lafargue, P. (1956). Personal memories of Marx. *Personal memories of Marx and Engels*, Moscow, Gospolitizdat Publ., 423 p. (In Russ.).

Leontyev, V. (1990). *Economic Essays. Theories, Research, Facts, and Politics*. Moscow, Politizdat Publ., 415 p. (In Russ.)

Makarov, V.L. (1986). On the Development of Economic and Mathematical tools at the Present. *Ekonomika i matematicheskie metody*. Economics and Mathematical Methods. Vol. XXII, Edition 3

Mizon, G. (2002). The role of Measurement and Verification in Economics. *Panorama ekonomicheskoi mysli kontsa XX stoletiya. Companion to Contemporary Economic Thought*. ed. by D. Greenaway, Bleaney M., Stewart I., Vol. 2, St-Petersburg, Economic School Publ. Pp. 703–725. (In Russ.).

O'Braien, D. (2002). Theory and Empirical Observation. *Panorama ekonomicheskoi mysli kontsa XX stoletiya. Companion to Contemporary Economic Thought*. ed. by D. Greenaway, Bleaney M., Stewart I., Vol. 1, St-Petersburg, Economic School Publ. Pp. 59–80p. (In Russ.).

Optimization of territorial systems. (2010). ed. by S. Suspitsyn, IEIE SB RAS, Novosibirsk, 632 p. (In Russ.).

Schumpeter, J. (2004). *The History of Economic Analysis*. Vol. 3, St. Petersburg, Economic School Publ. 686 p. (In Russ.).

Seligman, B. (1968). *Main Currents in Modern Economics*. New York, Free Press of Glencoe. (Russ. 1963.ed.: Seligmen B. Moscow, Progress Publ., 600 p.). (In Russ.).

Shironin, V.M. (2020). Bureaucrats, Bolsheviks, and Reformers: a Nontrivial History of Economic Knowledge in Russia. *ECO*. No. 7. Pp. 150–177. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-7-150-177

System Modeling and Analysis of Meso- and Microeconomic Objects. (2014). ed. V. V. Kuleshov and N.I. Suslov, IEIE SB RAS, Novosibirsk, 488 p. (In Russ.).

For citation: Klistorin, V.I. (2020). The Application of Mathematics in Economic Science. *ECO*. No. 11. Pp. 38-61. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-11-38-61.

Паевые инвестиционные фонды в современной России: критический анализ¹

Н.П. ДЕМЕНТЬЕВ, доктор физико-математических наук.

E-mail: dement@ieie.nsc.ru

ORCID0000-0001-5605-9640

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск

Аннотация. В последние три года российские паевые инвестиционные фонды (ПИФы) демонстрируют высокие темпы роста. Одна из причин тому – снизившаяся доходность банковских депозитов. Тем не менее активы ПИФов по-прежнему остаются мизерными в сравнении с аналогичными организациями развитых стран Запада. Владельцы паев ПИФов (около 2 млн ед.) более чем наполовину состоят из лиц, четверть века назад вложивших приватизационные чеки в инвестиционные фонды. Результаты инвестирования оказались крайне неудовлетворительными, и ныне на одного из таких лиц приходится в среднем активы на чисто символическую сумму в 2 тыс. руб. В отличие от регулируемых инвестиционных фондов за рубежом, российские ПИФы обслуживают в основном не широкие слои населения, а узкую группу квалифицированных инвесторов, владеющих паями на сотни миллионов рублей. Банк России в последние годы значительно ослабил требования к ПИФам для квалифицированных инвесторов, рассчитывая, что они хотя бы частично привлекут российский капитал из зарубежных офшоров. Представляется, однако, неясным, приведут ли меры регулятора к уменьшению оттока капитала за рубеж, или, наоборот, отток возрастет.

Ключевые слова: ПИФы; взаимные фонды; типы и категории ПИФов; чистые активы; квалифицированные инвесторы; банки; конфликт интересов

При разработке российского законодательства по паевым инвестиционным фондам, несомненно, учитывался зарубежный опыт (американский, в первую очередь). По данным Международной ассоциации инвестиционных фондов (IIFA)², 31 декабря 2019 г. чистые активы регулируемых открытых инвестиционных фондов составляли во всем мире громадную сумму в 54,9 трлн долл., из которой на США приходилось 25,7 трлн, на страны Европы – 18,8 трлн долл. Такие фонды регулируются государством в отношении прозрачности их деятельности, форм организации,

¹ Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект Х1.170. 1.1. «Инновационные и экологические аспекты структурной трансформации российской экономики в условиях новой геополитической реальности». № АААА-А17-117022250127-8.

² URL: https://www.iifa.ca/industry_statistics/index.html (дата обращения: 02.09.2020).

видов и структуры инвестиций. Их паи должны выпускаться и выкупаться сразу же по предъявлению требования клиентом.

В США существует четыре основных типа регулируемых фондов: взаимные, биржевые, закрытые фонды и паевые инвестиционные трасты [Reid, Gallagher, 2014]. Фонды первых двух типов считаются открытыми. Что же касается паевых инвестиционных трастов, то они в статье не рассматриваются, поскольку ныне их активы незначительны в сравнении с фондами других типов.

В Европе рынок паевых инвестиционных фондов сильно интегрирован. Более половины его составляют фонды, регулируемые Директивами Европейского союза Undertakings for Collective Investment in Transferable Securities (UCITS). UCITS-фонд из любой страны ЕС может свободно работать в других странах союза. В середине 2019 г. чистые активы UCITS-фондов, составляли 9,5 трлн евро [Duvall and Giles, 2019]. Помимо UCITS-фондов, в мире существует множество других трансграничных инвестиционных фондов, большинство из которых представляют собой офшоры в Ирландии и Люксембурге [Plantier, Christopher, 2014].

В конце 2019 г. рыночная стоимость чистых активов (СЧА) всех российских паевых инвестиционных фондов оценивалась в 4474 млрд руб. (табл. 1). По тогдашнему обменному курсу эта сумма была равна 72 млрд долл. – мизерной сумме на фоне приведенных выше цифр. В России регулируемые открытыми фондами можно считать только открытые и биржевые паевые инвестиционные фонды (соответственно, ОПИФы и БПИФы). Однако на их долю приходилось всего лишь 9,2% стоимости чистых активов всех российских ПИФов.

Таблица 1. Ключевые показатели паевых инвестиционных фондов на 31.12.2019 г.

Показатель	Все ПИФы	ОПИФы	ИПИФы	ЗПИФы	БПИФы
Количество ПИФов, ед.	1531	255	40	1216	20
Количество владельцев паев, тыс. ед.	1897,9	741,9	1073,8	11,5	70,7
Активы, млрд руб.	5148,5	457,7	55,6	4618,3	16,9
Стоимость чистых активов (всего), млрд руб.	4473,6	454,7	52,1	3949,9	16,9
- для неквалифицированных инвесторов	899,4	454,7	6,6	421,2	16,9
- для квалифицированных инвесторов	3574,2	–	45,5	3528,7	–

Источник: составлено автором на основе материалов Банка России и сайта InvestFunds.

В конце 2019 г. доля закрытых паевых инвестиционных фондов (ЗПИФов) в стоимости чистых активов всех российских ПИФов составляла 89,7%. Пайщики ЗПИФов представляют собой крайне узкую группу юридических и физических лиц с весьма значительными финансовыми средствами. В этом сегменте сильно доминируют ЗПИФы для квалифицированных инвесторов, доля которых в стоимости чистых активов всех российских ПИФов составляла 78,9%. Информация о таких фондах по закону не разглашается, этим в какой-то степени и объясняется их привлекательность для крупных инвесторов. В США тоже существуют закрытые паевые инвестиционные фонды (Closed-End Funds), но они мало чем схожи с российскими ЗПИФами. Кроме того, их доля в чистых активах всех паевых фондов США весьма незначительна.

Несмотря на внешнее организационное сходство паевых инвестиционных фондов в России и США, между ними ныне имеются глубокие различия. Если в США в структуре ПИФов доминируют открытые взаимные фонды, работающие со сбережениями почти половины американских домохозяйств, то в России – закрытые ПИФы, обслуживающие инвесторов с крупными капиталами. Если в США информация о паевых инвестиционных фондах открыта, то в России информация о ЗПИФах для квалифицированных инвесторов не разглашается. Наконец, по чистым активам российские ПИФы примерно в 300 раз уступают американским. В статье анализируются затронутая выше проблематика и смежные вопросы более подробно.

В литературе существуют расхождения в классификации и названии паевых инвестиционных фондов. В данной статье принимается классификация ИФА, которой придерживаются Институт инвестиционных компаний (ICI) и ФРС США в своей статистике.

Основная часть используемой в статье информации взята из материалов Банка России «Обзор ключевых показателей паевых и акционерных инвестиционных фондов» за разные годы³, «Основные показатели деятельности паевых инвестиционных

³ URL: http://old.cbr.ru/analytics/analytics_nfo/ (дата обращения: 02.09.2020). URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/27853/review_paif_19Q4.pdf (дата обращения: 02.09.2020).

фондов»⁴; из материалов сайта InvestFunds⁵; из статистики ФРС США «Financial Accounts of the United States – Z.1»⁶; из материалов ICI «60th Edition. Investment Company Fact Book»⁷. Далее ссылки на каждый из перечисленных источников либо не приводятся, либо указывается соответствующая организация из четырех названных (Банк России, InvestFunds, ФРС США, ICI).

Общие сведения и методологические понятия

Паевой инвестиционный фонд представляет собой имущественный комплекс, формируемый за счет средств инвесторов-пайщиков. Цель ПИФа – получение дохода от инвестирования привлеченных средств с дальнейшим распределением его между пайщиками. ПИФ не является юридическим лицом, поэтому в его работе участвуют обслуживающие организации, в том числе: управляющая компания, осуществляющая доверительное управление средствами фонда; специализированный депозитарий, контролирующий отчетность фонда и осуществляющий контроль за его имуществом; оценщик имущества фонда; аудитор фонда.

Закон предусматривает для пайщиков ПИФов ряд налоговых льгот [Корсун и др., 2018; Назырова, 2018]. Важнейшей из них является отложенное налогообложение. Сами ПИФы, не будучи юридическими лицами, от уплаты налогов освобождаются. Налог же на прирост стоимости паев платят их владельцы, но только в момент погашения или продажи паев. облагаются налогом и дивидендные доходы пайщиков, но в большинстве российских ПИФов выплата дивидендов не практикуется. Отложенное налогообложение означает, что реинвестируемая часть дохода ПИФа не облагается налогом.

До осени 2018 г. в России существовало три типа ПИФов: открытые, интервальные и закрытые фонды. Управляющие компании в открытых ПИФах выпускают новые паи и выкупают имеющиеся в любой рабочий день по требованию клиентов, тогда как в интервальных ПИФах (ИПИФах) – в оговоренные интервалы

⁴ URL: http://old.cbr.ru/finmarket/supervision/sv_coll/ (дата обращения: 02.09.2020).
URL: <https://cbr.ru/search/> (дата обращения: 02.09.2020).

⁵ URL: <https://investfunds.ru/funds-statistics/> (дата обращения: 02.09.2020).

⁶ URL: <https://www.federalreserve.gov/releases/z1/default.htm> (дата обращения: 02.09.2020).

⁷ URL: <https://www.icifactbook.org> (дата обращения: 02.09.2020).

времени (не менее одного интервала за год), а в закрытых фондах – при завершении их функционирования. В сентябре 2018 г. появился четвертый тип – биржевые паевые инвестиционные фонды (БПИФы). Если продажа и покупка паев обычных ПИФов осуществляется в управляющих компаниях, то паи биржевых фондов можно продавать и приобретать на биржах как обычные акции. Как правило, структура активов биржевого фонда с небольшим отклонением повторяет структуру некоторого биржевого индекса.

Часть российских интервальных и закрытых ПИФов предназначена только для квалифицированных инвесторов. К таковым относятся Банк России, различные лицензированные организации (банки, пенсионные фонды, страховые организации и т.д.), некоторые зарубежные финансовые организации, лицензированные брокеры и дилеры. Прочие юридические и физические лица также могут быть квалифицированными инвесторами, но для этого они должны владеть активами в виде ценных бумаг и средств кредитных организаций на сумму, не ниже определенного законом минимума, либо иметь 2–3 года работы с ценными бумагами в финансовых организациях. Подробные требования к квалифицированным инвесторам можно найти в Указании Банка России от 29 апреля 2015 г.⁸ Ныне граждане России в подавляющем большинстве своем не удовлетворяют таким требованиям и потому не относятся к квалифицированным инвесторам.

Считается, что квалифицированные инвесторы по сравнению с прочими держателями ценных бумаг и пайщиками фондов имеют более полное представление о рисках своих инвестиций. Поэтому ПИФам для квалифицированных инвесторов позволено приобретать инструменты с более высоким риском, но и с более высокой потенциальной доходностью. Такие инструменты не торгуются, как правило, на биржах, поэтому и паи подобных фондов не обращаются на биржах. Согласно закону, информация о деятельности ПИФов для квалифицированных инвесторов не подлежит публичной огласке.

К осени 2016 г. по направлениям инвестирования насчитывалось 16 категорий ПИФов: фонды акций, облигаций,

⁸ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_204480/
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180527/ (дата обращения: 02.09.2020).

недвижимости, художественных ценностей и т.д., – названия категорий давались по базовому активу. В декабре 2016 г. вступило в силу Указание Банка России «О составе и структуре активов акционерных инвестиционных фондов и активов паевых инвестиционных фондов»⁹, согласно которому количество категорий ПИФов постепенно будет сокращено до четырех (фонд рыночных финансовых инструментов, фонд финансовых инструментов, фонд недвижимости, комбинированный фонд). Особый интерес для крупных инвесторов представляют комбинированные фонды, которые могут инвестировать в любые активы, за исключением наличных денег. Такие фонды должны быть либо закрытыми, либо интервальными, предназначаются они только для квалифицированных инвесторов. В Указании по каждой из четырех категорий были перечислены требования к составу и структуре активов ПИФов.

В таблице 2 приведена актуальная классификация ПИФов. Из нее видно, что открытые и биржевые ПИФы, а также интервальные ПИФы для неквалифицированных инвесторов (ИПИФы для НКИ) могут быть только ПИФаами рыночных финансовых инструментов. ПИФы для квалифицированных инвесторов (КИ) могут относиться к одной из трех категорий: фонд финансовых инструментов, фонд недвижимости, комбинированный фонд. Закрытые ПИФы для неквалифицированных инвесторов (ЗПИФы для НКИ) могут быть либо фондами рыночных финансовых инструментов, либо фондами недвижимости. Более подробное описание классификации российских ПИФов до и после появления указания 2016 г. можно найти в статье О.В. Помаскиной [Помаскина, 2018].

Таблица 2. Типы и категории паевых инвестиционных фондов в новой классификации

Категории/Типы ПИФов	ОПИФ	ИПИФ для:		ЗПИФ для:		БПИФ
		КИ	НКИ	КИ	НКИ	
ПИФ рыночных финансовых инструментов	+		+		+	+
ПИФ финансовых инструментов		+		+		
ПИФ недвижимости				+	+	
Комбинированный ПИФ		+		+		

⁹ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_204480/ (дата обращения: 02.09.2020).

Управляющим компаниям открытых ПИФов предписывалось привести свою деятельность в соответствие с указанием Банка России в течение одного года после его вступления в силу. То же самое должны сделать управляющие компании интервальных и закрытых ПИФов, но в течение трех и десяти лет соответственно.

Открытые и биржевые ПИФы: мизерные активы, признаки оживления в последние годы

В литературе нередко утверждается, что российские паевые инвестиционные фонды – это аналоги взаимных фондов¹⁰ в США и некоторых других странах, однако это далеко не так. Взаимные фонды США удовлетворяют четырем ключевым свойствам. Они по своему типу являются открытыми, выполняют посреднические функции в движении денег домашних хозяйств (обычно с невысокими и средними доходами) в другие секторы экономики, инвестируют привлеченные средства в рыночные финансовые инструменты, работают в условиях информационной открытости. В конце 2019 г. 45% домохозяйств США владели паями взаимных фондов. Из таблицы 3 видно, что корпоративные акции и долговые ценные бумаги составляли 90% чистых активов взаимных фондов. В России тогда же 88% чистых активов всех ПИФов приходилось на закрытые ПИФы (табл. 1), которые не удовлетворяют ни одному из указанных выше ключевых свойств взаимных фондов. В нашей стране только открытые ПИФы можно считать аналогами взаимных фондов, однако в конце 2019 г. на их долю приходилось всего лишь 8,9% активов всех российских ПИФов.

В течение кризисного 2008 г. стоимость чистых активов открытых ПИФов сократилась почти в три раза – с 91,6 до 31,8 млрд руб. (данные InvestFunds). Затем последовало медленное восстановление. В реальном выражении (с учетом инфляции) докризисный уровень ОПИФов был достигнут только к 2017 г. Однако в 2017–2019 гг. темпы их роста резко возросли, и за три года чистые активы увеличились почти в 3,5 раза – со 130,8 до 454,7 млрд руб. Рост обеспечивался главным образом

¹⁰ ICI включает фонды денежного рынка в состав взаимных фондов, а ФРС в своей статистике – нет, она приводит данные по фондам денежного рынка отдельно. В статье принимается версия ICI, поскольку российские аналоги фондов денежного рынка включаются в состав открытых ПИФов.

за счет выдачи новых паев. За три года количество паищиков увеличилось почти в два раза – с 376 до 742 тыс. лиц.

Таблица 3. Чистые активы паевых инвестиционных фондов США на 31.12.2019, млрд долл.

Вид актива	Инвестиционные фонды		
	Взаимные	Закрытые	Биржевые
Все чистые активы	21293,8	277,7	4396,2
Наличность и депозиты	267,4	–	–
Соглашения РЕПО	1274,4	–	–
Долговые ценные бумаги	7434,1	170,5	825,5
Ценные бумаги открытого рынка	336,5	–	–
Казначейские ценные бумаги	2341,5	3,2	231,9
Ценные бумаги агентств и предприятий, поддерживаемых государством	1411,9	–	–
Муниципальные ценные бумаги	966,8	92,3	49,3
Корпоративные и иностранные облигации	2377,5	75,0	544,3
Корпоративные акции	11890,8	107,2	3485,8
Прочие активы	427,1	–	84,9

Источник: ФРС США.

Увеличению спроса на паи ОПИФов способствовала их высокая доходность, составлявшая в течение трех лет в среднем 10,2% годовых. Кроме того, в эти же годы значительно снизилась доходность депозитов в кредитных организациях – главном конкуренте ПИФов в привлечении сбережений населения. Если в 2015–2016 гг. средневзвешенные процентные ставки по депозитам физических лиц сроком от года до трех лет варьировались от 7,4 до 13,2% годовых, то в 2017–2019 – от 5,3 до 7,1% годовых.

Впрочем, конкуренция между банками и ПИФами не мешает им сотрудничать. Многие банки становятся агентами паевых фондов и за вознаграждение привлекают новых клиентов ПИФов, частенько обещая им нереально высокую доходность вложений.

По своему статусу российские открытые ПИФы могут инвестировать только в рыночные финансовые инструменты, то есть в те инструменты, для которых определена или может быть рассчитана рыночная стоимость. Это главным образом

активы, допущенные к торгам на биржах РФ и биржах, расположенных в странах БРИКС, ЕАЭС, ОЭСР, ЕС и вошедших в специализированный перечень, утвержденный Банком России. Согласно данным таблицы 4, ныне почти все активы открытых ПИФов состоят из акций и облигаций российских эмитентов, а также из иностранных ценных бумаг.

Таблица 4. Активы ПИФов на 31 декабря 2019 г., млрд руб.

Виды активов	ОПИФы	ИПИФы	ЗПИФы	БПИФы
Активы, в том числе:	457,7	55,6	4618,3	16,9
Денежные средства	7,4	12,1	344,6	0,2
Акции российских эмитентов	112,0	6,7	645,8	2,9
Облигации российских эмитентов	200,1	1,2	98,1	2,3
Государственные ценные бумаги	28,7	0,5	147,3	5,0
Ценные бумаги субъектов РФ	8,7	0,0	23,6	–
Иностранные ценные бумаги	86,9	24,4	47,6	6,2
Паи ПИФов	–	8,7	447,8	–
Вклады в уставные (складочные) капиталы российских организаций	–	0,0	840,4	–
Недвижимость	–	–	939,4	–
Ипотечные ценные бумаги и закладные	3,6	0,0	17,5	0,0
Прочие активы	10,3	1,9	1066,1	0,2
Чистые активы	454,7	52,1	3949,9	16,9

Источник: Банк России

За 2019 г. паи ОПИФов возросли в цене в среднем на 13,8%. Столь высокая доходность была обеспечена за счет облигаций и акций российских эмитентов. Фонды с преобладанием облигаций российских компаний показали доходность в 12%, а с преобладанием акций – в 30,7%. За этот год активы ОПИФов в акциях российских эмитентов возросли с 49 до 112 млрд руб. Впрочем, средневзвешенная доходность корпоративных акций может сильно изменяться во времени, в 2017 г. она была даже отрицательной, и из-за нынешнего кризиса такое же, скорее всего, произойдет в 2020 г.

На долю иностранных ценных бумаг в конце 2019 г. приходилось 19% активов ОПИФов. Фонды с их преобладанием показали очень низкую доходность (0,5%), что было обусловлено, главным образом, укреплением рубля на валютном рынке. За 2019 г. обменный курс доллара снизился с 69,5 до 61,9 руб., а евро – с 79,5

до 69,3 руб. В I полугодии 2020 г. из-за пандемии и падения доходов от нефтегазового экспорта курс рубля на валютном рынке заметно снизился. В ближайшие месяцы не следует ожидать его укрепления, и, надо полагать, по результатам года доходность иностранных ценных бумаг превысит 15%.

Как указывалось выше, за 2017–2019 гг. стоимость чистых активов ОПИФов возросла со 130,8 до 454,7 млрд руб. Несмотря на очень высокие темпы роста, последняя сумма, равная 7,3 млрд долл. по текущему обменному курсу, выглядит ничтожной в сравнении с чистыми активами взаимных фондов США (21,3 трлн долл. на ту же дату). В числе причин столь огромного разрыва можно указать низкие доходы большей части населения России и его глубоко укоренившееся недоверие к отечественным финансовым институтам.

Следует также отметить, что значительная часть паев взаимных фондов США приобретается пенсионными фондами. По данным ФРС, в конце 2019 г. рыночная стоимость паев во владении домашних хозяйств и частных пенсионных фондов составляла 16,3 трлн долл. Таким образом, американским домохозяйствам прямо или через частные пенсионные фонды принадлежало более трех четвертей чистых активов взаимных фондов. В России система негосударственного пенсионного обеспечения развита пока очень слабо, поэтому она не может предъявить значительный спрос на паи ПИФов. В конце 2019 г. приобретенные ею паи составляли 240,3 млрд руб., или 3,9 млрд долл. по обменному курсу.

Биржевые паевые инвестиционные фонды могли бы считаться разновидностью открытых ПИФов, но в России и США они выделяются в особый тип. Как уже указывалось, активы биржевого фонда формируются в основном из ценных бумаг в соответствии с избранным биржевым индексом. Так, портфель российского фонда «ВТБ – Фонд Акций американских компаний» (VTBA ETF) составляют акции крупнейших американских компаний, входящих в индекс S&P 500.

Важным преимуществом биржевых ПИФов являются низкие (по сравнению с другими видами ПИФов) комиссионные издержки, поскольку инвестиционная деятельность управляющих компаний в таких фондах сводится к копированию структуры биржевого индекса, а работа аудиторов и оценщиков активов также не затруднительна в свете открытой биржевой информации.

К другим плюсам биржевых ПИФов следует отнести прозрачность их инвестиционных портфелей (сведения о биржевых индексах открыты для всех) и высокую ликвидность паев. По данным Банка России, за 2019 г. и первую половину 2020 г. стоимость чистых активов БПИФов выросла с 1 до 31,2 млрд руб. При этом только за 2019 г. число владельцев паев возросло с 3,2 до 70,7 тыс. И это несмотря на неблагоприятную экономическую конъюнктуру в стране и мире. Весьма значительную часть активов составляют иностранные ценные бумаги (36,7% в конце 2019 г.). Скорее всего, уже через год-другой биржевые ПИФы по объему активов перегонят интервальные фонды, а затем всерьез станут соперничать с открытыми. Очень быстро развиваются биржевые инвестиционные фонды (ETF) и за рубежом. В течение 2008–2017 гг. их активы росли на 25% в среднем за год [Амвросов, 2018].

Интервальные ПИФы: микропайщики как собственники от приватизации 1990-х гг., вывоз капитала

Согласно данным Банка России (табл. 1), на 31 декабря 2019 г. насчитывалось 1897,9 тыс. владельцев паев ПИФов, из которых 1073,8 тыс. были пайщиками интервальных ПИФов. Однако обе цифры следует воспринимать критически, поскольку в каждую из них входит более миллиона инвесторов с паями на чисто символические суммы. Появление этих минивладельцев прямо связано с жульнической приватизацией 1990-х гг. и неэффективной политикой управляющих компаний.

На 30 сентября 2019 г. насчитывалось 36 интервальных ПИФов, в том числе 11 из них для неквалифицированных инвесторов (НКИ) и 25 – для квалифицированных (КИ). Стоимость их чистых активов в общей сложности составила 49612 млн руб., из которых на ИПИФы для НКИ приходилось 6276 млн руб., а для КИ – 43336 млн руб. На ту же дату число пайщиков всех ИПИФов насчитывало 1074,2 тыс. лиц, из них неквалифицированных инвесторов было 1073,6 тыс.ед., 11 квалифицированных – 0,6 тыс. ед. Стало быть, чистые активы в расчете на одного усредненного владельца пая ИПИФа для КИ составляли тогда около 72 млн руб.

¹¹ URL: http://old.cbr.ru/finmarket/supervision/sv_coll/ (дата обращения: 02.09.2020).

Совсем иная картина в ИПИФах для неквалифицированных инвесторов, среди которых особое место занимает ИПИФ «Альфа-Капитал». В этом фонде насчитывалось 1044,9 тыс. пайщиков, а его чистые активы оценивались в 2003 млн руб. Как видно, чистые активы в расчете на одного владельца пая составляли в среднем 1,9 тыс. руб. (менее средней дневной зарплаты по стране в 2019 г.). Таковыми оказались результаты инвестирования ваучеров в данный фонд!

Происхождение более чем миллиона минипайщиков связано с приватизацией 1990-х гг. Все они вложили полученные ваучеры в чековый инвестиционный фонд «Альфа-Капитал», преобразованный затем в акционерное общество открытого типа, а еще позже (в 1998 г.) – в Интервальный паевой инвестиционный фонд «Альфа-Капитал»¹². За последние 15 лет стоимость пая ИПИФа «Альфа-Капитал» снизилась почти вдвое в реальном выражении (с учетом инфляции). Действительно, за период 30 июня 2005 г. – 30 июня 2020 г. расчетная стоимость пая возросла в 1,61 раза¹³, тогда как потребительские цены – в 3,03 раза. Управляет этим ИПИФом управляющая компания УК «Альфа-Капитал», входящая в консорциум «Альфа-Групп», контролируемый из-за рубежа офшорной материнской компанией. При таких обстоятельствах совсем уж неудовлетворительные результаты УК «Альфа-Капитал» в управлении средствами более чем миллиона бывших владельцев ваучеров не кажутся удивительными.

К концу 2019 г. количество владельцев паев ИПИФа «Альфа-Капитал» практически не изменилось по сравнению с концом I квартала 2016 г. (более ранних данных в публикуемой статистике Банка России не найдено). Надо полагать, владельцы либо забыли о своих паях, либо не озабочиваются процедурой их закрытия из-за ничтожности накопленных сумм.

За 2017–2019 гг. стоимость чистых активов ИПИФов для неквалифицированных инвесторов увеличилась с 5,9 до 6,6 млрд руб., а для квалифицированных – с 12,2 до 45,5 млрд руб. Как видно, высокие темпы роста ИПИФов практически полностью обеспечивали комбинированные фонды.

¹² URL: https://cbr.ru/static/fsfr/fsfr_vkkr/component/content/article/259.html (дата обращения: 02.09.2020).

¹³ URL: https://www.alfacapital.ru/disclosure/pifs/ipifsi_ak/ (дата обращения: 02.09.2020).

Хотя эти фонды могут вкладывать средства почти в любые активы, в последние годы инвестируют они преимущественно в экономики зарубежных стран. За 2017–2019 гг. активы ИПИФов в иностранных ценных бумагах возросли с 3 до 24,4 млрд руб. (43,9% от всех активов ИПИФов в конце 2019 г.). А вот активы в акциях и облигациях российских эмитентов снизились за это же время с 13,2 до 7,9 млрд руб. Если такие тенденции продолжатся, то скоро иностранные ценные бумаги составят более половины активов ИПИФов. В связи с этим возникает вопрос, стоит ли предоставлять налоговые и другие преимущества тем ПИФам, которые занимаются преимущественно вывозом капитала из страны.

Крупный капитал – основной владелец закрытых ПИФов

Как показано в таблице 1, в конце 2019 г. насчитывалось 11,5 тыс. владельцев паев закрытых ПИФов, а чистые активы этих фондов составляли 3949,9 млрд руб. В расчете же на одного владельца паев в среднем приходилось 343 млн руб. Таким образом, владельцами паев ЗПИФов являются, как правило, физические и юридические лица, располагающие весьма значительными финансовыми ресурсами.

Как и интервальные ПИФы, закрытые делятся на две группы, одну из них составляют фонды только для квалифицированных инвесторов, а другую – фонды для неквалифицированных инвесторов. На 31 декабря 2019 г. чистые активы ЗПИФов для КИ оценивались в 3528,7 млрд руб., из которых 3059,7 млрд руб. приходилось на комбинированные фонды. Стоимость чистых активов ЗПИФов для НКИ была более чем в восемь раз меньше – 421,2 млрд руб. Впрочем, и в этих фондах тон задают квалифицированные инвесторы либо лица, удовлетворяющие требованиям для квалифицированных инвесторов, но почему-то не зарегистрированные в качестве таковых. На это указывают хотя бы данные по двенадцати ЗПИФам для НКИ с наибольшими чистыми активами (табл. 5).

В конце 2019 г. в этих фондах насчитывалось всего лишь 53 пайщика, но на их долю приходилось 3/5 чистых активов всех ЗПИФов для НКИ (255,3 из 421,2 млрд руб.). Из таблицы видно, что в «Фонде “Реконструкция и Развитие”» чистые активы

в расчете на одного владельца паев составляли 1,6 млрд руб., а в фонде «Стратегические инициативы» – 25,8 млрд руб. В других десяти фондах аналогичные показатели принимали промежуточные значения. Ясно, что со столь внушительными активами пайщики фондов вполне соответствуют статусу квалифицированных инвесторов.

Таблица 5. 12 крупнейших закрытых ПИФов для неквалифицированных инвесторов, на 31 декабря 2019 г.

Закрытый ПИФ	СЧА, млн руб.	Количество паев	Количество владельцев паев
Недвижимости «ДОМ.РФ»	65788	52000000	13
Смешанных инвестиций «Стратегические активы»	51524	560000	2
Рентный «АК БАРС – Горизонт»	30507	859359	6
Акции «Спортивест»	19447	9095	5
Рентный «Казанский земельный инвестиционный фонд»	13118	982409	4
Рентный «Михайловский – Рентный»	12954	4345184	8
Недвижимости «Фонд "Реконструкция и Развитие"»	12922	10000000	8
Недвижимости «РВМ Мегалполис»	11782	39987	1
Смешанных инвестиций «Коммерческие Инвестиции»	11122	5122348	2
Смешанных инвестиций «Спектр»	8888	8444038	2
Смешанных инвестиций «РВМ Русский Транзит»	8699	77496	1
Рентный «Земельный»	8505	4360441	1

Источник: Банк России

Отметим, что в 84 из 210 ЗПИФов для неквалифицированных инвесторов имеется только один пайщик, хотя некоторые из таких владельцев владеют миллионами паев. Многие «единоличники» фактически сами управляют фондами, и если они недовольны управляющей компанией, то от имени фонда могут подыскать взамен другую, более сговорчивую (закон позволяет это делать). Вообще, удивительно, что в России ПИФы с одним владельцем паев тоже считаются организациями коллективного инвестирования с соответствующими льготами и преимуществами.

Хотя информация по ЗПИФам для квалифицированных инвесторов не публикуется, число таких фондов и владельцев их паев можно рассчитать. Поскольку Банк России публикует соответствующие сведения по всем ЗПИФам и отдельно по ЗПИФам для неквалифицированных инвесторов, то разность между ними дает искомые сведения. Оказалось, что в конце 2019 г. существовало 1006 закрытых фондов для квалифицированных инвесторов, в которых насчитывалось 4,9 тыс. владельцев паев. Как видно, в одном таком фонде имелось в среднем чуть менее пяти пайщиков. Если поделить чистые активы таких ПИФов на число владельцев паев, то получится, что на одного пайщика в среднем приходилось более 720 млн руб. Едва ли можно сомневаться в том, что значительная часть ЗПИФов для КИ имеет лишь одного владельца паев на сумму в десятки млрд руб.

Привлекательность ЗПИФов для крупных инвесторов объяснить нетрудно. Участвуя в них, пайщики могут повысить защиту своего имущества от недружественных захватов и взысканий. Действительно, выделение имущества пайщика из ЗПИФа не допускается, поэтому рейдеры и кредиторы могут получить только инвестиционные паи, что не представляет для них большого интереса. Сведения о владельцах паев ЗПИФов не раскрываются управляющими компаниями, что тоже снижает возможности для захватов. Непрозрачность ЗПИФов (особенно ЗПИФов для квалифицированных инвесторов) привлекательна для бизнеса еще и потому, что он далеко не все в своей деятельности склонен предавать огласке.

Вообще, для крупного капитала российские ЗПИФЫ представляют собой своего рода альтернативу зарубежным офшорам. В Банке России считают, что «в условиях деофшоризации вложений вероятен дальнейший рост спроса на паи ЗПИФов»¹⁴. Подразумевается, что российский капитал, осевший в зарубежных офшорах, хотя бы частично будет репатрирован в отечественные ЗПИФы. Ниже будет указано, что помимо введения комбинированных ПИФов Банк России предпринял дополнительные меры по расширению

¹⁴ URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/27853/review_paif_19Q4.pdf (дата обращения: 02.09.2020).

инвестиционных возможностей паевых фондов для квалифицированных инвесторов.

До недавнего времени крупнейшим активом закрытых ПИФов была недвижимость, но затем ситуация существенно изменилась. Если в середине 2016 г. доля недвижимости в активах ЗПИФов составляла 43,7%, то в конце 2019 г. – 20,3%. Одной из причин тому было изменение в конце 2016 г. требований Банка России к составу активов фондов недвижимости. Был «значительно сокращен круг объектов недвижимости, являющихся разрешенными для инвестирования ЗПИФами с неограниченными в обращении паями» [Тропина, 2020]. Кроме того, повысились квалификационные требования к оценщикам стоимости имущества ЗПИФов. Это также могло уменьшить расчетную стоимость активов фондов, поскольку ранее она нередко завышалась оценщиками по договоренности с заинтересованными лицами. К таким лицам можно отнести, в частности, российские банки, использовавшие ЗПИФы для «рисования» активов в своих балансах.

В декабре 2013 г. глава Департамента банковского регулирования Банка России В. Поздышев в одной из своих публикаций [Поздышев, 2013] прямо обвинял банки в использовании ЗПИФов «для маскировки проблемных, непрофильных и неработающих активов (проблемные кредиты, земельные участки, долгострой, долевое участие в обществах)». Банки передавали проблемные объекты недвижимости, полученные ими по договорам об отступном или в виде залога, паевым фондам, после чего «карманные» оценщики завышали их стоимость. Взамен банки получали паи с завышенной стоимостью, что помогало им скрывать дыры в балансах, возникающие большей частью от банального разворовывания активов, и до поры до времени успешно отчитываться перед Банком России. Подобные махинации банков с ЗПИФами получили широкое распространение, что послужило одной из главных причин эпидемии банковских банкротств во втором десятилетии нынешнего века [Дементьев, 2017]. За 2014–2019 гг. количество действующих кредитных организаций сократилось с 923 до 442 ед. (см. годовые отчеты ЦБ РФ за 2013 и 2019 гг.).

Злоупотреблениям способствовало то обстоятельство, что многие паевые инвестиционные фонды вместе с управляющими

компаниями входят в различные финансовые конгломераты. Очевидно, что подобные ситуации особенно благоприятны для возникновения конфликта интересов между конгломератами и пайщиками. В мае 2020 г. вступил в силу закон, призванный повысить защиту прав пайщиков ПИФов в условиях конфликта интересов¹⁵. Он обязывает управляющие компании возмещать пайщикам убытки, если они (компании) действовали в условиях конфликта интересов, не уведомив об этом пайщиков. ПИФам же для квалифицированных инвесторов были сняты все запреты на действия с элементами конфликта интересов, если такие действия предусмотрены в правилах доверительного управления. Кроме того, в отличие от других ПИФов, с января 2020 г. процедура согласования правил доверительного управления ЗПИФами для КИ стала осуществляться не в Банке России, а в специализированных депозитариях¹⁶. Разница значительная, ведь ПИФ сам подбирает для себя депозитарий. Выше уже говорилось, что в последние годы Банк России целенаправленно снижает требования к ПИФам для КИ.

Существующие в США закрытые паевые фонды (Closed-End Funds) имеют мало общего с российскими ЗПИФами. Их роль на финансовых рынках незначительна в сравнении с взаимными и биржевыми фондами. Если в конце 2019 г. взаимные и биржевые фонды располагали чистыми активами в 21294 и 4396 млрд долл. соответственно, то активы закрытых фондов составили около 278 млрд долл. (табл. 3). В отличие от российских ЗПИФов для КИ, информация об американских закрытых фондах открыта. Кроме того, инвестируют они только в рыночные финансовые инструменты, чем дополнительно обеспечивается прозрачность их деятельности. Если в США пайщиками закрытых фондов являются в основном домашние хозяйства (примерно 3 млн со средними доходами), то в России – крайне узкая группа крупных инвесторов. В конце 2019 г. чистые активы американских закрытых фондов в расчете на одного домохозяйства-пайщика в среднем составляли около 90 тыс. долл., тогда как чистые активы российских ЗПИФов в расчете на одного владельца паев – 343 млн руб. (около 5,5 млн долл. по обменному курсу).

¹⁵ URL: <http://www.cbr.ru/Press/event/?id=2598> (дата обращения: 02.09.2020).

¹⁶ URL: https://cbr.ru/press/pr/?file=27042020_171110info1.htm (дата обращения: 02.09.2020).

Краткие выводы

Российский рынок паевых инвестиционных фондов, медленно восстанавливавшийся после кризиса 2008 г., в последние три года демонстрирует высокие темпы роста. Тому способствовало снижение доходности депозитов в банках – главном конкуренте ПИФов в привлечении сбережений населения. Несмотря на определенные успехи ПИФов, их активы и ныне выглядят мизерными в сравнении с аналогичными организациями развитых стран Запада.

Население России неохотно участвует в паевых фондах. Приобретает оно главным образом паи открытых ПИФов, чистые активы которых (7,3 млрд долл. в конце 2019 г. по обменному курсу) сопоставимы по стоимости с имуществом не самого богатого российского миллиардера. Главные причины тому – стагнация в экономике, низкие доходы населения, его недоверие к финансовой системе.

Более половины владельцев паев ПИФов (1,9 млн лиц в конце 2019 г., по статистике Банка России) составляют лица, паи которых имеют скорее символическое, нежели реальное значение. В 1990-х гг. все они вложили ваучеры в чековый фонд «Альфа-Капитал», ставший затем ИПИФом «Альфа-Капитал». Ныне стоимость паев во владении одного из таких пайщиков составляет в среднем около 2 тыс. руб. Более солидных инвесторов насчитывается менее 0,9 млн ед., это в основном пайщики открытых фондов.

Обычно российские ПИФы вместе со своими управляющими компаниями входят в различные финансовые конгломераты. Этот факт, а также непрозрачность деятельности закрытых ПИФов создают условия конфликта интересов.

В нынешней России на закрытые ПИФы приходится около 90% чистых активов всех ПИФов, в том числе на ЗПИФы для квалифицированных инвесторов – около 80%. Участники ЗПИФов составляют крайне узкую группу лиц, большинство из которых владеет паями на сотни миллионов рублей. Многие ЗПИФы имеют лишь одного владельца паев, но при этом считаются организациями коллективного инвестирования.

Российские ЗПИФы для КИ едва ли можно считать аналогом каких-либо ПИФов за рубежом. Они, например, имеют мало общего с закрытыми фондами (Closed-End Funds) в США, которые ныне обслуживают около 3 млн домохозяйств,

инвестируют только в рыночные финансовые инструменты и работают в условиях высокой прозрачности.

Банк России в последние годы значительно снизил требования к ПИФам для КИ, рассчитывая, что они хотя бы частично вернут российский капитал из зарубежных офшоров. Сейчас такие фонды могут инвестировать практически в любые активы, включать в правила доверительного управления действия с элементами конфликта интересов, а согласование таких правил стало осуществляться не в Банке России, а в специализированных депозитариях. Приведут ли предпринятые регулятором меры к уменьшению оттока капитала за рубеж, или, наоборот, отток увеличится – большой вопрос.

Литература

Амвросов В. А. Развитие мирового рынка ETF и его перспективы // Горизонты экономики. 2018. № 5(45). С. 139–144.

Дементьев Н. П. Российские паевые инвестиционные фонды: закрытые общества миллионеров // ЭКО. 2017. № 9(519). С. 176–189

Корсун А. Ю., Исакова А. И., Протченко А. Р. Особенности налогообложения паевых инвестиционных фондов // В сб.: Теоретические и практические аспекты трансформации налоговой системы России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2018. С. 90–94.

Назырова Д. Р. Налогообложение инвестиционных фондов: зарубежный опыт и возможности его применения в России // В сб.: Современная налоговая система: состояние, проблемы и перспективы развития. Материалы XII международной научной конференции «Современная налоговая система: состояние, проблемы и перспективы развития». Уфа. 2018. С. 88–95.

Поздышев В. У ЦБ много вопросов к оценке закрытых паевых фондов. 2013. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2363786> (дата обращения: 02.09.2020).

Помаскина О. В. Тенденции развития паевых инвестиционных фондов на финансовом рынке Российской Федерации // Инновационное развитие экономики. 2018. № 4 (46). С. 238–246.

Тропина Ж. Н. Новые категории паевых инвестиционных фондов и перспективы развития коллективного инвестирования в России // Вестник Института экономики и антикризисного управления. 2020. № 28. С. 5. URL: <https://ieay.ru/wp-content/files/nd/vestnik/28/Tropina-01.pdf> (дата обращения: 17.09.2020).

Duwall, James, and Giles Swan. Ongoing Charges of UCITS in the European Union. 2019. URL: www.ici.org/pdf/per25-07.pdf (дата обращения: 02.09.2020).

Plantier, L. Christopher. Globalisation and the Global Growth of Long-Term Mutual Funds. 2014. URL: www.iciglobal.org/pdf/icig_per01-01.pdf. (дата обращения: 02.09.2020).

Reid, B., Gallagher, E. An Overview of the U.S. Regulated Fund Industry // Business Economics. 2014. № 49. Pp. 271–281.

Статья поступила 06.09.2020.

Статья принята к публикации 15.09.2020.

Для цитирования: Дементьев Н. П. Паевые инвестиционные фонды в современной России: критический анализ // ЭКО. 2020. № 11. С. 62-82. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-11-62-82.

Summary

Dementiev, N.P., Doct. Sci. (Phys. and Math.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk

Unit Investment Funds in Modern Russia: Critical Analysis

Abstract. Over the past three years, Russian unit investment funds (UIFs) have shown high growth rates. One reason for this is decreased income from bank deposits. However, the assets of UIFs remain meagre as compared with those of similar organizations in Western developed countries. Over half of UIFs shares (about 2 million units) holders are those who invested their privatization vouchers in funds a quarter of a century ago. Investment performance has been deeply unsatisfactory, and now the average assets per person average very nominal two thousand rubles.

In contrast to foreign regulated investment funds, Russian unit investment funds mainly serve not the general public, but a small group of qualified investors holding shares worth hundreds million rubles. In recent years, the Bank of Russia has significantly lowered UIF requirements for qualified investors, expecting that they will at least partly attract Russian capital from foreign offshores. Still, it is not clear, whether the regulator's measures will reduce capital outflow or, on the contrary, increase outflows.

Keywords: unit investment funds; mutual funds; types and categories of unit investment funds; net assets; qualified investors; banks; conflict of interest

References

Amvrosov, V.A. (2018). Razvitie mirovogo rynka ETF i ego perspektivy [The development of world ETF industry and its prospects]. *Gorizonty ekonomiki*. No. 5(45). Pp. 139–144. (In Russ.).

Dementiev, N.P. (2017). Rossijskie paeve investicionnye fondy: zakrytye obshchestva millionerov. Russian unit investment funds: closed companies of millionaires. *ECO*. No. 9 (519). Pp. 176–189. (In Russ.).

Duvall, James, and Giles, Swan. (2019). Ongoing Charges of UCITS in the European Union. Available at: www.ici.org/pdf/per25-07.pdf (accessed 02.09.2020).

Korsun, A. Yu., Isakova, A.I., Protchenko, A.R. (2018). Osobennosti nalogoblozheniya paevykh investitsionnykh fondov. Tax treatment of share investment funds. *Teoreticheskie i prakticheskie aspekty transformatsii nalogovoy sistemy Rossii: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Rostov-na-Donu. Pp. 90–94. (In Russ.).

Nazyrova, D.R. (2018). Nalogooblozhenie investitsionnykh fondov: zarubezhnyi opyt i vozmozhnosti ego primeneniya v Rossii. Taxation of investment funds: International practices and their potential applications in Russia. *Sovremennaya nalogovaya sistema: sostoyanie, problemy i perspektivy razvitiya: materialy XII mezhdunarodnoy konferentsii*. Ufa. Pp. 88–95. (In Russ.).

Plantier, L. Christopher. (2014). Globalisation and the Global Growth of Long-Term Mutual Funds. Available at: www.iciglobal.org/pdf/icig_per01-01.pdf (accessed 02.09.2020).

Pomaskina, O.V. (2018). Tendentsii razvitiya paevykh investitsionnykh fondov na finansovom rynke Rossiyskoy Federatsii. Trends in the development of share investment funds in the financial market of the Russian Federation. *Innovatsionnoe razvitie ekonomiki*. No. 4 (46). Pp. 238–246. (In Russ.).

Pozdyshev, V. (2013). U TsB mnogo voprosov k otsenke zakrytykh paevykh fondov. The Central Bank has many questions to the evaluation of close-end share investment funds. *Kommersant*. Dec 09. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/2363786> (Accessed 02.09.2020). (In Russ.).

Reid, B., Gallagher, E. (2014). An Overview of the U.S. Regulated Fund Industry. *Business Economics*. No. 49. Pp. 271–281.

Tropina, Zh.N. (2020). Novye kategorii paevykh investitsionnykh fondov i perspektivy razvitiya kollektivnogo investirovaniya v Rossii [New Categories of Unit Investment Funds and Prospects for the Development of Collective Investment in Russia]. *Vestnik Instituta ekonomiki i antikrizisnogo upravleniya*. No. 28. P. 5. Available at: <https://ieay.ru/wp-content/files/nd/vestnik/28/Tropina-01.pdf> (accessed 17.09.2020). (In Russ.).

For citation: Dementiev, N. P. (2020). Unit Investment Funds in Modern Russia: Critical Analysis. *ECO*. No.11. Pp. 62-82. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-11-62-82.

Проблемы и эффективность госзакупок глазами их участников¹

А.А. ЯКОВЛЕВ, кандидат экономических наук. E-mail: ayakovlev@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2273-0971>

О.Н. БАЛАЕВА, кандидат экономических наук. E-mail: obalaeva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9065-1373>

Ю.Д. РОДИОНОВА. E-mail: yrodionova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9837-4753>

А.В. ТКАЧЕНКО, кандидат физико-математических наук.
E-mail: tkachenko_av@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0838-0023>

Институт анализа предприятий и рынков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

Аннотация. Статья посвящена оценке ключевых проблем и эффективности российской системы госзакупок с позиций ее непосредственных участников. Результаты массового опроса заказчиков и поставщиков, проведенного в 2020 г., свидетельствуют о разрастании проблем регулирования госзакупок. Для обеспечения конечных содержательных результатов закупки добросовестные участники рынка все чаще вынуждены действовать в «серой» зоне, переступая через формальные правила. Следствием этого становится рост числа нарушений, выявляемых в ходе проверок ФАС, и рост числа штрафов, но это не приводит к улучшению ситуации. В целом результаты опроса дают основание полагать, что при всей важности борьбы с коррупцией и повышения конкуренции регулирование государственных закупок, в первую очередь, должно быть нацелено на обеспечение их конечной эффективности – в виде качественного и своевременного исполнения контрактов с учетом интересов и предпочтений основных участников процесса.

Ключевые слова: государственные закупки; эффективность госзакупок; регулирование госзакупок; поставщик; госзаказчик

Государственные закупки составляют значительную часть расходов государственного бюджета и ВВП в развитых и развивающихся странах. В России подобного рода расходы, включая закупки государственных предприятий, составили в 2019 г. 31,6 трлн руб., или 29% ВВП в текущих ценах [Счетная палата, 2020]. Большие

¹ Работа подготовлена в рамках проекта «Поведение экономических агентов на рынках государственных закупок и развитие предприятий в переходных экономиках», поддержанного Программой фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 г. Авторы выражают благодарность представителям организаций-госзаказчиков и поставщиков, принявшим участие в проведении опроса, а также О.М. Уваровой за помощь в обработке данных опроса.

масштабы закупок требуют контроля за эффективным расходованием средств, ясности и недвусмысленности законодательных требований для всех участников закупочного процесса. Опыт 2020 г. показал важность гибкости законодательства о госзакупках, особенно в условиях чрезвычайных ситуаций, таких как пандемия COVID-19, когда осуществление закупки в кратчайшие сроки приобретает жизненно важное значение.

Основной акцент регулирования этой сферы в России традиционно сосредоточен на борьбе с коррупцией и обеспечении прозрачности процесса. Для достижения этих целей в первую очередь жестко регламентируются все процедуры, включая правила взаимодействия с участниками, контроль за соблюдением сроков и т.п. Результат же закупки, включая возможности удовлетворения текущей потребности, по-прежнему во многом остается «за кадром» действующего законодательства. Между тем специалисты-практики и исследователи в сфере госзакупок все чаще говорят о необходимости сместить акценты с жесткой регламентации закупочного процесса на повышение эффективности закупок [см., например, Мельников, 2016; Авдашева и др., 2020].

Действующий в настоящее время закон 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» вступил в силу уже более шести лет назад и не раз претерпевал изменения. На сегодняшний день 44-ФЗ занимает уже 320 страниц, но Минфин и ФАС продолжают вносить в него все новые поправки, усиливая регламентацию и контроль действий всех участников закупочного процесса. С весны 2020 г. идет публичное обсуждение очередного масштабного «оптимизационного» пакета поправок в 44-ФЗ². При этом заказчики и поставщики вынуждены постоянно адаптироваться к новым правилам, которые часто вызывают больше вопросов, чем предыдущие.

Противоречивость и избыточность требований законодательства приводят к тому, что регуляторы сами оказываются не способны отделить реальные злоупотребления от неформальных действий добросовестных участников закупок, целью которых является не приобретение личной выгоды, а обеспечение качественной

² Оптимизация торга. Госзакупки избавляют от избыточных процедур. Российская газета – Федеральный выпуск № 129(8183). 15.06.2020. URL: <https://rg.ru/2020/06/15/v-rossii-uprostitat-proceduru-provedeniia-goszakupok.html>

поставки товаров и гарантированного исполнения контракта [ЦПУР, 2019]. При этом многие поставщики по-прежнему не могут встроиться в существующую систему госзакупок из-за наличия высоких административных барьеров и коррупции [Валиева, 2020].

Однако мнению участников закупочного процесса до сих пор не уделяется должного внимания. Преобладающая часть исследований в сфере госзакупок базируется на результатах анализа больших массивов открытых данных или рассматривает кейсы отдельных организаций или проектов. Такие исследования важны, но они не раскрывают проблемы функционирования системы госзакупок с позиций ее непосредственных участников. Лишь единичные работы посвящены анализу мнений госзаказчиков и поставщиков. Из зарубежных эмпирических исследований такого рода наиболее масштабным до сих пор остается проект PwC, посвященный анализу эффективности госзакупок в странах Евросоюза на данных опроса 5500 заказчиков и 1800 поставщиков [PwC, 2011]. Однако такие масштабные «мультистрановые» опросы по госзакупкам больше не повторялись, и на уровне отдельных стран их также крайне мало (см., например [Flynn, 2017; Grega et al., 2019; Kacandolli-Gjonbalaj et al., 2018]).

Что касается России, то первое в отечественной практике масштабное исследование с оценкой российской системы госзакупок ее непосредственными участниками было проведено в 2017 г. Институтом анализа предприятий и рынков НИУ ВШЭ [Яковлев и др., 2018]. Массовый онлайн-опрос госзаказчиков и поставщиков показал, что принятие 44-ФЗ не улучшило ситуации в системе регулирования госзакупок в России – большинство проблем, характерных для 94-ФЗ, остались актуальными и в новых условиях, а их острота с переходом на новое регулирование практически не снизилась.

Прошло три года и в 2020 г. мы решили провести новый раунд исследования и выяснить, есть ли изменения в оценках непосредственных участников госзаказа за прошедший период, произошли ли сдвиги к лучшему или проблем по-прежнему больше, чем позитива.

Данные и методология исследования

Второй массовый онлайн-опрос госзаказчиков и поставщиков был проведен нами в марте-мае 2020 г. Его целью был анализ

существующих проблем в регулировании и практике применения Закона о контрактной системе (44-ФЗ) на основе оценок самих участников госзакупок.

В основу базы респондентов были положены контактные данные из извещений и контрактов, заключенных в соответствии с 44-ФЗ с января 2017 г. по сентябрь 2019 г. Конечная выборка для рассылки анкет насчитывала 94,5 тыс. e-mail-госзаказчиков (отбирались те, кто за три года разместил не менее пяти извещений о закупках, в том числе хотя бы одно в 2019 г.) и 207,8 тыс. e-mail-поставщиков (которые за три года заключили не менее трех госконтрактов). Таким образом, выборка была сформирована из специалистов предприятий и организаций, имеющих достаточный опыт участия в госзакупках. Опрос был начат 17 марта и совпал с кризисом, связанным с распространением вируса COVID-19, что могло отразиться на числе респондентов. Тем не менее на 29 мая было получено достаточное для количественного анализа число заполненных анкет – 434 от заказчиков и 586 от поставщиков. При этом по своим ключевым параметрам выборка текущего опроса близка к выборке опроса 2017 г., которая включала 1251 заказчика и 721 поставщика и подробно описана в предшествующих публикациях ИАПР [Яковлев и др., 2018].

Хотя выборка формировалась на данных о закупках по 44-ФЗ, 39% заказчиков и 85% поставщиков, ответивших на нашу анкету, также имели опыт работы по 223-ФЗ. Для опрошенных поставщиков общий стаж работы с государственными/муниципальными контрактами в среднем составлял 9 лет, для заказчиков – 8 лет. Из числа наших респондентов 47% заказчиков и 70% поставщиков имели опыт участия в сложных процедурах закупок (открытых конкурсах, конкурсах с ограниченным участием, двухэтапных конкурсах). Среди заказчиков большинство составили женщины, среди поставщиков преобладали мужчины.

На стороне заказчиков выборка была смещена в пользу организаций федерального и регионального уровня (их суммарная доля составила 53% – против 27% в генеральной совокупности, по данным сайта zakupki.gov.ru). Из организаций-поставщиков 47% расположены в областных центрах и 19% в Москве, 56% заказчиков – в малых городах и поселках. Среди респондентов-поставщиков 59% работали на предприятиях с двадцатью и менее занятыми, а опрошенные заказчики чаще представляли более

крупные организации (46% имели 100 и более сотрудников и 25% насчитывали от 50 до 100 сотрудников).

Опрос в целом опирался на методологию обследования 2017 г., но анкета была адаптирована с учетом изменений в практике закупок и ряда новых исследовательских задач. В анкете были повторены вопросы о ключевых проблемах системы госзакупок, о практиках «заведомого выбора» поставщиков, проблемах правоприменения в сфере госзакупок. В то же время были добавлены вопросы о целях закупок и критериях оценки их эффективности, а также о роли факторов доверия и репутации на рынке госзаказа. По сопоставимым вопросам были проведены сравнения с данными 2017 г.

Эффективность госзакупок

В российской практике эффективность закупки рассматривается регуляторами, в первую очередь, через призму экономии на снижении цены и обеспечении конкуренции при осуществлении закупочной процедуры. Однако «взгляд снизу» на эффективность госзакупок никогда не оценивался, а мнения заказчиков и поставщиков по данному вопросу если и выслушивались, то лишь на уровне отдельных кейсов.

С учетом обсуждений с экспертами-практиками в сфере госзакупок мы выделили двенадцать различных индикаторов эффективной закупки, которые затем были предложены нашим респондентам (табл. 1). Результаты показали, что для непосредственных участников рынка госзаказа наиболее важны конечные результаты закупки. Так, 77% заказчиков и 66% поставщиков считают, что эффективная закупка должна характеризоваться «поставкой качественного товара», 53% заказчиков и 41% поставщиков отметили в качестве критерия «исполнение контракта в срок».

При этом высокую конкуренцию и снижение цены в ходе закупки, которые традиционно рассматриваются ФАС как индикаторы эффективности госзакупок, посчитала существенными лишь небольшая доля опрошенных – соответственно, 18% и 19% заказчиков и 12% и 4% поставщиков. Характерен комментарий одного из респондентов-поставщиков: *«поставка дешёвого оборудования – это очень краткосрочный эффект, в этом смысле 44-ФЗ неэффективен... В погоне за экономией*

средств при применении 44-ФЗ, по сути, идёт их растрата». В качестве показателей эффективной закупки очень редко отмечались поставки товаров отечественного производства (2% ответов заказчиков и 6% – поставщиков), а также следование экологическим требованиям (1% ответов).

Таблица 1. По вашему мнению, какие основные показатели характеризуют эффективную закупку? (требовалось указать не более трех вариантов ответа), %

Показатель	Заказчики	Поставщики
Закупка проведена в запланированные сроки	33	23
Закупка проведена с использованием конкурентной процедуры	31	35
Закупка проведена с учетом экологических требований	1	1
Высокая конкуренция в ходе закупки	18	12
Существенное снижение цены в процессе закупки	19	4
Контракт заключен с субъектом малого предпринимательства	4	17
Контракт исполнен в срок	53	41
Поставлен товар отечественного производства	2	6
Поставлен качественный товар	77	66
Отсутствие конфликтов в процессе исполнения контракта	19	32
Отсутствие претензий со стороны контролирующих органов	22	11
Достигнут рыночный уровень цены	12	35
Другое	1	6
Всего ответивших респондентов	431	584

Закономерным представляется, что для формирования хорошей деловой репутации поставщиков на рынке госзакупок наиболее важными факторами оказались высокое качество поставляемых товаров (80% ответов заказчиков и 60% – поставщиков) и успешный опыт исполнения аналогичных контрактов (соответственно, 48% и 54%). Для репутации заказчиков в качестве наиболее значимого фактора выделено «следование объявленным правилам и требованиям» (59% ответов заказчиков и 45% ответов поставщиков).

Респондентам также был задан вопрос о том, какие цели регулирования государственных/ муниципальных закупок они считают наиболее важными. В ответах преобладали «эффективность закупок для конкретного заказчика» и «борьба с коррупцией» (табл. 2). Однако если заказчики на первое место ставят эффективность закупок (71%), то для поставщиков с небольшим отрывом на первом месте оказывается борьба

с коррупцией (53%). «Экономическое развитие страны» также признается одной из приоритетных целей (31% заказчиков и 40% поставщиков), в то время как «развитие региона» в качестве приоритета в регулировании госзакупок рассматривается реже (24% ответов заказчиков и 27% среди поставщиков).

Таблица 2. По Вашему мнению, какие цели должно было бы преследовать оптимальное регулирование государственных/муниципальных закупок? (требовалось указать не более двух вариантов ответа), %

Цель	Заказчики	Поставщики
Эффективность закупок для конкретного заказчика	71	48
Развитие региона	24	27
Экономическое развитие страны	31	40
Социальное развитие общества	10	12
Приоритеты государственной политики	4	3
Национальная безопасность	5	3
Борьба с коррупцией	42	53
Другое	2	4
Всего ответивших респондентов	430	583

В варианте ответа «другое» респонденты указывали обеспечение баланса интересов государственных структур и бизнеса, возможность развития предпринимательства и малого бизнеса, а также простые и неизменные правила для всех участников закупочного процесса. Правда, были и весьма пессимистичные ответы: *«эффект один – гробим все», «это не способствует ничему, т.к. уровень коррупции никак не понижается на крупных закупках, т.к. там всегда есть сговор, а мелкие закупки только убивают мелкий и средний бизнес», «какое регулирование, все сводится к понижению цен, все остальное не имеет значения. Заказчик абсолютно ничего не может изменить в целях качественного и своевременного получения работ, услуг, товара. Никакого развития экономики региона не может быть, все происходит по факту наихудшим результатом. Главное – отчитаться и красиво написать».*

Проблемы в системе госзакупок

Так же, как и в 2017 г., респондентам был предложен список проблемных ситуаций в осуществлении закупок в рамках 44-ФЗ с просьбой оценить частоту их возникновения (табл. 3).

И результаты (с учетом обозначенных выше индикаторов эффективности закупок) оказались неутешительны.

Таблица 3. Сравнение доли респондентов, отметивших перечисленные ситуации из практики государственных/муниципальных закупок как «часто встречающиеся» (по результатам опросов 2017 и 2020 гг.), %

Ситуация	Заказчики		Поставщики	
	2017	2020	2017	2020
Сговор поставщиков между собой	16	27	25	26
Наличие неформальных связей между заказчиком и поставщиком	12	17	38	50
Нарушение сроков поставки товаров/работ/услуг	17	48	15	24
Поставка некачественных товаров/работ/услуг	19	60	17	60
Затягивание сроков оплаты	16	15	35	43
Затягивание сроков приемки работ или подписания актов	5	12	16	34
Расторжение контракта	6	14	3	8
Наличие конфликта интересов между сторонами контракта	4	9	10	24
Затягивание сроков проведения закупки	-	45	-	31
Обжалование поставщиками результатов процедуры закупок	-	18	-	15
Необоснованные дополнительные требования заказчика	-	11	-	59

Примечание: В опросе 2017 г. респондентам был предложен список из 18 проблемных ситуаций с просьбой оценить частоту их возникновения с вариантами ответов «часто», «иногда», «редко», «никогда» (в 2020 г. – были сохранены 8 наиболее часто встречающихся ситуаций и добавлены 3 новые, а варианты ответов ограничены опциями «часто» и «крайне редко»). Примечательно, что для проблем с качеством и с нарушением сроков поставок доля оценок «часто» в 2020 г. у заказчиков превосходит сумму оценок «часто» и «иногда» в 2017 г. Аналогичная тенденция прослеживается и у поставщиков в оценках поставки некачественных товаров/работ/услуг.

Несмотря на тенденцию к предъявлению претензий своим контрагентам (когда заказчики говорят о срыве сроков поставки, а поставщики ссылаются на выставление дополнительных требований, затягивание сроков приемки работ и их оплаты), обе стороны соглашаются в том, что самой частой проблемой российской системы госзакупок является поставка некачественных товаров/работ/услуг. Ее отметили 60% заказчиков и поставщиков. О наличии нерешенных проблем в российском законодательстве о госзакупках также свидетельствует тот факт, что половина (50%) поставщиков и 17% заказчиков отметили как часто встречающуюся проблему неформальных связей между заказчиком и поставщиком. Обе группы респондентов

считают проблемой наличие сговора между поставщиками (27% заказчиков и 26% поставщиков).

Сравнение полученных результатов с итогами опроса 2017 г. показывает, что наиболее значимые для обеих сторон проблемы («Поставка некачественных товаров/работ/услуг» и «Нарушение сроков поставки товаров/работ/услуг») не только не потеряли свою актуальность, а, наоборот, обострились (табл. 3).

В текущем опросе были добавлены еще три «проблемные» ситуации, которые не были обозначены в опросе 2017 г. (см. последние три строки табл. 3). И эти ситуации оказались весьма значимыми для наших респондентов. Практически половина заказчиков и 31% поставщиков отметили как часто встречающуюся проблему «Затягивание сроков проведения закупки», а 59% поставщиков говорили о наличии «Необоснованных дополнительных требований заказчика». В частности, поставщики упоминали сбор денег за услуги посредников, *«облепивших систему закупок»* (цитата одного из респондентов). Многие респонденты отмечали противоречивость и неоднозначность законодательных требований: *«разная позиция Заказчика и ФАС в разных регионах к наличию лицензии на наш вид деятельности: одним словом, анархия...», «плохо отлаженное законодательство в сфере государственных закупок...»*.

Практика заключения контрактов с заранее определённым поставщиком

Наш опрос показывает, что на практике одним из способов решения проблем с качеством поставок является стратегия «заведомого выбора» – когда заказчик определяет поставщика еще до проведения закупки. Хотя такая стратегия прямо противоречит действующему законодательству о закупках, ее широкую распространенность и в 2017 г., и 2020 г. признавали обе стороны (табл. 4). В среднем, по оценкам поставщиков, ее придерживаются 52% организаций, проводящих госзакупки (аналогичная оценка респондентов-заказчиков – 38%), причем опрос 2017 г. показал примерно такие же значения. Вместе с тем интересен тот факт, что в 2020 г. радикально сократилась доля не ответивших на данный вопрос. Одновременно выросла доля отметивших «Наличие неформальных связей между заказчиком и поставщиком» как часто встречающуюся проблему.

Таблица 4. Сравнение доли заказчиков, следовавших стратегии заключения контрактов (договоров) с заранее определенными ими поставщиками в период 2014–15 гг./2018–19 гг. (по результатам опросов 2017 и 2020 гг.),%

Доля заказчиков	Заказчики		Поставщики	
	2017	2020	2017	2020
0–10	26	21	7	8
11–20	10	12	7	8
21–30	10	11	9	11
31–40	6	7	10	8
41–50	9	14	11	9
51–60	11	8	13	10
61–70	5	9	9	9
71–80	8	8	16	15
81–90	9	5	11	14
91–100	6	2	7	7
Средняя оценка (для ответивших)	40	38	53	52

Примечание: в опросе 2017 г. не ответили на данный вопрос 28% заказчиков и 15% поставщиков, в опросе 2020 г. – только 2% заказчиков и 1% поставщиков.

Возможное объяснение этих изменений сводится к тому, что в 2017 г. практика «заведомого выбора» воспринималась как массовая, но нелегальная и потенциально чреватая санкциями – соответственно, многие респонденты предпочитали уходить от ответа на этот «чувствительный» вопрос. К 2020 г. при тех же оценках распространенности данной стратегии заказчики и поставщики перестали бояться признавать наличие такой практики, что фактически говорит о том, что она никак и никем не наказывается (как написал один респондент, *«все всё знают, но не будут ничего делать»*).

Для реализации стратегии «заведомого выбора» заказчик использует целый арсенал инструментов и приемов. Мы предложили поставщикам ответить, с какими ограничениями в доступе к государственным/муниципальным контрактам (договорам) они сталкивались за последние два года. Среди ответов бесспорным лидером оказалось ограничение, которое и в опросе 2017 г. было на первой позиции – «Заточивание технического задания под конкретных поставщиков, установление специфических требований». Далее с существенным отрывом шли «Установление нереалистичных сроков на поставку товаров, выполнение работ,

оказание услуг» и «Установление необоснованных требований о подтверждении качественных характеристик товара». Среди менее популярных ограничений поставщики отмечали «Необъективность заказчика в оценке заявки», «Непрозрачную процедуру оценки заявок», «Установление слишком коротких временных рамок для подготовки заявки на участие».

Как правило, стратегия «заведомого выбора» предполагает использование заказчиком всего комплекса перечисленных приемов. Этот феномен не является чисто российским, в международной практике для выявления преднамеренного манипулирования процессом закупок со стороны коррумпированного заказчика в пользу конкретного поставщика разработана и используется специальная методология так называемых «красных флажков» [Fazekas, Kocsis, 2017; Dávid-Barrett, Fazekas, 2020].

Однако российская специфика заключается в том, что многие поставщики с пониманием относятся к стратегии «заведомого выбора» и массово оправдывают ее. В рамках обоих опросов наиболее значимыми причинами использования госзаказчиком такой стратегии респонденты называли стремление обеспечить качественную поставку товаров и гарантированное исполнение контракта (табл. 5). При этом показательно, что для поставщиков значимость этих причин за прошедшие три года увеличилась.

Таблица 5. Сравнение доли респондентов, отметивших как наиболее значимые перечисленные причины выбора государственными/муниципальными заказчиками стратегии заключения контрактов (договоров) с заранее определенными ими поставщиками (по результатам опросов 2017 и 2020 гг. – требовалось указать не более трех вариантов ответа), %

Причина	Заказчики		Поставщики	
	2017	2020	2017	2020
Стремление обеспечить гарантированное исполнение контракта	80	86	50	61
Стремление обеспечить качественную поставку товаров	80	85	47	57
Отсутствие конкуренции со стороны других добросовестных поставщиков требуемых товаров/работ/услуг	26	26	13	16
Стремление избежать ценового демпинга	10	19	19	24
Указания/рекомендации вышестоящих органов	14	14	24	21
Неформальные связи с поставщиками	9	12	61	56
Несовершенство установленных подходов к требованиям, критериям, оценке заявок	17	17	20	22
Другое	3	1	11	6

По данным 2020 г., 57% поставщиков признают, что в основе «заведомого выбора» лежит стремление обеспечить качественную поставку товаров, а 61% соглашаются с тем, что это делается для «гарантированного исполнения контракта. В то же время 56% поставщиков в качестве значимой причины «заведомого выбора» указали наличие неформальных связей между заказчиками и поставщиками.

Надо отметить, что несмотря на непрерывные попытки улучшения законодательства о госзакупках, доля поставщиков, отметивших «несовершенство установленных подходов к требованиям, критериям, оценке заявок» в качестве одной из причин стратегии «заведомого выбора», не только не снизилась, но, напротив, возросла и составила 22%. В варианте ответа «другое» многие участники также напрямую упоминали коррупцию и получение откатов, лень представителей заказчиков выстраивать новые связи и искать альтернативных поставщиков, а также нежелание получить *«кота в мешке»*.

Контроль и урегулирование споров в сфере госзакупок

Полученные результаты свидетельствуют о разрастании проблем, накопившихся в системе госзакупок, а также о том, что сложившаяся система регулирования фактически выталкивает добросовестных участников закупок в «серую» зону – когда для обеспечения конечных содержательных результатов закупки они оказываются вынуждены переступать через формальные правила. Следствием этого становится большое число нарушений, выявляемых в ходе проверок ФАС с последующим наложением штрафов. В частности, о проверках контролирующим органом в 2018–2019 гг. сообщили 83% заказчиков, выявление нарушений при таких проверках констатировали 55%, и еще 35% сталкивались со штрафами. Тем не менее, как видно по приведенным выше данным, такая интенсивность контроля никак не отражается на качестве закупок.

Почти половина заказчиков (49%) на стадии определения поставщика сталкивались с ситуацией жалоб на свою организацию, а 47% поставщиков подавали жалобы в контролирующий орган (табл. 6). На этапе исполнения контракта большинство респондентов (79% заказчиков и 78% поставщиков) отдавали

предпочтение переговорному механизму урегулирования конфликтов, и лишь около 20% заказчиков и 22% поставщиков обращались в суд. При этом опрос 2020 г. показал, что практически треть (32%) поставщиков пытались урегулировать спорные ситуации исключительно путем мирных переговоров, минуя формальные каналы (ФАС и суд) по сравнению с 16% в 2017 г. и только 1% поставщиков сразу обращались в официальные инстанции (3% в 2017 г.). Такая ярко выраженная тенденция к увеличению внесудебных способов улаживания споров в сфере госзакупок может свидетельствовать о низкой эффективности действующей в РФ системы регулирования.

Таблица 6. Приходилось ли Вашей организации в 2018–2019 гг. попадать в следующую ситуацию? (%)

Ситуация	Заказчики	Поставщики
Получать жалобы на Вашу организацию (для заказчиков) /подавать жалобы в контролирующий орган на стадии определения поставщика (для поставщиков)	49	47
Проводить переговоры с поставщиком/заказчиком для урегулирования конфликтов на стадии исполнения контракта	79	78
Обращаться в суд для урегулирования конфликтов на стадии исполнения контракта	20	22
Всего ответивших респондентов	428	579

Среди причин отказов от обращения к судебной системе 84% заказчиков и 61% поставщиков указали на возможность урегулировать спор без обращения в суд, а также ссылались на длительность рассмотрения спора в суде (соответственно, 66% и 54%) (табл. 7). Показательна заметная доля заказчиков и поставщиков, отметивших неуверенность в исполнении решения суда (30% и 35%) и в целом недоверие к судебной системе (13% заказчиков и 40% поставщиков).

Полученное распределение ответов респондентов говорит о неэффективности сложившейся судебной практики урегулирования конфликтов между госзаказчиками и поставщиками. В свою очередь, низкие оценки необходимости «неофициальных расходов» в судах (8% заказчиков и 4% поставщиков) могут рассматриваться как индикатор того, что проблема заключается не в коррумпированности судебной системы, а, скорее, в ее низкой дееспособности.

Таблица 7. Как Вы думаете, если заказчики/поставщики не обращаются в суд для разрешения конфликтов, то почему это происходит? (%)

Причина	Заказчики	Поставщики
Есть возможность урегулировать спор без обращения в суд	84	61
Нет уверенности в исполнении решения суда, если оно было принято в их пользу	30	35
Нежелательность огласки конфликта	8	16
Высокие расходы на участие в судебном процессе	22	29
Судебная система не вызывает доверия	13	40
Не уверены в том, что их аргументы будут убедительны для суда	13	22
Длительность рассмотрения спора в суде	66	54
Удовлетворение иска потребовало бы неофициальных расходов	8	4
Другое	3	4
Всего ответивших респондентов	430	580

При этом как заказчики, так и поставщики говорят и об отсутствии квалифицированных специалистов (особенно на стороне малого бизнеса), способных представлять их интересы в суде, а ряд респондентов-поставщиков считает в принципе бесполезным обжалование в суде нарушения заказчика при проведении закупки, так как *«даже если решение будет вынесено в пользу поставщика, к этому моменту пройдет столько времени, что контракт (договор) с высокой вероятностью будет уже исполнен, и суд заявит, что «реституция невозможна»»*.

Госзакупки в условиях чрезвычайных ситуаций

Интерес представляет и еще один сюжет, затронутый в нашем текущем опросе. В условиях чрезвычайной ситуации в России, связанной с распространением вируса COVID-19, особую остроту приобрел блок вопросов о допустимости отклонения действий заказчика от формальных правил проведения закупки и исполнения контракта для преодоления чрезвычайных обстоятельств³.

³ Распространение вируса COVID-19, безусловно, является чрезвычайной ситуацией, что в России было официально признано органами, регулируемыми госзакупки. Так, Минфин в своем письме от 19.03.2020 № 24–06–06/21324 прямо указал на то, что распространение коронавирусной инфекции «носит чрезвычайный и непредотвратимый характер, в связи с чем является обстоятельством непреодолимой силы».

С одной стороны, эффективность госзакупок ограничивается рисками коррупции, что требует их регламентации, включая обеспечение прозрачности и акцент на проведение конкурентных процедур [Di Tella, Schargrodsky, 2003]. Но, с другой стороны, чрезмерное регулирование делает систему закупок негибкой и порождает высокие издержки, которые также снижают эффективность расходования государственных средств, особенно в условиях низкой конкуренции, характерной для госзакупок в России [Вольчик, Нечаев, 2015; Балаева и др., 2018; Мельников, Литвинцева, 2020]. Выбор между соблюдением формальных требований регулирования и стремлением к упрощению процедур закупок становится наиболее острым в условиях чрезвычайной ситуации. В связи с необходимостью экстренного лечения большого числа пострадавших, регулирующие органы вынуждены идти на упрощение закупочных процедур для того, чтобы ускорить их исполнение.

Так, в России Минфин в своем письме от 19.03.2020 № 24–06–06/21324 прямо указал на то, что распространение коронавирусной инфекции «носит чрезвычайный и непредотвратимый характер, в связи с чем является обстоятельством непреодолимой силы» и заказчики вправе закупать любые товары, работы, услуги, которые требуются в связи с введением режима повышенной готовности, у единственного поставщика по п. 9 ч. 1 ст. 93 44-ФЗ. В дополнение к этим мерам 24.04.2020 г. Президент России В.В. Путин подписал Федеральный закон № 124-ФЗ, который смягчает требования к госзакупкам в 2020 г. «в условиях ухудшения ситуации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции», а Постановлением Правительства РФ от 08.05.2020 № 647 были утверждены случаи и порядок экстренных госзакупок у единственного поставщика до конца 2020 г.

Результаты проведенного опроса показали, что около половины поставщиков и заказчиков считают, что отклонение действий заказчика от формальных правил проведения закупки и исполнения контракта (договора) полностью допустимо для преодоления чрезвычайных обстоятельств (ситуаций, угрожающих жизни и здоровью) (табл. 8). Для сравнения: только 21% поставщиков и 15% заказчиков находят полностью допустимыми такое отклонение для реализации приоритетов

государственной политики и национальной безопасности, а больше половины респондентов (55% заказчиков и 52% поставщиков) считают его совершенно недопустимым для исполнения указания вышестоящего руководства.

Таблица 8. Оцените, насколько допустимо, в случае отдельного контракта, отклонение действий заказчика от формальных правил проведения закупки и исполнения контракта (договора)? (%)

Ситуация	Совсем недопустимо (1 по 7-балльной шкале)		Полностью допустимо (7 по 7-балльной шкале)	
	Заказчики	Поставщики	Заказчики	Поставщики
Для достижения эффективности закупки	36	20	8	16
Для исполнения указания вышестоящего руководства	55	52	2	4
Для преодоления чрезвычайных обстоятельств (ситуаций, угрожающих жизни и здоровью)	13	6	44	53
Для реализации приоритетов гос. политики и национальной безопасности	27	18	15	21

Примечание: на этот вопрос ответило 426 заказчиков и 573 поставщика.

При этом, если поставщики, которые проходили опрос в марте (в момент объявления режима «самоизоляции») в большинстве регионов России), оценивали допустимость отклонений действия заказчика от формальных правил для преодоления чрезвычайных обстоятельств в среднем в 5,8 по 7-балльной шкале, то средняя оценка поставщиков, ответивших на нашу анкету в апреле-мае, снизилась до 5,6. У заказчиков наблюдалось аналогичное изменение – с 5,2 в марте до 5,0 в апреле-мае.

Заключение

В данной статье представлены результаты опроса заказчиков и поставщиков, проведенного в 2020 г. в России и посвященного ключевым проблемам функционирования системы госзакупок. Основными целями оптимального регулирования закупок наши респонденты считают «эффективность закупок для конкретного заказчика» и «борьбу с коррупцией». Однако ответы на другие вопросы анкеты показывают, что эти цели остаются нереализованными после шести лет функционирования закона 44-ФЗ.

Притом, что поставка качественного товара и исполнение контракта в срок воспринимаются респондентами как основные критерии эффективности закупки, наиболее частой проблемой для российской системы госзакупок является поставка некачественных товаров/работ/услуг. Как показывают результаты опроса, одним из распространенных способов решения этих проблем выступает стратегия «заведомого выбора» – когда заказчик определяет поставщика еще до проведения закупки. При этом не только заказчики, но и поставщики признают, что выбор данной стратегии заказчиком часто продиктован стремлением обеспечить поставки качественного товара и гарантированное исполнение контракта.

На этом фоне, как было убедительно показано в аналитической записке ЦПУР «Система государственных закупок в России: конкуренция против качества?» на основе анализа конкретных ситуаций, возникающих в российской практике, добросовестные и недобросовестные действия участников закупок становятся почти неотличимы друг от друга. В результате контроль со стороны регулятора не помогает решению проблем, с которыми сталкиваются заказчики. В этом отношении весьма показателен эмоциональный комментарий одного из наших респондентов, который предложил ввести *«мораторий на внесение изменений в законы»*, так как он *«уже устал постоянно переучиваться»*.

Несмотря на все претензии к существующей системе регулирования закупок, большинство заказчиков и поставщиков воспринимают госзаказ как значимый, относительно устойчивый финансовый ресурс и заинтересованы в открытом доступе к данному рынку. Однако на сегодняшний день в сфере госзакупок ни у заказчиков, ни у поставщиков нет организаций, которые представляли бы их интересы в диалоге с регуляторами и были бы способны озвучивать и продвигать их предложения по изменению системы госзакупок. В свою очередь, нет и каких-либо действующих механизмов, способных на регулярной основе выявлять позиции и оценки непосредственных участников закупочного процесса. Между тем такой учет предпочтений участников рынка и формирование эффективных стимулов для исполнения контрактов до сих пор остаются важной проблемой развития системы госзакупок [Малкина, Виноградов, 2020].

Данные, полученные в ходе опроса ИАПР ВШЭ, свидетельствуют о несоответствии между критериями эффективности закупок, которыми в своей текущей деятельности руководствуются заказчики и поставщики, и теми целями, на которых в настоящее время сфокусирована система регулирования закупок. Результаты опроса дают основание полагать, что при всей важности борьбы с коррупцией и усиления конкуренции на торгах, регулирование закупок в первую очередь должно быть нацелено на обеспечение их конечной эффективности – в виде качественного и своевременного исполнения контрактов на поставки для государственных нужд. Как говорят наши респонденты, *«нужны простые правила ведения бизнеса, настроенные на эффективность», «обеспечение баланса интересов государственных структур и бизнеса, так как именно бизнес – это основа общества, а государственные структуры его обслуживают и защищают (в идеале)»*.

Таким образом, задача совершенствования законодательства о госзакупках по-прежнему актуальна, но необходим учет интересов непосредственных участников системы закупок, и изменения в регулировании не должны порождать для них дополнительные издержки. Разумным здесь было бы использование процедур оценки регулирующего воздействия (ОРВ), которые с 2010 г. применяются при изменении регулирования для частного бизнеса. Распространение оценки регулирующего воздействия на организации бюджетного сектора позволило бы повысить качество регулирования, обеспечив необходимый баланс между интересами контролирующих ведомств, поставщиков и заказчиков, в функции которых входит производство общественных благ и предоставление социальных услуг гражданам.

Литература

Авдашева С.Б., Яковлев А.А., Головцинский К.И. и др. Регламентированные закупки в России: как повысить стимулирующую роль расходов бюджетов и регулируемых компаний. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2020.

Балаева О.Н., Яковлев А.А., Родионова Ю.Д., Есаулов Д.М. Трансакционные издержки в сфере госзакупок РФ: оценка на макроуровне на основе микроданных // Журнал институциональных исследований. 2018. № 3. С. 58–84.

Валиева О. В. Институциональная ловушка в российском здравоохранении: к вопросу о госзакупках // ЭКО. 2020. № 3. С. 44–60. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-3-44-60.

Вольчик В. В., Нечаев А. Д. Транзакционный анализ сферы государственных закупок. Монография. Ростов н/Д: Изд-во «Содействие – XXI век, 2015.

Малкина М. Ю., Виноградова А. В. Как российские институты влияют на эффективность госзаказа // ЭКО. 2020. № 3. С. 8–29. DOI:10.30680/ECO0131-7652-2020-3-8-29

Мельников В. Становление системы правительственных закупок России на рыночных принципах // Terra economicus. 2016. Т. 14. № 4. С. 54–72.

Мельников В., Литвинцева Г. Как и почему растут издержки при госзакупках в РФ // ЭКО. 2020. № 3. С. 30–43. DOI:10.30680/ECO0131-7652-2020-3-30-43

Счетная палата. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг развития системы государственных и корпоративных закупок в Российской Федерации за 2019 год», 2020.

ЦПУР (Центр перспективных управленческих решений). Аналитическая записка “Система государственных закупок в России: конкуренция против качества?”, 2019.

Яковлев А. А., Ткаченко А. В., Балаева О. Н., Родионова Ю. Д. Российская система госзакупок: закон меняется, проблемы остаются // ЭКО. 2018. № 9. С. 17–38. DOI:10.30680/ECO0131-7652-2018-9-85-107

Dávid-Barrett E., Fazekas M. Anti-corruption in aid-funded procurement: Is corruption reduced or merely displaced?. World Development. 2020. Vol. 132. Article 105000.

Di Tella R., Scharfgrodsky E. The role of wages and auditing during a crackdown on corruption in the city of Buenos Aires // Journal of Law and Economics. 2003. Vol. 46. No. 1. Pp. 269–292.

Fazekas M., Kocsis G. Uncovering high-level corruption: cross-national objective corruption risk indicators using public procurement data // British Journal of Political Science. 2017. Vol. 50. No. 1. Pp. 1–10.

Flynn A. Re-thinking SME disadvantage in public procurement // Journal of Small Business and Enterprise Development. 2017. Vol. 24 Issue: 4. P. 991–1008.

Grega M., Orviska M., Nemes J., Lawson C. Factors determining the efficiency of Slovak public procurement // NISPAcee Journal of Public Administration and Policy. 2019. Vol. 12. No. 1. Pp. 43–68.

Kacandolli-Gjonbalaj D., Shiroka-Pula J., Berisha-Shaqiri A., Osmani M. The Efficiency of Public Procurement in the Republic of Kosovo: An Econometric Approach // Ekonomika (Economics). 2018. Vol. 97. No. 2. Pp. 70–90.

PwC. Public procurement in Europe: cost and effectiveness. PricewaterhouseCoopers. A study on procurement regulation prepared for the European Commission, 2011.

Статья поступила 12.08. 2020.

Статья принята к публикации 20.08.2020.

Для цитирования: Яковлев А. А., Балаева О. Н., Родионова Ю. Д., Ткаченко А. В. Проблемы и эффективность госзакупок глазами их участников// ЭКО. 2020. № 11. С. 83-103. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-11-83-103.

Summary

Yakovlev, A.A., Cand. Sci. (Econ.), Institute for Industrial and Market Studies, National Research University Higher School of Economics, Balaeva, O. N., Cand. Sci.(Econ.), School of Business Administration, National Research University Higher School of Economics, Rodionova, Yu.D., Institute for Industrial and Market Studies, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Tkachenko, A.V., Cand. Sci. (Phys.-Math.), Institute for Industrial and Market Studies, National Research University Higher School of Economics, Moscow

Problems and Efficiency of Public Procurement through the Eyes of their Participants

Abstract. This paper examines key problems and assesses effectiveness of the Russian public procurement system. The results of mass survey of customers and suppliers in 2020 testify to conservation of problems accumulated in the public procurement system. In order to ensure the final outcome of the procurement, honest participants have to move into the 'gray zone' violating formal rules. The consequence of this is a higher number of violations identified during FAS inspections with subsequent imposition of fines but this does little to improve the situation. In general, the survey results suggest that, despite the importance of fighting corruption and increasing competition, procurement regulation should primarily be aimed at ensuring their ultimate efficiency – in the form of high-quality and timely execution of contracts, taking into account the interests and requests of main participants of the public procurement process.

Keywords: *public procurement; efficiency of public procurement; public procurement regulation; supplier; customer*

References

Accounts Chamber of the Russian Federation (ACRF). 2020. Report on the results of the expert-analytical activities "Monitoring the development of public and corporate procurement in the Russian Federation for 2019". Moscow: ACRF. (In Russ.).

Avdasheva, S. B., Yakovlev, A. A., Golovshchinskiy, K. I. et al. (2020). Regulated procurement in Russia: how to increase the stimulating role of spending by budgets and regulated companies. Moscow, National Research University Higher School of Economics. (In Russ.).

Balaeva, O. N., Yakovlev, A. A., Rodionova, Yu. D., Esaulov, D. M. (2018). Transaction Costs in the Public Procurement in Russia: Macrolevel Assessment Based on Microdata. *Journal of Institutional Studies*. Vol. 10. No. 3. Pp. 58–84. (In Russ.).

Center for Advanced Governance (CAG). (2019). Policy Brief "Public Procurement System in Russia: Competition versus Quality?". (In Russ.).

Dávid-Barrett, E., Fazekas, M. (2020). M. Anti-corruption in aid-funded procurement: Is corruption reduced or merely displaced? *World Development*. Vol. 132. Article 105000.

Di Tella, R., Schargrodsky, E. (2003). The role of wages and auditing during a crackdown on corruption in the city of Buenos Aires. *Journal of Law and Economics*. Vol. 46. No. 1. Pp. 269–292.

Fazekas, M., Kocsis, G. (2017). Uncovering high-level corruption: cross-national objective corruption risk indicators using public procurement data. *British Journal of Political Science*. Vol. 50. No. 1. Pp. 1–10.

Flynn, A. (2017). Re-thinking SME disadvantage in public procurement. *Journal of Small Business and Enterprise Development*. Vol. 24. No. 4. Pp. 991–1008.

Grega, M., Orviska, M., Nemeč, J., Lawson, C. (2019). Factors determining the efficiency of Slovak public procurement. *NISPAcee Journal of Public Administration and Policy*. Vol. 12. No. 1. Pp. 43–68.

Kacandolli-Gjonbalaj, D., Shiroka-Pula, J., Berisha-Shaqiri, A., Osmani, M. (2018). The Efficiency of Public Procurement in the Republic of Kosovo: An Econometric Approach. *Ekonomika (Economics)*. Vol. 97. No. 2. Pp. 70–90.

Malkina, M. Yu., Vinogradova, A. V. (2020). Influence of the Institutional Environment on the Effectiveness of the Procurement System in Modern Russia. *ECO*. No. 3. Pp. 8–29. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-76522020-3-8-29.

Melnikov, V. (2016). The Formation of Russian Public Procurement System on Market Principles. *Terra economicus*. Vol. 14. No. 4. Pp. 54–72. (In Russ.).

Melnikov, V. V., Litvinceva, G. P. (2020). How and Why Public Procurement Costs Go Up. *ECO*. No. 3. Pp. 30–43. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-3-30-43.

PwC (2011). Public procurement in Europe: cost and effectiveness. PricewaterhouseCoopers. A study on procurement regulation prepared for the European Commission.

Valieva, O. V. (2020). Institutional Traps in Russian Healthcare System. *ECO*. No. 3. Pp. 44–60. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-20203-44-60.

Volchik, V. V., Nechaev, A. D. (2015). Transaction analysis the scope of public procurement. Rostov-on-Don: Publ. house «Assistance-XXI century». (In Russ.).

Yakovlev, A. A., Tkachenko, A. V., Balaeva, O. N., Rodionova, Yu. D. (2018). Russian System of Public Procurement: the Law is Changing, the Issues remain. *ECO*. No. 9. Pp. 17–38. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO01317652-2018-9-17-38.

For citation: Yakovlev, A. A., Balaeva, O. N., Rodionova, Yu. D., Tkachenko, A. V. (2020). Problems and Efficiency of Public Procurement through the Eyes of their Participants. *ECO*. No. 11. Pp. 83-103. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-11-83-103.

Импортозамещение в мясной промышленности: экспансия за доллар¹

Е.А.КАПОГУЗОВ, доктор экономических наук. E-mail: egenk@mail.ru
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск
ORCID: 0000-0001-8083-5654

Р.И.ЧУПИН, кандидат социологических наук. E-mail: roman-chupin@ya.ru
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирск
ORCID: 0000-0002-8904-1380

М.С.ХАРЛАМОВА, ведущий инженер. E-mail: hms2020@mail.ru
Омский научный центр СО РАН, Омск
ORCID: 0000-0003-4144-5893

Аннотация. Агробизнес неожиданно столкнулся с новой проверкой на прочность. Сокращение спроса за счет приостановки работы организаций общественного питания и торговли и снижения доходов населения из-за противоэпидемиологических мер показали проблемы и преимущества ускоренного импортозамещения. В предыдущие пять лет продовольственное эмбарго и политика импортозамещения расчистили дорогу отечественным производителям на высококонкурентном рынке продовольственных товаров, обеспечили рост спроса и ускоренное увеличение предложения российской продукции на внутреннем рынке. Однако падение спроса на фоне возросшего предложения, достигаемого за счет государственных вливаний и отсутствия зарубежной конкуренции, теперь оказывает давление на оптовые цены и вынуждает производителей искать новые рынки сбыта. Анализ итогов импортозамещения, на данном этапе уже исчерпывающего свой потенциал, показал неэффективность политики экспансии на внешние рынки при существующих условиях. Сокращение государственной поддержки агропромышленного комплекса, ставшей национальным приоритетом экономической политики, производители отмечают среди главных рисков дальнейшего развития.

Ключевые слова: мясная промышленность; продовольственное эмбарго; санкции; пандемия коронавируса; продовольственная независимость; продовольственная безопасность; пандемия; экспансия на внешние рынки

Введение

Аграрный сектор встречает все новые вызовы. В 2020 г. к антироссийским санкциям и ответным мерам России, на фоне общего замедления темпов роста аграрной промышленности

¹ Статья выполнена по государственному заданию ИЭОПП СО РАН, проект XI.174.1.1. (номер госрегистрации АААА-А17-117022250133-9).

прибавилось новое испытание – пандемия коронавируса и вызванное ею снижение деловой активности и доходов населения. Какова же роль проводимой политики импортозамещения в обеспечении продовольственной безопасности страны в новых условиях?

Перед тем, как оценить складывающиеся тренды, предлагается подвести итоги предыдущего пятилетия ускоренного развития АПК в условиях контрсанкций, по поводу которых так и не сложилось единого мнения. Дискуссии относительно выигрышей и потерь российской аграрной промышленности не теряют своей актуальности, всё больше отдаляясь от формирования единой точки зрения. Отечественные авторы не могут сойтись во мнении даже по поводу того, является ли отмена экономических санкций позитивным или негативным сценарием для России.

Предлагается упорядочить обзор итогов «пятилетки» продовольственного эмбарго и их ключевые противоречия по основным блокам [Фрумкин, 2015]: производственному, организационному и потребительскому (табл. 1).

Таблица 1. Некоторые ключевые противоречия в оценке последствий контрсанкций по блокам: производство, потребление, организация

Блоки	Плюсы и минусы	Ключевые последствия
Организационно-структурные	+	Возможность контроля производства «от поля до прилавка» и аллокация ресурсов
	-	Рост концентрации и вытеснение малого и среднего бизнеса, реструктуризация производственных и логистических цепочек
Торгово-производственные	+	Рост выпуска и диверсификация бизнеса, дополнительные инвестиции и льготы, свободные рыночные ниши, за счет сокращения конкуренции с зарубежными производителями
	-	Высокая зависимость от господдержки, рост расходов на сырье и оборудование импортозависимых предприятий
Социально-потребительские	+	Позитивные тенденции по целевым агрегированным показателям самообеспеченности и доступности
	-	Снижение ассортимента, рост цен и расходов на продукты

Поляризация мнений нарастает одновременно в нескольких направлениях по каждому блоку схемы. Во-первых, что касается влияния на рядового потребителя, с одной стороны, отмечаются положительные тенденции по агрегированным показателям: самообеспеченности, согласно данным государственной статистики, и экономической доступности, которая характеризуется устойчивостью, согласно исследованиям

Высшей школы экономики; с другой стороны, имеют место снижение ассортимента и качества продуктов, а также рост расходов на продукты питания.

Во-вторых, между производителями-бенефициарами, которые получили свободные от конкуренции с зарубежными субститутами рынки и/или государственную поддержку, и «оставшимися за бортом» – теми, кто не получил поддержки и столкнулся с ростом затрат на импортные составляющие своей продукции. Преимущества при этом получили производители не только определенных продуктов, но и имеющие определенную форму организации и влияние (главным образом это – крупные вертикально интегрированные холдинги [Барсукова, 2016]), тогда как в проигрыше остался малый и средний бизнес.

В-третьих, на уровне проводимой политики в целом, между протекционистами (в крайней степени – утопистами, отстаивающими необходимость полной самообеспеченности и экспансии) и «алармистами»², отмечающими естественность специализации, предупреждающими о невозможности сохранения конкурентного уровня качества и воспроизводства всех новейших технологий и разработок в одной стране.

Некоторые ключевые итоги влияния эмбарго на среду АПК

В августе 2019 г. миновало пять лет с даты введения российского продовольственного эмбарго. Несмотря на то, что опыт развития сельского хозяйства в условиях действующих рестрикций в российских научных публикациях характеризуют преимущественно как позитивный для отечественного производства, а политика «умных санкций» (*smart sanctions*) [Cortright & Lopez, 2002] оценивается как оказавшая стимулирующий эффект, «пятилетка» для аграрной промышленности показала весьма противоречивые результаты.

Говоря об эффективности введенных ограничений по их прямому назначению как инструмента давления, принуждения к выполнению определенных условий, стоит отметить, что

² В социологии «алармистами» называют целое направление, описывающие «общество риска» в условиях глобализации. Мы отмечаем, что растущие риски в эпоху глобализации как раз передают настроения экспертов, акцентирующих внимание на последствиях «разрыва» связей с глобальной экономикой.

вплоть до 2018 г. рост отечественного сельскохозяйственного сектора составлял около 3–5% в год. Однако в 2018 г. впервые после введения санкций индекс производства продукции сельского хозяйства сократился по всем категориям хозяйств на 0,6%, по сельскохозяйственным организациям – на 0,3% (в сопоставимых ценах; в процентах к предыдущему году)³. Отметим, что изолированный от российских потребителей Евросоюз в тот год достиг рекордного показателя экспорта аграрного сектора в 137 млрд евро⁴.

Как известно, бремя санкций ложится преимущественно на население страны, к которой они применяются, при этом оставляя издержки антиправительственных действий непомерно высокими [Oskarsson, 2012]. В этом контексте российский потребитель должен был пострадать дважды: в результате введенных международных санкций и ответных контрсанкций.

Казалось бы, в отношении потребителей отмечаются достаточно устойчивые показатели экономической доступности продуктов продовольствия [Бородин, 2018]. Однако здесь стоит подробнее остановиться на сводном показателе доступности, с учетом последних научных разработок и модификаций. Так, в частности, К. Г. Бородин отмечает несоответствие используемого в отечественной литературе и Доктрине продовольственной безопасности понятия экономической доступности его определению за рубежом и предлагает его расчет по методике, близкой к международной, так как полностью аналогичные оценки на основе российской статистики невозможны.

Кроме того, в представленной работе за минимальное значение показателя экономической доступности принята единица, которая означает, что «потребитель имеет возможность приобрести только один официально утвержденный минимальный набор продуктов питания» (здесь рассматривается отношение доли среднедушевого дохода, расходуемого на продукты питания, к стоимости фиксированного набора продовольствия в потребительской корзине). Даже в этих условиях в 12

³ Росстат: Россия в цифрах 2019. URL: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2019/rusfig/rus19.pdf (дата обращения: 02.09.2019).

⁴ 5 лет «санкционке». Как запрет на европейские продукты сказался на России. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/5ac37b779a79471cdd2efe4d> (дата обращения: 15.08.2019).

из 14 рассмотренных субъектов Федерации этот минимум не достигается хотя бы в одном из 12 месяцев в году.

Представляется, что данный показатель не является свидетельством стабильной ситуации в отношении экономической доступности и требует доработки, так как получается, что в определенные периоды средний потребитель тратит на продукты питания меньше, чем необходимо для покупки хотя бы одного фиксированного набора продуктов. В связи с этим предлагается вернуться к динамике показателей, на которые целесообразно обратить особое внимание при расчете агрегированного показателя доступности.

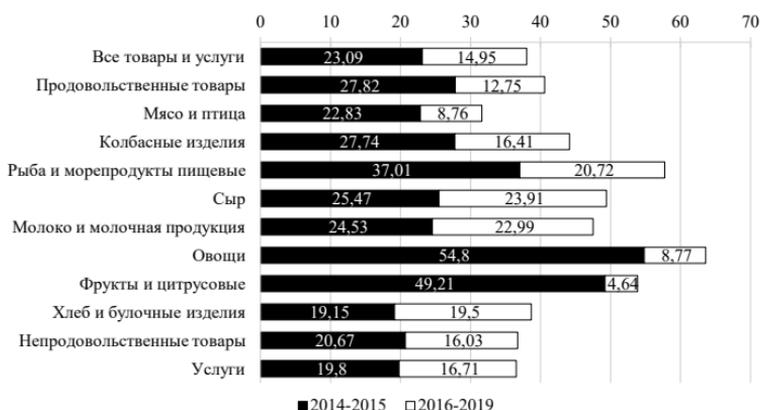
В составе потребительских расходов домашних хозяйств расходы на продукты питания и безалкогольные напитки составляют около 30%, начиная с 2009 г. (30,5%) эта доля ежегодно сокращалась до 2013 г. включительно (27,6%), в 2014 г. возросла до 28,5%, в 2015 г. – до 32,1%, и так и не вернулась на докризисный уровень⁵. В год введения продовольственного эмбарго произошли резкий рост величины прожиточного минимума [Нуреев, Петраков, 2015] и падение соотношения среднедушевых денежных доходов населения к величине прожиточного минимума (с 3,55 в 2013 г. до 3,17 в 2018 г., за 1–2-й квартал 2019 г. также отмечается сокращение показателя по отношению к 1–2-му кварталу 2018 г.⁶), что привело к росту доли расходов на продукты питания. Цены на основные продукты питания показали резкий рост в первые два года с введения эмбарго (рис. 1), отмечается рост цен на овощи и фрукты в 1,5 раза, почти на 40% – на рыбу и морепродукты. Из приведенных категорий минимальный прирост цен приходится на категорию мяса и птицы, где, как будет отмечено далее, замещение импорта удалось в наибольшей степени.

При этом динамика потребления основных продуктов питания преимущественно негативная: потребление хлебных продуктов (хлеба и макаронных изделий в пересчете на муку, муки, крупы и бобовых) сократилось на 3 кг на душу населения в год; потребление фруктов и ягод росло до введения

⁵ Уровень жизни. Росстат. URL: http://www.perepis2006.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/# (дата обращения: 20.05.2020)

⁶ Росстат: величина прожиточного минимума. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_41kv.doc (дата обращения: 02.09.2019).

эмбарго, затем сокращалось в 2015–2017 гг.; потребление мяса и мясопродуктов сохраняется на уровне 2013 г.; потребление молока и молочной продукции сократилось на 17 кг; картофеля – на 8 кг; рыбы и рыбопродуктов – на 7 кг (даже в живом весе, что подвергается отдельной критике^{7,8}, и с учетом пересчета Росстата (указано в примечании к рис. 2), повысившего эту величину приблизительно на 2–4 кг).

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31074>

Рис. 1. Прирост цен на некоторые категории продовольственных товаров, непродовольственных товаров и услуг в 2014–2019 гг., %

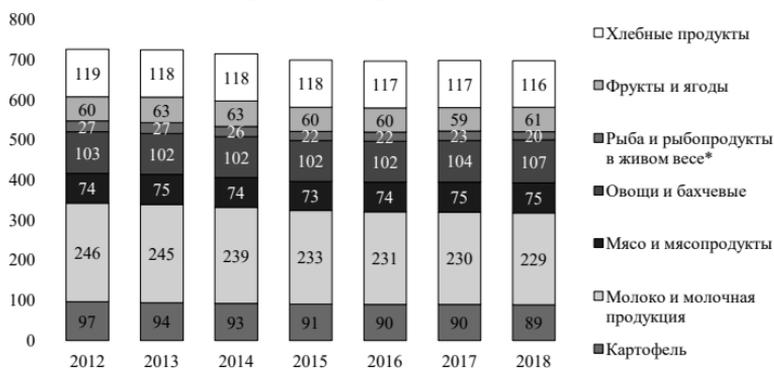
На взгляд авторов, поляризация взглядов по вопросу влияния санкций на рядового потребителя обусловлена преимущественно различиями в методологии, а именно использования агрегированных показателей с опорой на недостаточно разработанные определения экономической доступности продовольствия и нормативные целевые показатели, не развивающиеся с позиций потребителя и обеспечения определенного качества продукции.

Отметим, что за период с 2014 г. по 2018 г. уровень самообеспечения по основным продуктам питания возрос

⁷ Росстат кормит россиян чешуей и хвостами. URL: https://yandex.ru/turbo/s/ng.ru/economics/2019-08-28/1_7661_fish.html (дата обращения: 25.05.2020).

⁸ Рыба идет мимо. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3487180> (дата обращения: 25.05.2020).

в среднем на 2–5% по всем позициям, кроме картофеля (минус 6%) и мяса и мясопродуктов (рост более 10%)⁹.

Источник: на основе данных Росстата. URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/potr-rf.xls>

Примечание. *Данные по рыбе и рыбопродуктам пересчитаны с учетом изменения методологии расчета статей баланса рыбы и рыбопродуктов в живом весе (весе сырца) «Переработка на непищевые цели» и «Потери», одобренной на заседании Научно-методологического совета Росстата

Рис. 2. Потребление основных продуктов питания по Российской Федерации в 2012–2018 гг. на душу населения в год, кг

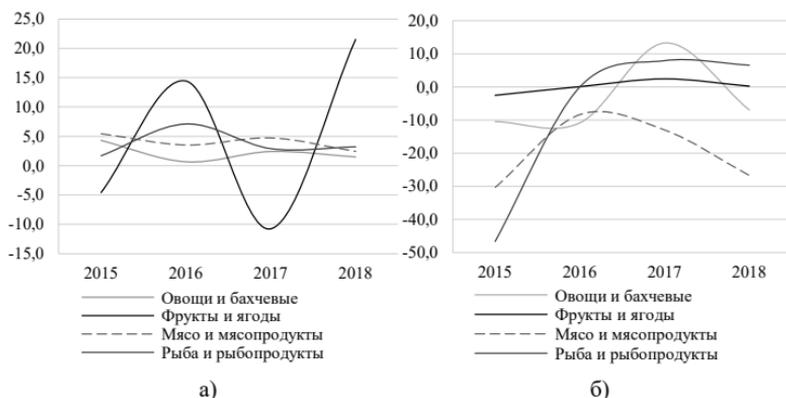
В результате введения продовольственного эмбарго преимущество в виде свободного от зарубежной конкуренции рынка получили российские производители мяса, овощей и фруктов. Производство фруктов и овощей и мяса и мясопродуктов возросло в 2018 г. по отношению к 2014 г. на 18% и 17% соответственно. При этом импорт фруктов остался на прежнем уровне, в то время как импорт мяса и мясопродуктов сократился на 60% (рис. 3). В связи с этим Минсельхоз отмечает, что наибольший вклад в успехи импортозамещения внесла мясная отрасль¹⁰.

Эксперты подметили, что в рамках государственной политики связываются воедино понятия «импортозамещение»

⁹ Потребление основных продуктов питания населением Российской Федерации. Росстат. URL: <https://www.gks.ru/compendium/document/13278> (дата обращения: 20.05.2020).

¹⁰ Продуктовая политика: какими результатами «отмечают» три года эмбарго. URL: <https://www.rbc.ru/business/04/08/2017/598305b79a7947fdd8de81e3> (дата обращения: 20.02.2018).

и «антисанкции» [Барсукова, 2016. С. 68]. Главными выгодополучателями такой связки стали крупные агрохолдинги, государственная поддержка которых легитимизируется под лозунгами наращивания экспорта продовольственных товаров. В этом смысле крупнейшие мясные агрохолдинги (в том числе «Мираторг», «Черкизово» и «Русагро») стали «фаворитами» государственной поддержки [Барсукова, 2017. С. 40], так как интегрированность их бизнеса и технологическое оснащение в совокупности с колоссальными для отрасли финансовыми ресурсами позволяют реализовывать необходимые для целей продовольственной безопасности проекты.

Источник: на основе данных Росстата. URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/potr-rf.xls>, https://www.gks.ru/storage/mediabank/bal_8.xls

Рис. 3. Прирост производства (а) и импорта (б) основных категорий продуктов питания в 2015–2018 гг., %

Это приводит к тому, что «мясные короли» постепенно становятся драйверами развития всего АПК путем усиления диверсификации бизнеса по принципу «от поля до прилавка», получая государственную поддержку проектов в области растениеводства, логистики и дистрибуции, биотехнологий.

Однако данные тенденции не позволяют сделать однозначного утверждения в пользу устойчивости российского АПК и, в частности, мясной отрасли перед лицом новых вызовов. В случае снятия продовольственного эмбарго или нарастания оборотов кризиса 2020 г. существующая модель развития АПК, в центре которой находятся крупные агрохолдинги,

не гарантирует обеспечения продовольственной безопасности России.

Итоги импортозамещения на рынке мяса и мясopодуKтоB

В условиях резкого сокращения импорта и увеличения уровня самообеспеченности¹¹ достигается целевой уровень в 85% отечественной сельскохозяйственной продукции и продовольствия в общем объеме товарных ресурсов внутреннего рынка, заданный Доктриной продовольственной безопасности как в версии 2010 г.¹², так и в ее новой редакции 2020¹³ (рис. 4).

Отметим, что уровень самообеспеченности, как и множество других целевых показателей Доктрины, в большей степени является ориентиром для производителей (точнее, основанием для получения господдержки, что объясняет стремление, например, производителей фруктов и овощей к включению параметров самообеспеченности по данным продуктам). При этом потребители, по мнению некоторых экспертов, в новой редакции Доктрины снова остались без должного внимания¹⁴ [Тютюник, 2016], что, в сущности, противоречит международным стандартам и закреплению в научном дискурсе определению продовольственной безопасности, которая во главу угла ставит именно потребителя, физическую и экономическую доступность

¹¹ Самообеспеченность определяется как отношение производства к сумме производственного потребления, личного потребления и потерь [Пожидаева, 2016], динамика показателя за более ранний период (до 2015 года), а также расчеты в разрезе регионов представлены в источнике [Шаклина и др., 2018].

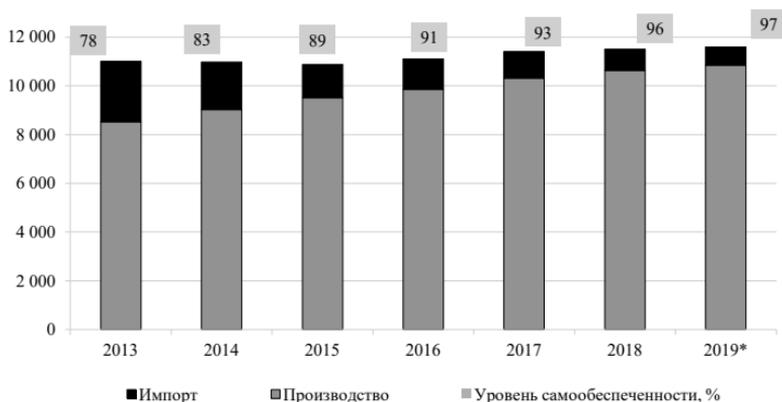
¹² Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации: Утв. Указом Президента РФ от 30.01.2010 г. № 120. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=14932646860988107056303676&cacheid=C9EBF4408097A864657A142A30D272FF&mode=splus&base=LAW&n=96953&rnd=1B65ABF7FC4A4B1A47DFC5ED5BB3A926#1j33a9tl3i7> (дата обращения: 29.03.2020)

¹³ Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации: Утв. Указом Президента РФ от 21.01.2020 г. № 20. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=343386&fld=134&dst=100016,0&rnd=0.9903781005064305#08850866624066387> (дата обращения: 29.03.2020)

¹⁴ Безопасность обеспечат по-новому. Может ли способствовать развитию АПК новая доктрина продовольственной безопасности. URL: <https://www.agroinvestor.ru/markets/article/33321-bezopasnost-obespechat-po-novomu-mozhet-li-sposobstvovat-razvitiyu-apk-novaya-doktrina-prodovolstven/> (дата обращения: 29.03.2020).

для него качественного продовольствия¹⁵. В этом смысле в отечественной Доктрине речь должна идти не о безопасности, а о продовольственной независимости.

Внутри агрокомплекса по большинству целевых показателей лидером является мясная отрасль.

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата. URL: <https://www.gks.ru/folder/11188?print=1>

Примечание.* За 2019 год предварительные данные.

Рис. 4. Уровень самообеспеченности по данным баланса ресурсов и использования мяса и мясopодуlков (в убойной массе) в 2013-2019 гг., тыс. т

В отношении отечественных производителей мяса и мясopодуlков рестрикции оказали стимулирующий эффект для замещения освободившейся рыночной ниши, наблюдаются существенный прирост объемов производства и снижение импортозависимости. Однако, несмотря на возрастающие объемы производства мяса и мясopодуlков в натуральном выражении, их темпы прироста существенно замедляются начиная с 2014 г., когда этот показатель составил 5,9%, в 2016 г. – уже 3,5%, а в 2018 г. – 2,4%, притом что даже во время кризиса 2007–2009 гг. производство увеличивалось более чем на 7% ежегодно. Отметим, что в продолжение всего периода темп прироста

¹⁵ Декларация Всемирного саммита по продовольственной безопасности / Всемирный саммит по продовольственной безопасности (Рим, 16–18 ноября 2009 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summit2009_declaration.shtml (дата обращения: 20.03 2020).

импорта возрастал до 2008 г., сократился в 2009 г. на 10% под влиянием кризиса и оставался на стабильном уровне до 2014 г., в котором последовало его резкое сокращение на 21,3%. Итого в 2018 г. по отношению к 2013 г. импорт сократился на 68% (табл. 2).

Таблица 2. **Ресурсы и использование мяса и мясопродуктов (в убойной массе) в 2012–2019 гг., тыс. т**

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019*
Ресурсы								
Запасы начало года	790,5	838,0	870,0	807,3	812,0	804,3	862,0	912,0
Производство	8077,7	8525,7	9026,1	9518,6	9853,9	10319,5	10629,7	10840,1
Импорт	2710,4	2480,0	1952,1	1359,6	1246,4	1084,6	879,7	748,0
Итого ресурсы	11 578,6	11 843,7	11 848,2	11 685,5	11 912,3	12 208,4	12 371,4	12 500,1
Использование								
	56,8	51,1	56,2	46,9	49,6	32,7	29,1	24,9
Потери	22,9	18,6	18,1	17,8	17,0	15,6	18,3	14,1
Экспорт	127,7	117,2	135,3	143,3	236,2	307,4	354,4	414,9
Личное потребление	10533,2	10793,0	10831,3	10665,5	10805,2	10990,7	11057,6	11165,3
Запасы конец года	838,0	863,8	807,3	812,0	804,3	862,0	912,0	880,9
Итого использование	11 578,6	11 843,7	11 848,2	11 685,5	11 912,3	12 208,4	12 371,4	12 500,1

Источник: составлено по данным Росстата. URL: <https://www.gks.ru/folder/11188?print=1>

Примечание. * За 2019 г. предварительные данные.

Все большая доля производства мяса концентрируется в сельскохозяйственных организациях. Если в 2000 г. она составляла 40,2%, то в 2014 г. – 72,8%, а к 2018 г. – увеличилась до 78,9% (от общего объема производства скота и птицы в убойном весе). В 2018 г. 25 крупнейших организаций выпускают половину от общероссийского производства мяса или 60% от выпуска сельхозорганизаций¹⁶. Согласно индексу концентрации, 40% от общероссийского производства в 2016 г. приходилось на 20 крупнейших фирм, в 2017 г. – на 17, а в 2018 г.

¹⁶ Лидеры добавили мяса. «Агроинвестор» составил четвертый ежегодный рейтинг крупнейших производителей. URL: <https://www.agroinvestor.ru/rating/article/31857-lidery-dobavili-myasa/> (дата обращения: 20.07.2019).

эту долю производили уже 15 компаний (табл. 2), тогда как половина совокупного выпуска 25 крупнейших компаний отрасли приходится всего на пять игроков. За последние три года доля лидеров рынка возросла на 5% от общего производства, в то же время список топ-25 остается почти неизменным (в 2016 г. он отличался всего на 1 позицию). Росли и прибыли лидеров: в 2018 г. основатели крупнейших игроков «Черкизово» и «Мираторг» впервые пополнили список богатейших семей России¹⁷.

При этом рынок проходит точку насыщения, дальнейшее укрупнение ключевые игроки реализуют преимущественно через сделки M&A. И хотя приведенные в таблице 2 индексы пока далеки от пороговых значений, свидетельствующих о сильной концентрации, тенденция их изменения нам кажется весьма показательной.

Таблица 3. Показатели концентрации по крупнейшим производителям мяса в убойном весе в 2016–2019 гг.

Показатели концентрации	2016	2017	2018	2019*
Число компаний, выпускающих 40% от всего производства в РФ	20	17	15	12
Индекс Херфиндаля-Хиршмана по крупнейшим 25 компаниям	127,89	139,69	144,14	248,22
Индекс Херфиндаля-Хиршмана по крупнейшим 20 компаниям	125,47	137,38	141,62	245,89

Источник: рассчитано авторами по данным «Агроинвестор». URL: www.agroinvestor.ru/rating/article/31857-lidery-dobavili-myasa/

Примечание. *За 2019 г. представлена оценка показателей с учетом сохранения структуры рынка и завершения покупки «Приосколье» Группой «Черкизово».

Однако, на наш взгляд, такая ситуация порождает специфические риски для дальнейшего развития отрасли. Так, имеются исследования, показывающие, что экономические санкции существенно усилили неопределенность и подорвали доверие инвесторов отечественного мясного рынка, что, в частности, отразилось в снижении прямых инвестиций [Нуреев, Бусыгин, 2016]. Российские производители в условиях активной государственной поддержки сельского хозяйства, которая превысила к 2019 г. 300 млрд руб.,¹⁸ теряют стимулы

¹⁷ Владельцы «Мираторга» и «Черкизово» вошли в рейтинг богатейших семей страны. URL: <https://www.agroinvestor.ru/rating/news/32318-reyting-bogateyshikh-semey-strany/> (дата обращения: 03.09.2019).

¹⁸ 5 лет «санкционке». Как запрет на европейские продукты сказался на России. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/5ac37b779a79471cdd2efe4d> (дата обращения: 15.08.2019).

вложения собственных средств в свое развитие. Сокращение государственной поддержки отмечается среди ключевых рисков дальнейшего роста отрасли.

Кроме того, как отмечается в исследовании С. Ю. Барсуковой: «Риторика форсированного импортозамещения стала удобной логикой оправдания безоговорочного приоритета аграрной политики в пользу крупных и сверхкрупных игроков рынка» [Барсукова, 2016. С. 70], тогда как фермеры были «вытеснены на периферию аграрной политики, несмотря на то, что они дают 10% валовой продукции сельского хозяйства» [Барсукова, 2017. С.40]. Мясная отрасль не стала исключением из правил. Под влиянием закона о Техническом регулировании ограничены возможности фермеров и личных подсобных хозяйств на подсобный забой скота, установлены непреодолимые барьеры входа в розничные каналы сбыта, а также введена система сертификации «Меркурий», последствия которой для малых товаропроизводителей еще предстоит оценить.

При этом, как показал комплексный анализ, проведенный на основе динамики индекса калорийности, проводимая политика ответного эмбарго оказалась контрпродуктивной для рядового потребителя мяса и мясосодержащей продукции [Капогузов и др., 2017].

Таким образом, импортозамещение действительно способствовало росту производства продукции мясной промышленности, но при этом подотрасль оказалась перед лицом новых вызовов, включая негативные последствия пандемии. На данном этапе их трудно оценивать как из-за узкого перечня оперативных данных, так и высокой неопределенности относительно будущего развития событий, однако некоторые тренды и проблемы выращенного в «неестественной среде»¹⁹ агросектора уже проявили себя.

Перед лицом новых вызовов

Насыщенность внутреннего рынка по свинине и курице, приближающаяся к стопроцентной, оказывает давление на цены: снижение цены свинины в убойном весе, начавшееся во второй

¹⁹ Неестественная среда. Как продовольственное эмбарго повлияло на развитие отечественного АПК. URL: <https://www.agroinvestor.ru/markets/article/32365-neestestvennaya-sreda/> (дата обращения: 20.12.2019).

половине 2019 г., составило в среднем минус 20% (до 132 руб./кг), продолжается и на настоящий момент – на 23 февраля 2020 г. цена составила уже 129 руб./кг, достигнув многолетнего минимума. Аналогичный тренд и в отношении цены на мясо кур в убойном весе: за прошлый год цена сократилась на 13% и продолжила снижение в начале 2020 г., достигнув за февраль 102 руб./кг (табл. 4).

Таблица 4. Средние цены производителей на мясо в 2019–2020 гг., руб./кг (без НДС)

Продукция	2019			2020		
	01.02	17.02	23.02	01.02	17.02	23.02
Свинина (убойный вес)	148,72	145,73	145,99	133,16	130,73	129,44
Свинина (живой вес)	99,23	96,86	97,6	82,71	81,28	80,22
Мясо кур (убойный вес)	115,32	113,76	112,02	102,42	101,96	102,02
Мясо кур (живой вес)	82,18	84,14	85,62	81,41	82,81	83,92

Источник: по данным Минсельхоза. URL: <http://www.specagro.ru/analytics/markets?page=0>

Дополнительным шоком для рынка стала пандемия. Происходящие закрытия точек общественного питания и сопутствующее сокращение расходов граждан по данной категории (–42,6% только за одну неделю самоизоляции²⁰), признание COVID-19 в качестве непреодолимой силы, оказывающей существенное влияние на повышение сроков грузоперевозок и ужесточение требований к санитарному контролю, а также рекомендации соблюдения режима самоизоляции заметно сказались на объемах внутреннего рынка.

Государство пытается помочь отрасли. Год начался с дополнительных мер поддержки отечественных производителей в рамках соглашений с ВТО – введения 25%-й пошлины на импорт свинины в Россию (которая принесет дополнительные выгоды крупным агрохолдингам, являющимся крупнейшими импортерами бразильской и иной дешевой свинины на территорию РФ). Дополнительные ограничения для импорта также ввел Россельхознадзор, усилив контроль за въезжающим из Китая транспортом с продуктами животноводства и запретив

²⁰ В период карантина вырос спрос на алкоголь. URL: <https://www.finam.ru/analysis/newsitem/v-period-karantina-vyros-spros-na-alkogol-20200401-124647/> (дата обращения: 01.04.2019).

ввоз продукции животноводства в посылках, ручной клади и багаже в качестве мер защиты от коронавируса и африканской чумы свиней (АЧС). Но в первую очередь ослабить давление избыточного предложения на внутреннем рынке призвано наращивание экспорта (табл. 5).

Таблица 5. Экспорт мяса из России (без учета поставок в страны ЕАЭС в феврале 2019 г. и 2020 г.)

Продукция	Объем, тыс. т	Стоимость, млн долл.	Цена, долл./т	Объем, тыс. т	Стоимость, млн долл.	Цена, долл./т
	01.02.2019–28.02.2019			01.02.2020–29.02.2020		
Свинина	5,5	5,7	1046,8	8,4	12,6	1507,5
Мясо птицы	8,8	9,6	1089,5	15,8	25,3	1598,1

Источник: данные Минсельхоза.

Почти двукратное (плюс 78,7%, по данным ФТС) увеличение экспорта свежего и мороженого мяса за январь 2020 г. в сравнении с показателем за аналогичный период 2019 г. оказалось неожиданным даже для самих производителей, так как в обычной ситуации из-за праздников в этом месяце показатели самые низкие²¹. За февраль экспорт свинины составил 12,6 млн долл., тогда как годом ранее в этом месяце вывезли продукции на 5,7 млн долл. Экспорт мяса птицы показал еще более существенный прирост (в 1,6 раза) и составил 25,3 млн долл. Ключевым импортером по птице является Китай (экспорт в эту страну в феврале 2020 г. достиг 16,5 млн долл.). Китайский рынок насыщен свининой собственного производства, что объясняет относительно низкую цену свинины по отношению к птице, однако, после вспышки АЧС российским производителям удалось войти на китайский рынок и по свинине.

Тем не менее на китайский рынок килограмм свинины продавался ориентировочно за 1 и 1,5 долл. США в феврале 2019 г. и 2020 г. соответственно, то есть около 100 руб. по курсу ЦБ РФ (табл. 5). Минсельхоз не приводит детализации

²¹ Экспорт мяса вырос на 79%. URL: <https://www.agroinvestor.ru/markets/news/33371-eksport-myasa-vyros-na-79/> (дата обращения: 01.04.2019).

по продуктам, однако, по данным ФТС и кодам ТН ВЭД²², можно приблизительно увидеть, что столь низкая экспортная цена частично обусловлена тем, что около половины экспорта приходится на субпродукты.

Кроме того, можно увидеть, что даже по ТН ВЭД 0203 «свинина свежая, охлажденная или замороженная»²³, по множеству направлений статистическая стоимость на килограмм существенно ниже рыночной и тем более внутрirosсийской, что, конечно, снижает эффект от экспансии на внешние рынки, внушает сомнения в его устойчивости.

В целом можно предположить, что в освоении китайского рынка свинины и птицы российские производители видят основной рецепт спасения от вызовов последних лет. Они определенно вышли на уровень, который является основой для политики экспансии на внешние рынки, однако именно политики, так как в качестве первоочередного риска агропроизводители отмечают сокращение государственной поддержки, и, как показывает сегодняшняя ситуация, поддержки не только прямой, но и институциональной, преимущественно протекционистско-ограничительной.

Заключение

Итак, за последнюю «пятилетку» удалось увеличить общероссийское производство свинины на 24%, чему в первую очередь способствовала государственная поддержка в рамках политики импортозамещения. Сельскохозяйственные организации произвели 3,1 млн т свинины в 2018 г., на 8% больше предыдущего года (из 3,7 млн т общероссийского производства в убойном весе). Около 40% этой продукции производят шесть крупнейших лидеров отрасли, тогда как показатели крестьянских (фермерских) и личных подсобных хозяйств неуклонно снижаются (минус 11% к предыдущему году).

²² Экспорт Российской Федерации в натуральном и стоимостном выражении по товарным позициям ТН ВЭД ЕАЭС и странам. ФТС. URL: <http://customs.gov.ru/opendata/7730176610-p5statexp4zn/> (дата обращения: 02.06.20).

²³ По субпродуктам не представляется возможным провести подобные сопоставления, так как субпродукты значительно отличаются по цене и не представлена детализация по животным.

В изменившихся условиях роста цен на сырье и импортные технологии, снижения платежеспособного спроса и борьбы за освобожденные рыночные ниши, было бы невозможно достичь существующих результатов без государственной поддержки. Нулевая ставка по налогу на прибыль, компенсация расходов по кредитам в рамках условий субсидирования, а также кредитам, предоставляемым по сниженной ставке аккредитованными банками для сельхозпроизводителей, сыграли ключевую роль в темпах развития агропромышленности в период действия контрсанкций. Однако процессы ускоренного импортозамещения исчерпывают свой потенциал, и компании среди главных рисков развитию своего бизнеса отмечают сокращение объема государственной поддержки.

Предстоящая отмена ограничений на импорт сельхозпродукции (отмена санкций и контрсанкций) уже в ближайшем будущем может создать серьезные проблемы российскому агробизнесу. Заявляемым преимуществом агрохолдингов является контроль качества «от поля до прилавка», в этих условиях, покупая мясную продукцию, потребитель все меньше рискует купить «килограмм за два», а их поддержка является условием обеспечения продовольственной независимости. Однако Доктрина продовольственной безопасности, делая акцент на продовольственной независимости, на наш взгляд, недостаточно внимания уделяет потребителю. Российские потребители сталкиваются с издержками институциональных ограничений, вводимых в рамках продолжающейся протекционистской политики, тогда как предложение в большей степени подчинено геополитическим, а не экономическим факторам.

Сокращение спроса, вызванное пандемией, значительно усугубило проблему насыщенности рынка, и основным приоритетом развития отрасли в этих условиях представляется экспансия на внешние рынки. За февраль 2020 г. экспорт мяса возрос на 79% по отношению к аналогичному периоду предыдущего года. Однако нужно учитывать, что вхождению на крупнейший китайский рынок способствовала вспышка АЧС, последствия которой, как отмечает Минсельхоз КНР, планируется полностью устранить уже в 2021 г. Кроме того, по мнению авторов, детальный анализ продуктовой структуры экспорта

и его стоимости показывает «преувеличенность» результатов экспансии на внешние рынки.

Таким образом, на взгляд авторов, протекционистская политика имела некоторые ожидаемые результаты за счет создания особых условий для отечественных производителей: рост спроса на российскую продукцию за счет продовольственного эмбарго и ускоренное увеличение предложения за счет целевых мер господдержки. Однако новые вызовы обусловили возникновение обратной ситуации, где проводимая политика неэффективна: существенное сокращение спроса на фоне насыщенного рынка, созданного путем ограничения конкуренции из-за рубежа и государственных «вливаний», теперь оказывают давление на цены, в связи с чем производители мясной промышленности усиленно ищут новые точки сбыта, удержаться на которых без активной поддерживающей политики государства им будет непросто.

Литература

Барсукова С. Ю. Аграрная политика России // *Общественные науки и современность*. 2017. № 5. С. 31–45.

Барсукова С. Ю. Дилемма «фермеры-агрохолдинги» в контексте импортозамещения // *Общественные науки и современность*. 2016. Т. 5. С. 63–74.

Бородин К. Г. Экономическая доступность продовольствия: факторы и методы оценки // *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 2018. Т. 22. № 4. С. 563–582. doi:10.17323/1813–8691–2018–22–4–563–582.

Капогузов Е. А., Чупин Р. И., Харламова М. С. Институциональные альтернативы продовольственного эмбарго в условиях новой волны антироссийских санкций (на материалах мясной промышленности) // *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*. 2017. Т. 8. № 3. С. 23–35.

Нуреев Р. М., Бусыгин Е. Г. Экономические санкции запада и российские антисанкции: успех или провал? // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*. 2016. Т. 8. № 4. С. 58–79.

Нуреев Р. М., Петраков П. К. Рядовой потребитель: бремя экономических санкций против России // *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*. 2015. Т. 6. № 3. С. 40–60.

Пожидаева Е. С. Импортозамещение продовольственной продукции в России: статистическое исследование // *Вопросы статистики*. 2016. № 10. С. 57–63.

Тютюник В. В. Продовольственная независимость региона // *Пространственная экономика*. 2016. № 2. С. 168–182.

Фрумкин Б. Е. Агропромышленный комплекс России в условиях «войны санкций» // *Вопросы экономики*. 2015. № 12. С. 147–153.

Шаклеина М.В., Швецова К.Д., Шаклеин К.И. Оценка влияния санкций на рынок мяса и мясной продукции в России: анализ состояния и перспектив развития рынка // Проблемы развития территории. 2018. № 1(93). С. 57–70.

Cortright D., Lopez G.A. Smart Sanctions: Targeting Economic Statecraft. N.Y.: Rowman & Littlefield.2002.

Oskarsson K. Economic Sanctions on Authoritarian States: Lessons Learned // Middle East Policy Council.2012. Vol. 20(4). Pp. 88–102.

Статья поступила 27.04.2020.

Статья принята к публикации 07.06.2020.

Для цитирования: Капогузов Е.А., Чупин Р.И., Харламова М.С. Импортное замещение в мясной промышленности: экспансия за доллар// ЭКО. 2020. № 11. С. 104-123. DOI: 10.30680/ЕКО0131-7652-2020-11-104-123.

Summary

Kapoguzov, E.A., *Doct. Sci. (Econ.), Dostoevsky Omsk State University, Omsk*
Chupin, R.I., *Cand. Sci. (Sociology), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk*

Kharlamova, M.S., *Omsk Scientific Centre, SB RAS, Omsk*

Import Substitution in the Meat Industry: Expansion for One Dollar

Abstract. The agro-industrial complex faced another unexpected strength test. Reduced demand, especially due to suspended operation of catering and shopping centers, reduced incomes and new institutional barriers caused by the pandemic and protectionist policies, demonstrated problems and advantages of accelerated development.

The food embargo and the current policy of import substitution “cleared the way” for domestic producers in the saturated competitive food market and ensured augmented demand and supply of Russian products respectively. However, protectionist policies produced some expected results precisely in the created “greenhouse conditions”. In the current situation of the coronavirus pandemic, a significant reduction in demand against the background of increased supply, which was achieved due to state support and absence of foreign competition, is now putting pressure on prices. For this reason, meat producers are intensively looking for new markets. Analysis of import substitution results, which at this stage is already exhausting its potential, showed the inefficiency of expansion policy under existing conditions. Reduction in state support for the agro-industrial complex that has become a political priority manufacturers point out as the main risk of further development.

Keywords: *meat industry; food embargo; sanctions; coronavirus pandemic; food independence; food security; pandemic; expansion into foreign markets*

References

Barsukova, S. Yu. (2016). The dilemma of the “Farmers vs Agricultural Holdings” in the context of import substitution. *Social Sciences and Contemporary World*. Vol. 5. Pp. 63–74. (In Russ.)

Barsukova, S. Yu. (2017). Agrarian policy of Russia. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 5. Pp. 31–45. (In Russ.)

Borodin, K.G. (2018). Economic affordability Food: factors and assessment methods. *Economic Journal of the HSE*. Vol. 22. No. 4. Pp. 563–582. (In Russ.)

Cortright, D., Lopez, G.A. (2002). *Smart Sanctions: Targeting Economic Statecraft*. N.Y.: Rowman & Littlefield.

Frumkin, B.E. (2015). The agro-industrial complex of Russia in the conditions of the “war of sanctions”. *Issues of Economics*. No. 12. Pp. 147–153. (In Russ.)

Kapoguzov, E.A., Chupin, R.I., Kharlamova, M.S. (2017). Institutional alternatives to the food embargo in the face of a new wave of anti-Russian sanctions (based on the materials of the meat industry). *Journal of Economic Regulation*. Vol. 8. No. 3. Pp. 23–35. (In Russ.)

Nureev, R.M., Busygin, E.G. (2016). Western economic sanctions and Russian anti-sanctions: success or failure? *Journal of institutional studies*. Vol. 8. No. 4. Pp. 58–79. (In Russ.)

Nureev, R.M., Petrakov, P.K. (2015). Ordinary consumer: the burden of economic sanctions against Russia. *Journal of Economic Regulation*. Vol. 6. No. 3. Pp. 40–60. (In Russ.)

Oskarsson, K. (2012). Economic Sanctions on Authoritarian States: Lessons Learned. *Middle East Policy Council*. Vol. 20(4). Pp. 88–102.

Pozhidaeva, E.S. (2016). Import substitution of food products in Russia: a statistical study. *Statistics*. No. 10. Pp. 57–63. (In Russ.)

Shakleina, M.V., Shvetsova, K.D., Shaklein, K.I. (2018). Assessment of the impact of sanctions on the meat and meat products market in Russia: analysis of the state and prospects of market development. *Problems of Territory Development*. Vol. 93. No. 1. Pp. 57–70. (In Russ.)

Tyutyunik, V.V. (2016). Food independence of the region. *Spatial Economics*. No. 2. Pp. 168–182. (In Russ.)

For citation: Kapoguzov, E.A., Chupin, R.I., Kharlamova, M.S. (2020). Import Substitution in the Meat Industry: Expansion for One Dollar. *ECO*. No. 11. Pp. 104–123. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-11-104-123.

Особенности новой Доктрины продовольственной безопасности 2020

Э.М. ЛУБКОВА, кандидат экономических наук. E-mail: lem.fk@kuzstu.ru
ORCID 0000-0002-3255-779X

А.Э. ШИЛОВА, кандидат экономических наук. E-mail: shilovaae@kuzstu.ru
ORCID 0000-0002-1887-2275

Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, Кемерово

Аннотация. Новая Доктрина продовольственной безопасности России меняет подход к обеспечению безопасности. В статье приведен сравнительный анализ основных положений предыдущего и актуального вариантов документа, подведены итоги реализации Доктрины 2010 г., в числе которых – увеличение объемов производства и потребления основных продовольственных ресурсов и продуктов питания и снижение доли их импорта в товарных ресурсах розничной торговли, выполнение целевых показателей по производству большинства видов отечественного продовольствия. Однако изменение внешней экономической ситуации, появление новых ограничений обусловили необходимость уточнения количественных индикаторов продовольственной безопасности и совершенствования организационно-экономического механизма ее обеспечения. По мнению авторов, основными изменениями действующей Доктрины стали фокусирование внимания на проблемах качества продовольствия, определение конкретных национальных интересов в сфере продовольственной безопасности, признание необходимости технологического и кадрового развития сельского хозяйства, увеличение внимания развитию товарных рынков, уточнение индикаторов доступности продовольствия, расширение перечня сельскохозяйственной продукции и продовольствия, по которым устанавливаются пороговые значения самообеспечения, смещение вектора развития продовольственной сферы с импортозамещения к достижению положительного торгового баланса и расширение функционала Правительства РФ и органов государственной власти субъектов РФ в обеспечении продовольственной безопасности.

Ключевые слова: продовольственная безопасность; агропродовольственная сфера; продовольственное обеспечение; конкурентоспособность АПК

Введение

В целях обеспечения продовольственной безопасности страны Указом Президента РФ от 21 января 2020 года № 20 утверждена Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации (далее – Доктрина 2020), которая актуализирует цели, задачи и приоритеты государственной социально-экономической

политики в данной области. Ранее действовала Доктрина продовольственной безопасности, принятая в 2010 году (далее – Доктрина 2010).

Необходимость принятия новой Доктрины обусловлена прежде всего изменением за последние годы социально-экономической ситуации в стране и вне ее, трансформацией национальных интересов в сфере продовольственной безопасности на долгосрочный период.

В данной статье систематизированы итоги реализации Доктрины 2010, выявлены основные изменения в подходе к продовольственной безопасности Доктрины 2020, что представляется актуальным при прогнозировании ее влияния на перспективы развития сельского и рыбного хозяйства, пищевой промышленности и торговли.

Основным методом работы послужил сравнительный анализ содержания двух редакций Доктрины, кроме того, авторы опирались на результаты исследований российских ученых, занимающихся вопросами продовольственной безопасности. Для оценки целесообразности изменения приоритетов обеспечения продовольственной безопасности РФ исследованы статистические показатели о производстве и потреблении основных видов сельскохозяйственной продукции и продуктов питания.

Результаты исследования

В 2010 г. в Российской Федерации впервые была принята Доктрина продовольственной безопасности¹. Её главные цели – поддержание экономической безопасности страны, определение приоритетов в сфере производства и распределения продовольствия. В документе обозначены риски и угрозы обеспечения продовольственной безопасности, впервые сгруппированы ее показатели по сферам потребления, производства и национальной конкурентоспособности, обозначены механизмы и ресурсы обеспечения безопасности. Сам факт принятия Доктрины в 2010 г. позволил акцентировать внимание на проблемах производства продовольствия и обеспечения его доступности для населения. По оценке

¹ Указ Президента РФ от 30.01.2010 № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» [Эл. ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96953/ (дата обращения: 11.02.2020).

Н.В. Панкова, в случае последовательной реализации Доктрины, ее результатами должны были стать стабилизация внутренних цен на продовольствие, рост качества продуктов питания и благосостояния сельского населения [Панков, 2012].

Позитивными моментами принятия Доктрины стали понимание рисков и угроз продовольственной безопасности, определение векторов развития АПК и распределение функционала по обеспечению продовольственной безопасности между Правительством РФ, органами исполнительной власти субъектов РФ и Советом Безопасности. Однако отдельные положения Доктрины были подвергнуты критике российскими экономистами-аграрниками.

Т. В. Ускова, Р. Ю. Селименков, А. Н. Анищенко и А. Н. Чекавинский обнаружили различия в подходах к обеспечению продовольственной безопасности в Доктрине и «Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года» [Продовольственная безопасность региона, 2014].

Р.Р. Гумеров в качестве концептуального недостатка Доктрины 2010 указал сведение понятия продовольственной безопасности до понятия самообеспеченности основными продуктами питания [Гумеров, 2018]. Э.Н. Крылатых, В.З. Мазлоев также пришли к выводу, что целевые показатели Доктрины по обеспечению потребления за счет собственного производства не могут быть исчерпывающими [Национальная..., 2016]. Согласно исследованию Н.И. Шагайды, В.Я. Узуна, в Доктрине 2010 на первый план выходят вопросы производственной безопасности, а не физической и экономической доступности продовольствия [Продовольственная безопасность в России..., 2015].

По мнению С.Ю. Барсуковой, в основе Доктрины лежит оборонительная стратегия, в то время как экспортные перспективы развития аграрного бизнеса не учитываются. Она же отметила нецелесообразность акцентирования внимания на количественных показателях импортозамещения вместо обсуждения продовольственного баланса страны [Барсукова, 2012].

Г.Е. Яковлев и Э.Г. Кузнецова обратили внимание, что принятие Доктрины 2010 не устранило проблемы значительного количества импортного продовольствия на региональных рынках вследствие отсутствия четкого механизма государственного

регулирования внутренних и внешнеэкономических связей [Яковлев, Кузнецова, 2011].

Несмотря на то, что в Доктрине была обозначена необходимость «гармонизации с международными требованиями показателей безопасности пищевых продуктов на основе фундаментальных исследований в области науки питания», не было предложено конкретных решений в этом направлении, поэтому данное положение осталось просто декларацией [Чигвинцев, 2014].

В исследовании с участием авторов установлено некоторое расхождение в понимании продовольственной безопасности в РФ с трактовкой Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (далее – ФАО). В Доктрине 2010 основополагающей категорией является продовольственная независимость (акцент на производителях, для которых формировался протекционистский подход), тогда как ФАО в качестве основы продовольственной безопасности рассматривает доступность продовольствия (акцент на интересах потребителей). Отмечено, что сформированный в России протекционизм, стремление к усилению самообеспеченности продовольствием может приводить к неблагоприятным последствиям для потребителей, которые могут быть ограничены в доступе к более дешевому и / или качественному продовольствию, поступающему из других стран [Шилова и др., 2017].

А. М. Грешонков и Л. М. Абрамова выделили ряд направлений совершенствования подхода к пониманию продовольственной безопасности в отличие от положений Доктрины 2010. Во-первых, отмечена целесообразность разработки системы оценки продовольственной безопасности отдельных российских регионов с учетом уникальных условий и факторов их развития. Во-вторых, следует согласиться с авторами относительно необходимости учитывать удельный вес отдельных видов мяса и мясопродуктов (говядина, свинина, мясо птицы) при оценке объема товарных ресурсов внутреннего рынка, что объясняется различиями в энергетической ценности и свойствах разных видов мяса. В-третьих, рациональной видится оценка экономической доступности продовольствия с учетом дифференциации населения по уровню доходов. В-четвертых, заявлена необходимость смены ориентира обеспечения продовольственной безопасности

с протекционизма на нахождение оптимального соотношения внутреннего производства и импорта [Грешонков, Абрамова, 2014]. Однако еще одно предложение этих авторов – о разработке интегрального показателя продовольственной безопасности, нам представляется дискуссионным. Несмотря на очевидное удобство интегральных показателей, проблемной видится возможность «компенсации» низких значений одних показателей за счет высоких значений других (например, избыточное потребление хлеба и картофеля не компенсирует недостаток в рационе мяса, фруктов и овощей).

В некоторых исследованиях отмечаются также проблемные моменты реализации политики импортозамещения. Так, по мнению Т.Н. Беловой, российский протекционизм на продовольственном рынке привел не к активизации конкуренции, а к монополизации локальных рынков агрохолдингами и крупными корпорациями [Белова, 2019].

Анализ динамики отдельных показателей балансов продовольственных ресурсов (табл. 1) позволяет оценить результативность реализации Доктрины продовольственной безопасности.

Таблица 1. Производство, экспорт и импорт основных продовольственных ресурсов в 2000–2018 гг., млн т

Показатель	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018
<i>Зерно (без продуктов переработки)</i>							
Производство	65,4	77,8	61,0	104,7	120,7	135,5	113,3
Экспорт	1,3	12,2	13,9	30,7	33,9	43,3	54,8
Импорт	4,7	1,5	0,4	0,8	1,0	0,7	0,6
<i>Мясо и мясопродукты</i>							
Производство	4446	4972	7165	9519	9854	10320	10630
Экспорт	35	67	97	143	236	307	354
Импорт	2095	3094	2856	1360	1246	1085	880
<i>Молоко и молокопродукты</i>							
Производство	32259	30826	31507	29888	29787	30185	30611
Экспорт	507	493	460	606	645	608	576
Импорт	4718	7115	8159	7951	7579	6997	6493
<i>Яйца и яйцопродукты, млн шт.</i>							
Производство	34085	37091	40759	42510	43515	44829	44901
Экспорт	326	197	243,6	353,8	451,7	720,3	769,8
Импорт	1168	882	881,3	1241,2	1241,1	1206,4	155,9

Окончание табл. 1

Показатель	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018
<i>Картофель</i>							
Производство	29465	28117	18498	25406	22463	21708	22395
Экспорт	26,0	32,0	85,0	207,3	291,5	246,2	268,1
Импорт	566,0	525,0	1121,8	1029,6	972,6	1344	1257,3
<i>Овощи и продовольственные бахчевые культуры</i>							
Производство	11359	12098	12236	14968	15064	15427	15655
Экспорт	169	898	85	198	269	248	282
Импорт	2273	3508	3084,4	2643,6	2356,7	2669,9	2484,6
<i>Фрукты и ягоды</i>							
Производство	2969	2723	2408,5	3195,0	3656,0	3262,1	3964,3
Экспорт	47	99	56,3	140,0	169,4	210,9	234,8
Импорт	2640	4613	6780,0	6511,3	6517,8	6677,0	6693,4
<i>Рыба и рыбопродукты в живом весе (весе сырца)</i>							
Улов рыбы и добыча других видов водных ресурсов	н/д	н/д	н/д	4493	4812	4951	5110
Экспорт	н/д	н/д	н/д	2086	2234	2612	3132
Импорт	н/д	н/д	н/д	1055	1055	1139	1214

Источник: составлено авторами по данным официального сайта государственной статистики [Эл. ресурс]. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/economy/# (дата обращения: 14.02.2020).

Как мы видим, до принятия Доктрины 2010 объемы производства были нестабильны и по некоторым видам продовольственных ресурсов (зерно, картофель, фрукты и ягоды) отмечалось снижение объемов производства. В ходе реализации Доктрины наметилась тенденция к росту объемов большинства видов продовольственных ресурсов. Исключение составили молоко и молокопродукты, а также картофель. Положительным моментом стало снижение импорта и наращивание экспорта по таким ресурсам, как зерно, мясо и мясопродукты, яйца и яйцопродукты, рыба и рыбопродукты. Это позволяет говорить о появлении экспортных перспектив в российском сельском хозяйстве.

Динамика потребления основных продуктов питания на душу населения в целом свидетельствует об улучшении ситуации в продовольственном обеспечении РФ (табл. 2).

В 2000–2018 гг. показатели среднедушевого потребления основных продуктов питания увеличились. Наблюдался существенный рост потребления мяса и мясопродуктов, особенно

заметный после 2010 г., в конце периода показатель соответствует рациональной норме потребления². Аналогичная динамика характерна для яиц и яйцепродуктов, растительного масла. Рост среднедушевого потребления овощей и продовольственных бахчевых культур на 35,4% и фруктов и ягод на 90,6% в основном был связан с улучшением социально-экономических условий жизнедеятельности и благосостояния населения в 2000–2010 гг., а не с высокой эффективностью реализации Доктрины 2010, поскольку с 2010 г. показатели потребления увеличились лишь на 9,2% и 7,0% соответственно. Снижение потребления картофеля говорит об изменении структуры потребления продуктов питания и является положительной тенденцией, хотя этот показатель все еще превышает установленную рациональную норму в 90 кг. Несмотря на то, что объемы потребления молока увеличились, сохраняется несоответствие нормам: реальное среднедушевое потребление почти на 30% ниже рациональной нормы, утвержденной Минздравом.

Таблица 2. Потребление основных продуктов питания по Российской Федерации в 2000–2018 гг. на душу населения в год, кг

Показатель	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018
Хлебные продукты (хлеб и макаронные изделия в пересчете на муку, мука, крупа и бобовые)	117	121	120	118	117	117	116
Мясо и мясопродукты в пересчете на мясо	45	55	69	73	74	75	75
Молоко и молочные продукты в пересчете на молоко	215	234	245	233	231	230	229
Яйца и яйцепродукты, шт.	229	250	270	268	273	279	280
Картофель	109	109	95	91	90	90	89
Овощи и продовольственные бахчевые культуры	79	87	98	102	102	104	107
Фрукты и ягоды	32	46	57	60	60	59	61
Рыба и рыбопродукты в живом весе (весе сырца)				22,3	22,3	22,9	20,2
Сахар	35	38	39	39	39	39	39
Масло растительное	9,9	12,1	13,4	13,6	13,7	13,9	14,0

² Приказ Министерства здравоохранения РФ от 19 августа 2016 г. № 614 «Об утверждении Рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания» [Эл. ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71385784/> (дата обращения: 14.02.2020).

Источник: составлено авторами по данным ЕМИСС: государственная статистика [Эл. ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31346> (дата обращения: 14.02.2020).

Таким образом, Доктрина 2010 оказала в целом положительное влияние на состояние продовольственной безопасности страны. К позитивным результатам ее реализации можно отнести:

- рост объемов производства и потребления основных продовольственных ресурсов и продуктов питания;
- снижение доли импортных продовольственных товаров в товарных ресурсах розничной торговли продовольственными товарами с 35% в 2010 г. до 25% в 2018 г.³;
- выполнение показателей по производству отечественного зерна (99,4% при норме 95%), сахара (95,6% при норме 80%), масла растительного (81,5% при норме 80%), а также мяса и мясопродуктов (92,8% при норме 85%)⁴;
- наращивание экспортного потенциала сельского хозяйства.

Тем не менее при реализации Доктрины не были достигнуты показатели по производству молока и его среднелюдному потреблению. Доля импортируемого молока и молокопродуктов в 2018 г. составила более 17% (критерий продовольственной безопасности не менее 90% отечественного производства молока и молокопродуктов в общем объеме товарных ресурсов внутреннего рынка). Как отмечают И. Г. Ушачев, А. Г. Папцов и др., неоправданно высоким также остается импорт мяса крупного рогатого скота и фруктов [Развитие..., 2019].

Доктрина 2020: изменение приоритетов

После десятилетнего периода действия Доктрины 2010 возникла необходимость учета некоторых вызовов.

1. Существенное изменение внешней экономической ситуации за минувшие десять лет.

³ Доля импортных продовольственных товаров в товарных ресурсах розничной торговли продовольственными товарами [Эл. ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/37164> (дата обращения 16.02.2020).

⁴ Перцева Е. Соль доктрины: какие продукты не дотянули до порога продбезопасности / Е. Перцева // Известия. 2019. 19 апреля [Эл. ресурс]. URL: <https://iz.ru/868638/evgeniia-pertceva/sol-doktriny-kakie-produkty-ne-dotianuli-do-poroga-prodbezopasnosti> (дата обращения: 25.02.2020).

2. Появление ряда экономических ограничений, в первую очередь, вступление России в ВТО.

3. Необходимость уточнения количественных индикаторов продовольственной безопасности для оценки эффективности реализации Доктрины.

4. Необходимость совершенствования организационно-экономического механизма обеспечения продовольственной безопасности.

Ответом на появившиеся новые вызовы в сфере продовольственной безопасности стало принятие Доктрины 2020. Документ претерпел ряд изменений по сравнению с предшествующей редакцией.

Прежде всего стоит отметить изменение стратегической цели Доктрины (рисунок). Акцент делается на качестве и доступности продовольствия, что находит отражение в определении национальных интересов государства, формулировании рисков и направлений государственной политики в сфере обеспечения продовольственной безопасности.

В качестве одной из целей Доктрины 2020 указана необходимость обеспечения населения сельскохозяйственной продукцией, сырьем и продовольствием в объемах, соответствующих рациональным нормам потребления (в предыдущей редакции об этом прямо не говорилось, хотя само определение продовольственной безопасности содержало отсылку к рациональным нормам потребления).

В Доктрину 2020⁵ добавлены два новых раздела «Национальные интересы в сфере продовольственной безопасности» и «Стратегическая цель и основные задачи обеспечения продовольственной безопасности».

Сформулированные национальные интересы в сфере продовольственной безопасности в полной мере учитывают стремление разработчиков документа к повышению качества сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия.

Положительным моментом является учет необходимости повышения эффективности государственной поддержки и развития высокопроизводительного сектора АПК, обеспеченного

⁵ Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» [Эл. ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343386/ (дата обращения: 11.02.2020).

научными работниками и высококвалифицированными специалистами, на основе современных технологий, в том числе племенных технологий в животноводстве и селекции в растениеводстве. Реализация данных национальных интересов будет способствовать развитию конкурентоспособности сектора, ориентации его не только на импортозамещение, но и на развитие экспорта.

	ДОКТРИНА 2010	ДОКТРИНА 2020
СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ	Обеспечение населения страны безопасной сельскохозяйственной, а также рыбной и иной продукцией из водных биоресурсов (далее - рыбная продукция) и продовольствием	Обеспечение населения страны безопасной, качественной и доступной сельскохозяйственной продукцией, сырьем и продовольствием в объемах, обеспечивающих рациональные нормы потребления пищевой продукции
ВИДЫ РИСКОВ И УГРОЗ	Макроэкономические риски; - технологические; - агроэкологические; - внешнеторговые	Экономические риски; - технологические риски; - климатические и агроэкологические угрозы, - внешнеполитические риски; - ветеринарные и фитосанитарные угрозы; - санитарно-эпидемиологические угрозы;
ИНДИКАТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДОСТУПНОСТИ	Отсутствует	Отношение фактического потребления основной пищевой продукции на душу населения к рациональным нормам ее потребления, отвечающим требованиям здорового питания, и имеет пороговое значение 100%
ИНДИКАТОР ФИЗИЧЕСКОЙ ДОСТУПНОСТИ	Отсутствует	Процентное отношение фактической обеспеченности населения разными видами торговых объектов по продаже продовольственных товаров и объектами по реализации продукции общественного питания к установленным Правительством Российской Федерации нормативам.

Ключевые изменения парадигмы продовольственной безопасности

Источник: составлено авторами по данным Доктрины 2010 [Эл. ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96953/ (дата обращения: 11.02.2020), Доктрины 2020 [Эл. ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343386/ (дата обращения: 11.02.2020).

Доктрина стала более социально ориентированной. Задачи обеспечения продовольственной безопасности отражают стремление к повышению качества сельхозпродукции, сырья и продовольствия и улучшению качества жизни сельского населения (которое, кроме прочего, формирует кадровый потенциал многих отраслей АПК). В частности, с этой целью ставится задача совершенствования социальной, инженерной, транспортной и иной инфраструктуры в сельской местности.

В Доктрине 2020 нашел отражение и курс на развитие экспорта. Так, в качестве одной из задач заявлено достижение положительного сальдо торгового баланса сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия.

Важной новацией стала модификация рисков и угроз обеспечения продовольственной безопасности. Под влиянием изменения внешнеэкономической конъюнктуры внешнеторговые риски трансформировались во внешнеполитические. В настоящее время они заключаются не только в конкуренции с иностранными товаропроизводителями, но и в возможности реализации протекционистской политики в отношении сельского хозяйства зарубежными странами, что может негативно повлиять на развитие экспорта сельхозпродукции, сырья и продовольствия. В Доктрине 2020 выделены ветеринарные и фитосанитарные, а также санитарно-эпидемиологические угрозы, преодоление которых позволит повысить качество продукции. Снижение привлекательности сельского образа жизни стало причиной выделения дополнительной группы угроз – социальных.

В Доктрине 2010 понимание экономической и физической доступности продовольствия было достаточно декларативным, индикаторы их оценки отсутствовали [Прокопьев, 2018a,b]. В Доктрине 2020 этот недостаток исправлен. Для оценки экономической доступности продовольствия используют отношение фактического потребления к рациональным нормам потребления, однако расчет ведется на душу населения. Таким образом, как и ранее не проводится оценка экономической доступности продовольствия для различных доходных групп населения.

Еще одним нововведением Доктрины 2020 стало изменение показателей самообеспечения отдельными видами сельскохозяйственной продукции и продовольствия. Во-первых,

для сахара и зерна пороговые значения были увеличены с 80% до 90%, для рыбы и рыбопродуктов – с 80% до 85% (табл. 3). Во-вторых, в перечень видов сельхозпродукции и продовольствия, по которым устанавливаются пороговые значения самообеспечения, включены три новые товарные группы: овощи и бахчевые, фрукты и ягоды, семена основных сельскохозяйственных культур отечественной селекции.

Таблица 3. Пороговые значения удельного веса отечественной сельскохозяйственной, рыбной продукции и продовольствия в общем объеме товарных ресурсов (с учетом переходящих запасов) внутреннего рынка, %

Вид продукции, продовольствия	Доктрина 2010, не менее	Доктрина 2020, не менее
Зерно	95	95
Сахар	80	90
Растительное масло	80	90
Мясо и мясопродукты (в пересчете на мясо)	85	85
Молоко и молокопродукты (в пересчете на молоко)	90	90
Рыба и рыбопродукты (в живом весе – весе сырца)*	80	85
Картофель	95	95
Соль пищевая	85	85
Овощи и бахчевые	-	90
Фрукты и ягоды	-	60
Семена основных сельскохозяйственных культур отечественной селекции	-	75

Источник. Составлено авторами по данным Доктрины 2010 [Эл. ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96953/ (дата обращения: 11.02.2020), Доктрины 2020 [Эл. ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343386/ (дата обращения: 11.02.2020).

Примечание. *В Доктрине 2010 – рыбная продукция.

Включение овощей и бахчевых, фруктов и ягод в данный перечень, по мнению авторов, является вполне своевременным. Реальные показатели их среднедушевого потребления в России в целом и в большинстве ее регионов не соответствуют рациональным нормам. И если в 2010 г. стояла задача обеспечения населения основными видами продовольствия – молоком, мясом, картофелем, хлебом, в настоящее время, когда показатели среднедушевого потребления по большинству продуктов первой необходимости соответствуют рациональным нормам, встает вопрос качества рациона питания. К тому же в настоящее время постепенное увеличение уровня благосостояния населения

постепенно сводит на нет сезонность потребления овощей, фруктов и ягод [Кучумов и др., 2018].

В Доктрине 2020 расширен функционал Правительства РФ и органов государственной власти субъектов РФ в сфере обеспечения продовольственной безопасности. Правительство РФ теперь ежегодно обеспечивает разработку прогнозных балансов спроса и предложения сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия и участвует в разработке соответствующих балансов в рамках Евразийского экономического союза и Союзного государства⁶. Региональные органы власти с настоящего времени должны собирать и предоставлять информацию, связанную с продовольственной безопасностью, в государственные информационные ресурсы. Кроме того, в их сферу ответственности входит проведение мероприятий по развитию торговой инфраструктуры и обеспечение физической доступности продовольствия в населенных пунктах, удаленных от торговых объектов⁷.

Таким образом, в Доктрине 2020 нашли отражение текущие тенденции развития продовольственной сферы. Актуализация индикаторов продовольственной безопасности, смещение акцентов на обеспечение качества продовольствия и развитие новых технологий делают Доктрину современной и социально направленной.

Заключение

Как показал наш анализ, принятие новой Доктрины продовольственной безопасности в 2020 г. стало закономерным шагом. Документ учитывает изменения, происходящие в сфере продовольственного обеспечения Российской Федерации. Основными изменениями Доктрины 2020 стали:

- 1) привлечение внимания к проблемам качества продовольствия;
- 2) определение конкретных национальных интересов в сфере продовольственной безопасности и задач ее обеспечения;

⁶ Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» [Эл. ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343386/ (дата обращения: 11.02.2020).

⁷ Там же.

- 3) осознание необходимости технологического и кадрового развития сельского хозяйства;
- 4) проявление внимания к развитию товарных рынков;
- 5) уточнение индикаторов экономической и физической доступности продовольствия;
- 6) расширение перечня сельскохозяйственной продукции и продовольствия, по которым устанавливаются пороговые значения самообеспечения;
- 7) смещение вектора развития продовольственной сферы с импортозамещения к достижению положительного торгового баланса;
- 8) расширение функционала Правительства РФ и органов государственной власти субъектов РФ в обеспечении продовольственной безопасности.

Однако, к сожалению, не нашли отражения в Доктрине 2020 некоторые проблемные вопросы, которые стояли еще со времен Доктрины 2010. Во-первых, не предусматривается оценка физической и экономической доступности продовольствия для отдельных групп населения, а изменение средних показателей не позволяет в полной мере оценить реальную картину и риски. Во-вторых, так и не установлены критерии и индикаторы продовольственной безопасности для регионов. Это может привести к тому, что многие регионы в своих региональных стратегиях развития сельского хозяйства и продовольственных рынков будут устанавливать значения из Доктрины 2020 в качестве рекомендуемых, что станет препятствием для развития межрегионального обмена сельхозпродукцией и продовольствием.

Литература

Барсукова С. Ю. Доктрина продовольственной безопасности российской Федерации: оценка экспертов // TERRA ECONOMICUS. 2012. № 4. С. 37–46.

Белова Т. Н. Ситуация на рынке продовольствия: новые сигналы и старые проблемы // ЭКО. 2019. № 1 (535). С. 131–152. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-1-131-152

Грешонков А. М., Абрамова Л. М. Смена ориентиров доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации // Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т. 9. № 9. С. 32–36.

Гумеров Р. Р. Продовольственная безопасность Российской Федерации (теория и практика). СПб.: Издательство «Буквально», 2018. 420 с.

Кучумов А. В., Воробьёва Е. С., Трофименкова Е. В. Стратегия развития агропромышленного комплекса России в рамках доктрины продовольственной безопасности // Экономический журнал. 2018. № 2 (50). С. 40–51.

Национальная экономика: обеспечение продовольственной безопасности в условиях интеграции и глобализации: Монография / Под ред. Э.Н. Крылатых, В.З. Мазлоева. М.: ИНФРА-М, 2016. 238 с.

Панков Н. В. О реализации Доктрины продовольственной безопасности // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2012. № 5. С. 12–15.

Продовольственная безопасность региона: монография / Т.В. Ускова, Р.Ю. Селименков, А.Н. Анищенко, А.Н. Чекавинский. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. 102 с.

Продовольственная безопасность в России: мониторинг, тенденции и угрозы / Н.И. Шагайда, В.Я. Узун. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 110 с.

Прокопьев М. Г. Продовольственная безопасность: анализ проекта доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации (часть I) // Региональные проблемы преобразования экономики. 2018а. № 9 (95). С. 37–42. DOI: 10.26726/1812–7096–2018–9–37–42

Прокопьев М. Г. Продовольственная безопасность: анализ проекта доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации (часть II) // Региональные проблемы преобразования экономики. 2018б. № 10 (96). С. 7–12. DOI: 10.26726/1812–7096–2018–10–7–12

Развитие экспортного потенциала АПК России: ценовой аспект: науч. изд. / И.Г. Ушачев, А.Г. Панцов, А.Ф. Серков и др. М.: ФГБНУ: Росинформагротех, 2019. 312 с.

Чигвинцев В. В. Доктрина продовольственной безопасности России: становление, законодательное регулирование, проблемы практической реализации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 2. С. 85–88.

Шилова А. Э., Лубкова Э. М., Мазурова М. А. Нормативно-правовое регулирование категории «продовольственная безопасность» в Российской Федерации: от межнационального до национального уровня // Экономика и предпринимательство. 2017. № 4–1 (81–1). С. 174–179.

Яковлев Г. Е., Кузнецова Э. Г. Проблемы реализации Доктрины продовольственной безопасности // Вестник Чувашского университета. 2011. № 1. С. 493–498.

Статья поступила 26.03.2020.

Статья принята к публикации 19.05.2020.

Для цитирования: Лубкова Э. М., Шилова А. Э. Особенности новой доктрины продовольственной безопасности 2020 // ЭКО. 2020. № 11. С. 124–140. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2020–11–124–140.

Summary

Lubkova, E.M., Cand. Sci. (Econ.), Shilova, A.E., Cand. Sci. (Econ.), Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Kemerovo

A New Doctrine of Food Security of the Russian Federation: a Paradigm Change

Abstract. The adoption of the new Doctrine of Food Security is changing the approach to security. The paper summarizes implementation of the previous Doctrine, provides a comparative analysis of main provisions of the two doctrines. The authors believe that the positive results of implementation of the 2010 Doctrine were an increase in the production and consumption of basic food resources and a lower share of imported food products in retail commodity resources, the fulfillment of targets for production of most types of domestic food declared in the doctrine. At the same time, new challenges appeared over the ten-year period, including a significant change in the external economic situation, new economic restrictions, the need to clarify quantitative indicators of food security and improve the organizational and economic mechanism for ensuring food security. The authors believe that the main changes in the current doctrine focused on food quality issues, identifying specific national interests in food security, recognizing the need for technological and personnel development of agriculture, raising attention to development of commodity markets, clarifying indicators of food availability, expanding the list of agricultural products and self-sufficiency thresholds for food, displacement of development vector of the food sector from import substitution to positive trade balance and increasing functionality of the RF Government and the public authorities of the Russian Federation in ensuring food security.

Keywords: *food security; agri-food sector; food supply; agribusiness competitiveness*

References

- Barsukova, S. Yu. (2012). Russia's Food Security Doctrine: experts' opinion. *TERRA ECONOMICUS. TERRA ECONOMICUS*. No. 4. Pp. 37–46. (In Russ.).
- Belova, T.N. (2019). Situation in the Food Market: New Signals and Old Problems. *ECO*. No. 1 (535). Pp. 131–152. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-1-131-152
- Chigvincev, V.V. (2014). The Doctrine of Food Security in Russia: Formation, Legislative Control, Problems of Practical Realization. *Severo-Kavkazskij juridicheskij vestnik. North Caucasus legal vestnik*. No. 2. Pp. 85–88. (In Russ.).
- Greshonkov, A.M., Abramova, L.M. (2014). Change of reference points of the Food Security Doctrine of the Russian Federation. *Social'no-ekonomicheskie yavleniya i process. Social and economic phenomena and processes*. T. 9. No. 9. Pp. 32–36. (In Russ.).
- Gumerov, R.R. (2018). *Food Security of the Russian Federation (theory and practice)*. SPb. Publ. Bukval'no. 420 p. (In Russ.).
- Kuchumov, A.V. et al. (2018). Strategy of Development of Agroindustrial Complex of Russia in the Framework of Food Security Doctrine. *Ekonomicheskij zhurnal. Economic journal*. No. 2 (50). Pp. 40–51. (In Russ.).
- National economy: food security in the context of integration and globalization: monograph*. (2016). edited by E.N. Krylatyh, V.Z. Mazloeva. Moscow. Publ. INFRA-M. 238 p. (In Russ.).

Pankov, N.V. (2012). Realization of the Food Safety Doctrine. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya kooperativnogo sektora ekonomiki. Fundamental & applied researches of coop sector of economics*. No. 5. Pp. 12–15. (In Russ.).

Prokop'ev, M.G. (2018). Food security: the analysis of the draft Doctrine of Food Security of the Russian Federation (part I). *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. Regional problems of economic transformation*. No. 9 (95). Pp. 37–42. (In Russ.). DOI: 10.26726/1812–7096–2018–9–37–42

Prokop'ev, M.G. (2018). Food security: the analysis of the draft Doctrine of Food Security of the Russian Federation (part II). *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. Regional problems of economic transformation*. No. 10 (96). Pp. 7–12. (In Russ.). DOI: 10.26726/1812–7096–2018–10–7–12

Shagaida, N.I., Uzun, V. Ya. (2015). Food Security in Russia: Monitoring, Trends and Threats. Moscow. Publ. Delo. RANHiGS, 110 p. (In Russ.).

Shilova, A.E. et al. (2017). The normative and legal regulation of the category “food security” in the Russian Federation. *Ekonomika i predprinimatel'stvo. Journal of Economy and entrepreneurship*. No. 4–1 (81–1). Pp. 174–179. (In Russ.).

Ushachev, I.G. et al. (2019). *Development of the export potential of the Russian agro-industrial complex: price aspect*. Moscow. Publ. FGBNU. Rosinformagrotekh. 312 p. (In Russ.).

Uskova, T.V. et al. (2014). *Food Security in the Region: monograph*. Vologda. Publ. ISERT RAN. 102 p. (In Russ.).

Yakovlev, G.E., Kuznecova, E.G. (2011). The necessity of state regulation of process of realization of the Doctrine of Food Safety. *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Bulletin of the Chuvash University*. No. 1. Pp. 493–498. (In Russ.).

For citation: Lubkova, E. M., Shilova, A. E. (2020). A New Doctrine of Food Security of the Russian Federation: a Paradigm Change. *ECO*. No. 11. Pp. 124–140. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECC00131-7652-2020-11-124-140.

Надо ли сопоставлять экономику России и Германии?

А.Г. АГАНБЕГЯН, академик РАН.

E-mail: <https://www.ranepa.ru/prepodavateli/sotrudnik/?1085>

ORCID: 0000-0002-9689-7005

РАНХиГС при Президенте РФ, Москва

Аннотация. В Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. по развитию страны до 2024 г. поставлена задача превзойти ВВП Германии. В предшествующий период стагнации экономика Германии, естественно, развивалась быстрее российской. Но в кризис 2020 г., связанный с коронавирусной пандемией, она, возможно, снизится сильнее (последний официальный прогноз для Германии – сокращение на 5,4%, тогда как наше правительство ожидает сокращение на 3,8%). По расчетам Международного валютного фонда (МВФ), это позволит нам немного опередить Германию досрочно, уже в этом году. Между тем в новом Указе о перспективах на 2030 г. В. В. Путин снял эту задачу. Его помощник, бывший министр экономического развития М. С. Орешкин, уверен, что в 2021 г. и в последующие годы мы выйдем на экономический рост и закрепим это превышение нашего ВВП. В своей статье на эту тему он назвал это событие «историческим взлетом России». Тут есть о чем порассуждать.

Ключевые слова: Россия; Германия; экономический рост; ВВП; коронавирус; межстрановые сравнения

Сравнение объемов экономики России и Германии

Вообще говоря, наиболее детально подобные сравнения проводит Всемирный банк, а не МВФ. Иногда этим занимаются и службы Организации Объединенных Наций. Эти сравнительные расчеты проводятся по двум методам: с учетом паритета покупательной способности (ППС), когда напрямую сопоставляются цены по продуктам и услугам, которые формируют ВВП, и более обобщенно с учетом рыночного курса национальной валюты по отношению к доллару США, в единицах которого проводится сравнительный анализ.

В таблице 1 показаны результаты пяти разных расчетов размера ВВП по 12 ведущим странам мира.

Как видно, по главному расчету Всемирного банка, разница в ВВП России и Германии по ППС весьма значительна, и ни о каком достижении Россией немецкого показателя в ближайшие

годы и речи быть не может. Только по расчету МВФ по ППС объемы ВВП России и Германии максимально сближены, и если правительственные прогнозы подтвердятся, по итогам 2020 г. ВВП России станет на несколько десятых процента больше, чем в Германии.

Таблица 1. Международный рейтинг ведущих стран мира по валовому внутреннему продукту в 2018 г., 2019 г., млрд долл. США

Страна	По ППС. 2019		По рыночному курсу		
	Всемирный банк	МВФ	Всемирный банк. 2018	МВФ 2018	ООН 2015
Китай	23460	27307	12238	13368	11158
США	21374	21428	20453	20580	18037
Индия	9612	11043	2601	2719	2116
Япония	5459	5712	4872	4972	4383
Германия	4660	4444	3677	3951	3364
Россия	4282	4390	1659	1657	1326
Индонезия	3829	3736	1119	1029	1042
Бразилия	3220	3481	2056	1868	1773
Великобритания	3255	3162	2622	2829	2858
Франция	3315	3062	2583	2780	2419
Италия	2664	2455	1935	2076	1822
Республика Корея	2225	2320	1581	1720	1378
Канада	1930	1904	1653	1712	1553

Но надо учесть, что уже в следующем, 2021 г., ВВП ФРГ, по немецким оценкам, увеличится на 4,4%, в то время как прогнозный рост российского ВВП, заложенный в бюджетные планы на ближайшие три года, заметно меньше. Если эти прогнозы сбудутся, мы вряд ли сможем говорить об «историческом взлете», скорее – о мимолетном недоразумении.

Обратите внимание, что при сравнении ВВП по номиналу (рыночному курсу доллара) Россия занимает не 6-е место в мире вблизи Германии, а 10-е, по расчетам МВФ, и 12-е, по расчетам Всемирного банка и ООН, и до Германии нам ещё очень далеко.

При рыночном курсе доллара по структуре ВВП, превышающем 66 руб., по паритету покупательной способности курс доллара к рублю составляет всего 25 руб., что в 2,6 раза меньше. Слабый рубль, часто подверженный крупным девальвациям, стал таким из-за его зависимости от цен на нефть и газ, которые дают

основную экспортную выручку страны, от повышенной у нас инфляции и от систематической покупки Правительством и ЦБ крупных сумм валюты.

За последние четыре года Россия приобрела 240 млрд долл., что увеличило наши золотовалютные резервы до невиданных ранее размеров – 600 млрд долл. Из них более 350 млрд вот уже полтора десятка лет лежат без дела, ежегодно обесцениваясь в последнее время на 15–20 млрд долл. из-за снижения курса доллара по отношению к другим конвертируемым валютам.

Без всякой нужды, имея достаточно крупные резервы, Россия ежегодно приобретала по 60 млрд долл. (около 4,5 трлн руб.). Этой суммы было бы достаточно, чтобы удвоить годовой бюджет здравоохранения или образования, покончить с бедностью, ежегодно на 15% увеличивать инвестиции и вложения в человеческий капитал, что, безусловно, обеспечило бы нам переход к социально-экономическому росту, который ежегодно приносил бы нам не меньшую сумму дополнительных финансовых ресурсов. Но мы прошли мимо такой возможности, продолжая оставаться в стагнации, снижая реальные доходы населения, розничный товарооборот, объемы потребления в эти годы.

М.С. Орешкин преподнес опережение Россией ВВП Германии как небывалую сенсацию, историческое событие¹. Хотя он должен был бы знать, и я думаю, наверняка знает, что в 1975 г. экономика РСФСР почти вдвое превышала германскую, была выше японской. А Китая и Индии, которые по ВВП сейчас поднялись на 2-е и 3-е места в мировом рейтинге, и вблизи не было видно. В таблице 2 представлены места 10 крупнейших стран по объему ВВП в 1990, 1998, 2008 и 2019 гг.

Со 2-го места в 1980 г. после США и с 3-го в 1990 г. после США и Японии, в результате трансформационного кризиса Россия к 1998 г. переместилась на 10-е место. А потом в ходе восстановительного подъема, в значительной мере порожденного восьмикратным увеличением цен на нефть и огромным притоком конвертируемой валюты в страну, Россия сумела опередить по ВВП Бразилию, Италию, Францию и Великобританию, выйдя на 6-е место.

¹ Орешкин М.С.: «Россия может войти в пятерку крупнейших экономик в 2020 г.» //Коммерсантъ. 2020. 31 авг.

Таблица 2. Место 10 ведущих стран мира по ВВП (расчет ППС) в 1989–2019 гг.

Место	1989	1998	2008	2019
1-е	США	США	США	Китай
2-е	Япония	Китай	Китай	США
3-е	Россия	Япония	Япония	Индия
4-е	Германия	Германия	Индия	Япония
5-е	Китай	Индия	Германия	Германия
6-е	Франция	Франция	Россия	Россия
7-е	Италия	Италия	Великобритания	Индонезия
8-е	Великобритания	Великобритания	Франция	Бразилия
9-е	Индия	Бразилия	Италия	Великобритания
10-е	Бразилия	Россия	Бразилия	Франция

Источник: данные Всемирного банка.

К настоящему времени мы так и остаемся на 6-м месте. При этом из первой десятки стран выбыла Италия, которую заменила быстро растущая Индонезия с ее огромным населением – 268 млн человек. Она поднялась за эти годы на 7-е место и, фигурально выражаясь, дышит нам в спину. Если нам не удастся в обозримой перспективе вырваться из стагнации, к концу 2020-х гг. Индонезия сможет, вероятно, заменить Россию на 6-м месте. И тогда вслед за нами встанет относительно быстро развивающаяся Бразилия с населением в 210 млн человек.

По размеру ВВП в середине 1970-х гг. Россия достигла максимума по отношению к другим странам, уступая только США. Ее доля в мировой экономике составляла тогда около 8%, в то время как сегодня она снизилась до 3%. Причина – начавшееся отставание темпов роста России и СССР в целом в период брежневского застоя и в последние три года перестройки, а главное – отсутствие экономического роста в первые 30 лет существования новой России. В 2019 г. ВВП России был всего на 10% выше его размера в 1990 г., а экономика ЕС во главе с Германией увеличилась за эти 30 лет в два раза, США – в 2,5 раза, а развивающихся стран во главе с Китаем и Индией – более чем в 3,5 раза. При таком сильном отставании говорить об «историческом взлете» просто неприлично.

Конечно, со временем наша экономика по объему ВВП обгонит германскую, ибо у нее население составляет 83 млн человек, а у нас – почти 147 млн. То есть у нас, если оценить грубо, вдвое больше работающих.

Но важно четко осознать, что наша жизнь в наибольшей мере зависит не от объема внутреннего валового продукта и не от того, больше он немецкого или меньше, а прежде всего – от уровня экономического развития. И от того, как используется этот уровень для повышения благосостояния людей и продвижения общества к высотам цивилизации. Давайте поговорим об этой самой важной проблеме.

Россия и Германия в международных рейтингах по социально-экономическим показателям

По уровню экономического развития (ВВП на душу населения по ППС) Россия в свои лучшие (1960–1970-е) годы занимала 30-е место. Сегодня мы – на 40-й строчке рейтинга, в который входят 170 стран мира (кроме мизерных государств – отдельных городов или небольших островов). Впереди нас, помимо 25 развитых стран, Южная Корея и Тайвань, ряд постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы, а также нефтедобывающие государства Ближнего Востока. По уровню экономического развития Россия примыкает к нижней группе развитых стран, отставая, например, от Греции и Португалии на 10–25%². Германия по уровню экономического развития (56 тыс. долл. ВВП на душу) из крупных стран мира уступает только США (65 тыс. долл.). Из развитых стран в первую тридцатку по этому показателю входят также Канада, Франция, Великобритания, Италия, Япония. Япония занимает 30-е место.

Гораздо хуже мы выглядим в международных рейтингах по социальным показателям, уровню жизни и народонаселению. Здесь самое высокое (33-е) место Россия занимает в рейтинге стран мира по индексу уровня образования ООН³. Наш индекс составляет 0,832 – это выше, чем у Испании, Франции, Италии, Люксембурга, на уровне Сингапура, Греции и Лихтенштейна. В конце 1950-х – 1960-е гг., когда СССР запустил первый спутник, первый россиянин вышел в космос, мы впервые доставили на Землю грунт с Луны, Россия по этому индексу находилась

² URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2000/April> (рейтинг МВФ); URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD> (рейтинг Всемирного банка) (дата обращения: 21.10.2020).

³ URL: <https://evroportal.ru/immigratsiya/uroven-obrazovaniya-v-mire-reytingi-stran/> (дата обращения: 21.10.2020).

на 3-м месте в мире. И хотя в течение вот уже полувека мы пятимся назад по строчкам данного рейтинга, сокращая расходы на образование в составе ВВП, мы все еще не выпали из ведущей группы стран (в рейтинге участвовали 189 стран). Германия в этом рейтинге по состоянию на 2018 г. заняла 1-е место. Из других крупных стран в тридцатку лучших входят Великобритания (8-е место), США (12-е), Канада (17-е), Япония (27-е место, что недалеко от России).

Наиболее значимым показателем уровня социального развития является комплексный индекс человеческого развития ООН⁴, включающий национальный доход на душу, образование и ожидаемую продолжительность жизни. В этом рейтинге Россия занимает 49-е место из 179. Нам удается поддерживать здесь относительно высокий уровень благодаря высокому рейтингу образования и приличному уровню национального дохода на душу населения. Вниз этот интегральный показатель тянет наше катастрофическое отставание от других стран по ожидаемой продолжительности жизни. Мы здесь заняли 103-е место из 183 стран, в том числе по мужчинам – 125-е место.

Германия же в этом рейтинге заняла 4-е место, уступив Норвегии, Швейцарии и Ирландии, и это высший показатель среди крупных стран мира. Канада здесь находится на 13-м месте, Великобритания – на 15-м, США – на 16-м, Япония – на 19-м, Франция – на 26-м. Высокое место Германии связано с ее первой позицией по уровню образования, со второй позицией среди крупных стран по уровню национального дохода на душу населения. Она также входит в лидирующую группу стран и по ожидаемой продолжительности жизни – 81,2 года. Это выше, чем, например, у США, но ниже, чем у Японии, Италии, Испании, Южной Кореи, Франции и даже Канады.

При всей значимости индекса социального развития он все же не отражает многие стороны социальной жизни. Более многомерным, многогранным индексом является индекс социального прогресса, разработанный М. Портером, известнейшим гарвардским экономистом. Этот индекс учитывает 54 показателя⁵.

⁴ URL: <http://hdr.undp.org/en/content/2019-human-development-index-ranking> (дата обращения: 21.10.2020).

⁵ URL: <https://gtmarket.ru/research/social-progress-index/info> (дата обращения: 21.10.2020).

Россия здесь занимает 60-е место из 128. Относительно высокие показатели (25–55-е место) у нас по питанию, обеспечению населения материальными благами, санитарии, защите от внешних угроз, образованию. Вниз нас тянут (65–75-е места) состояние здоровья и продолжительности жизни, обеспеченность жильем, экология, относительно низкая персональная безопасность, ограничение выбора и свободы.

Германия в этом рейтинге занимает среди крупных стран 2-е место после Канады, опережая Японию, Южную Корею, Францию, Испанию, Великобританию и США.

Альтернативный комплексный рейтинг социального развития – индекс качества жизни, составленный для 80 стран по большому числу показателей⁶. Первое место здесь занимает Швейцария с индексом 8,2, Россия с индексом 5,3 находится на 72-й строчке, в числе отстающих. Помимо обычных, здесь учитываются показатели, связанные с оценкой жизни семьи, общественной жизни, наличием политических свобод, гарантий работы, гендерного равенства, рассматриваются влияние климата и географии, развитие транспорта, стабильность. Многие из этих показателей тянут Россию вниз при сравнении с другими странами. Из крупных стран самые высокие позиции здесь у Германии. За ней идут Канада, Япония, США, Великобритания, Франция и Испания.

До сих пор мы оперировали средними по стране оценками социального развития и уровня жизни. Однако жизнь отдельных групп населения сильно отличается, и социальное неравенство среди стран – разное. Среди крупных стран Россия – в числе лидеров по социальному неравенству. Это неравенство в нашей стране больше, чем во всех крупных государствах Европы, в Китае и Индии. Оно сопоставимо с неравенством в США и уступает лишь сверхвысокому неравенству в странах Латинской Америки.

Германия, напротив, характеризуется умеренным социальным неравенством. По большинству показателей социальная дифференциация там примерно в 1,5 раза меньше, чем в России⁷. По коэффициенту фондов (разница в душевом доходе 10%

⁶ URL: <https://www.economist.com/news/2012/11/21/the-lottery-of-life> (дата обращения: 21.10.2020).

⁷ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_стран_по_показателям_неравенства_доходов (дата обращения: 21.10.2020).

богатого населения и 10% бедного населения) Россия занимает 124-е место из 170, что сопоставимо с США, Ираном, Уругваем, Турцией, Филиппинами. По коэффициентам разницы доходов по 20-процентным группам населения мы находимся на 109-м месте, примерно с такой же дифференциацией, как Израиль, Марокко, Тунис, Таиланд. По коэффициенту социального неравенства Джини у России 116-е место, как у Никарагуа, Турции, Уругвая, Израиля и Кении. В Германии коэффициент фондов равен восьми, а не 14–15, как в России, а коэффициент Джини – около трех, а не более четырех, как у нас.

Ещё сильнее Россия отличается от других стран по концентрации имущества и активов у богатой части населения. К тому же в России в последние 10 лет доходы богатых росли в процентном отношении в три раза быстрее, чем у бедных. После распада СССР концентрация богатства в нашей стране выросла в разы, а коэффициент фондов увеличился с 3–4 до 14–16 раз. Таких скачков в короткое время (в России он произошёл в основном с 1990 по 1995 гг.) в других странах не наблюдалось.

Последний рейтинг, о котором сегодня пойдет речь – сохранность населения⁸. Из 216 стран в последние годы абсолютное сокращение населения идет только в 19 странах, включая Россию, где с 2018 по 2020 гг. численность населения сократилась почти на 300 тыс. человек. В процентном соотношении это составляет менее 0,1% в год, это не самый плохой показатель, так что на этот раз 195-е место в рейтинге можно считать почти достижением. Из крупных стран население сокращается в Италии – менее чем 0,1%, на 0,1% в Польше, на 0,24% в Японии, на 0,33% в Португалии и на 0,45% в Греции. Больше, чем по 0,5% в год, население сокращается на Украине, в Хорватии, Румынии, Болгарии, а в Венесуэле, в Латвии и Литве – по 1–1,5% в год. Практически на нулевом уровне держится динамика численности населения в Испании (0,04%).

Германия и по этому показателю выглядит относительно благополучной, прирост населения здесь составляет около 0,5% в год. Из ведущих стран мира ее обгоняют по этому показателю только Канада (0,9%), США и Великобритания (0,6%). Во всех

⁸ URL: https://www.un-ilibrary.org/population-and-demography/united-nations-demographic-yearbook-2018_d8dd44a7-en-fr (дата обращения: 21.10.2020).

других крупных развитых странах прирост меньше. Во Франции – 0,25%, в Южной Корее – 0,2%.

Сохранность населения Президент РФ В. В. Путин поставил в один ряд с задачей повышения уровня жизни, указав на необходимость принятия серьезных мер по недопущению начавшегося тренда по сокращению его численности. С этой целью выдвинуты задачи по повышению рождаемости (прежде всего за счет суммарного коэффициента рождаемости) и по обеспечению дополнительного притока мигрантов в количестве 200–300 тыс. человек в год. Это весьма трудные, но в принципе осуществимые задачи.

Коронавирусный кризис 2020 г. и масштабы антикризисной программы в России и Германии

На Россию с сентября 2020 г. обрушилась вторая, более мощная волна коронавирусной пандемии, которую никто не ожидал. Во многом она была рукотворной и, на наш взгляд, вызвана ошибочным решением начать занятия в школах, университетах и других учебных заведениях с 1 сентября и отменить большинство ограничительных мер по оказанию различных услуг.

Коэффициент заражаемости, который еще в августе был меньше единицы, увеличился в целом по стране до 1,14, и число зараженных и умерших стало быстро расти. В результате по стране в целом и по всей её периферии (кроме г. Москвы) оказались превзойдены пиковые значения пандемии, достигнутые в мае, и на середину октября, видимо, новый пик пока не пройден. За этим пиком, как обычно, должна последовать многодневная «полка», и только потом показатели заражения и смертности начнут снижаться. Дай бог, чтобы мы вернулись на уровень августа к декабрю.

Скорее всего, значительные размеры пандемии продлятся и в первом полугодии 2021 г., который тоже предварительно можно считать кризисным. Если верить медикам, мы выйдем из пандемии только после вакцинации, по крайней мере, 70 млн человек. Вместе с теми 30 млн, которые, по оценкам, в той или иной форме уже переболели коронавирусом и имеют антитела, это составит около 60% всего населения страны. Когда такое количество населения будет защищено от коронавируса, можно будет возвратиться к нормальному образу жизни.

В Германии коронавирусная пандемия была мягче и подобной второй волны не наблюдается. Сопоставление показателей двух стран в этом отношении на 20 октября приведено в таблице 3.

Таблица 3. Показатели пандемии COVID-19 в России и Германии, тыс. чел.

Показатель	Россия	Германия
Число заражённых		
Всего	1447	381
В сутки	15,7	2,7
Число выздоровевших		
Всего	1097	298
В сутки	11,0	2,2
Число умерших		
Всего	25,0	10,0
В сутки	301 чел.	12 чел.

Население Германии примерно в 1,8 раза меньше, чем в России (соответственно, 83 и 146,5 млн чел.). Поэтому в пересчете на тысячу человек разница по общему числу зараженных в России будет в 2,2 раза, а по умершим – в 1,5 раза больше, чем в Германии. Те же показатели (в сутки) по состоянию на 20 октября 2020 г. различались соответственно в 3,3 раза и 14 раз. Понятно, что в Германии кризис, связанный с коронавирусной пандемией, будет не только менее глубоким, но и менее продолжительным.

Ещё в марте 2020 г. в Германии была одобрена комплексная антикризисная программа, на которую было выделено 750 млрд евро. Такая программа Правительством России была утверждена лишь недавно, ее общая стоимость – 6,5 млрд руб. Если пересчитать по рыночному курсу рубля к евро, немецкая программа составит 68,5 трлн руб., а при оценке по паритету покупательной способности, подсчитанной Всемирным банком – 23,7 трлн руб.

В расчете на душу населения расходы немецкой программы по рыночному курсу больше российских в шесть раз, а по ППС – в два раза. И это несмотря на то, что Германия испытывает менее глубокий кризис в связи с пандемией, выигрывает от низких цен на нефть и газ (пока Россия по тем же основаниям проигрывает), и при отсутствии у немецкой стороны неблагоприятных трендов, вызванных в России предшествующей стагнацией, в ходе которой

снизились инвестиции в основной и человеческий капитал, реальные доходы населения и потребительский спрос.

Исходя из этого, на наш взгляд, вполне очевидно, что Германия после пандемии продолжит свой успешный социально-экономический рост, а Россия, напротив, с высокой вероятностью после кризиса, который здесь будет более затяжным, опять вернется к стагнации.

В заключение скажу: Германия во многих отношениях является примером для России. Нам что-то можно у нее перенять. Долговременная стратегия России, безусловно, должна быть нацелена на достижение в обозримый период уровня развитых стран мира. И в качестве первого целевого показателя, на наш взгляд, можно ориентироваться на Испанию, от которой по уровню социального и экономического развития мы отстаем примерно в 1,5 раза. Если нам удастся после кризиса возобновить социально-экономический рост в размере 3–5% в год, то к 2030–2035 гг. мы сможем в основном решить задачу достижения социально-экономического уровня средних развитых стран, так сказать, «в лице» Испании.

А затем можно будет ставить задачу достигнуть уровня лидирующих развитых экономик – стран G7, среди которых нашим ориентиром могла бы стать Германия, от которой сегодня мы отстаем по социально-экономическому уровню примерно в два раза. Задача достижения этого уровня для России может быть поставлена, на наш взгляд, на 2035–2040 гг.

Статья поступила 16.10.2020.

Статья принята к публикации 20.10.2020.

Для цитирования: *Аганбегян А. Г.* Надо ли сопоставлять экономику России и Германии? // ЭКО. 2020. № 11. С. 141-152. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-11-141-152

For citation: Aganbegyan, A.G. (2020). Do We Need to Compare the Russian and German Economies? *ECO*. No. 11. 2020. С. 141-152. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-11-141-152

Summary

Aganbegyan, A.G., Academician of RAS, Russian Academy of National Economy and Public Service at the Russian President, Moscow

Do We Need to Compare the Russian and German Economies?

Abstract. The RF Presidential Decree from 7 May 2018 'On development of the country till 2024' sets the goal of surpassing the GDP of Germany. In the period prior to stagnation, the German economy had obviously been developing faster than that of Russia. However, following the 2020 crisis connected to the coronavirus pandemic, it might fall lower (the latest official forecast for Germany is 5.4%, whereas our government is expecting a reduction of 3.8%). In accordance with calculations of the International Monetary Fund (IMF) this will let us overtake Germany ahead of expectations, as early as this year. Meanwhile, the new Decree on prospects of 2030 from V. V. Putin has cancelled this task. His assistant, the former minister of economic development, M. S. Oreshkin is confident that in 2021 we are to achieve economic growth and consolidate the resulting surplus of our GDP. In the article he published, he called this event 'a historic rise of Russia'. There is plenty of ground to cover here.

Keywords: *Russia, Germany; economic growth; GDP; coronavirus; cross-country comparisons*

Вынь да положь: блеск и нищета ортодоксии¹

(отклик на статью Фомина Д. А.
Российские инвестиции:
интеллектуальная недостающая //
ЭКО. 2020. № 6)

Б.Л. ЛАВРОВСКИЙ, доктор экономических наук.

E-mail: boris.lavrovski@gmail.com

Новосибирский государственный технический университет,

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН

Е.А. ГОРЮШКИНА, кандидат экономических наук.

E-mail: e.goryushkina@mail.ru

Новосибирский государственный университет, Институт экономики

и организации промышленного производства СО РАН

Е.А. ШИЛЬЦИН, кандидат экономических наук. E-mail: e.shilcin@gmail.com

Новосибирский государственный университет, Институт экономики

и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск

Аннотация. Необходимость существенного расширения инвестиционной деятельности, роста нормы накопления в ВВП в настоящее время не является позицией исключительно представителей научного сообщества, она уже стала элементом государственной политики. За идеологемой количественного наращивания инвестиционных усилий очень важно, по мнению авторов статьи, не упустить проблему инновационной активности; проблему качества материально-вещественных элементов инвестиций, технологий, в которых они воплощаются. На базе мирового опыта показано, что высокая норма накопления сама по себе далеко не обязательно обеспечивает внушительный экономический рост. Иллюстрируется тезис о том, что интенсификация инновационной активности в России является предварительным (базисным) условием расширения инвестиционной деятельности.

Ключевые слова: инвестиционная деятельность; норма накопления; инновационная активность; технология; экономический рост; Россия

В конце 2019 г. в «ЭКО» была опубликована наша статья о проблемах интенсификации экономического роста [Лавровский и др., 2019]. С критическими замечаниями в ее адрес выступил Д. А. Фомин [Фомин, 2020]. Основная его претензия в том, что «авторский уход в тему качества не должен отменять проблему количества (достаточности) инвестиций в российскую экономику».

¹ Статья подготовлена в рамках проекта XI.170.1.2. (0325–2019–0013) «Формирование основ теории инновационной экономики: операциональные определения, измерения, модели, научно-технологические прогнозы и программы», № АААА-А17–117022250128–5.

Статья нашего уважаемого оппонента – хороший повод поговорить в непринужденном жанре полемики о наблевшем и *по возможности* расставить точки над *i*.

Постановка и история вопроса

Пожалуй, нет сейчас серьезного и ответственного исследователя в России, который не призывал бы к расширению инвестиционной активности, росту нормы накопления в ВВП. «Высокая норма сбережений и инвестиций... становится в последнее время одной из точек консенсуса экономистов... Такой вывод имеет принципиальное значение для анализа перспектив экономического роста в России и конструирования политик, направленных на его стимулирование» [Стратегия-2020, 2013. С. 27].

Прозрели все, но это было не всегда. В 1970–1980-е годы один из немногих, возможно, единственный из крупных советских экономистов, кто буквально бил в набат, призывая обратить внимание на ослабление макроэкономической динамики в связи с затуханием инвестиционного процесса, деградацией инвестиционного комплекса, был Константин Куртович Вальтух. Широкая научная общественность подчас не была знакома со многими индивидуальными его работами, напечатанными на ротапринтере в ИЭОПП. Известность получили более поздние его статьи, в том числе в соавторстве, опубликованные в «ЭКО». В годы перестройки и позднее его принципиальная позиция была оценена².

Советское политическое и хозяйственное руководство, поглощенное идеей достижения мирового лидерства по ключевым экономическим индикаторам и за счет этого «похорон» капитализма, делало все возможное и невозможное, чтобы высокие темпы роста, достигнутые в 1950-е годы, в дальнейшем поддерживались. Но норма накопления, как и темпы, неуклонно сокращались.

Почему? Существуют экономические законы, которые в соответствии со складывающейся ситуацией делают возможным

² К. Вальтух и Б. Лавровский связывали феномен застоя с затуханием инвестиционного процесса [Социально-экономическая история России, 2014. С. 426]; Новосибирские ученые К. Вальтух и Б. Лавровский в получившей широкий резонанс статье показали, что в 70-е – начале 80-х годов по абсолютному большинству важнейших позиций ввод мощностей сокращался... [Шмелев, Попов, 1989. С. 182]; в работе В. Попова [Попов, 2007] дается ссылка на статью: *Вальтух К., Лавровский Б.* Производственный аппарат страны: использование и реконструкция // ЭКО. 1986. № 2. С. 17–32.

или невозможным осуществление тех или иных политических амбиций даже и в жестко централизованной плановой экономике. В каждый данный момент объем производимого продукта ограничен, т.е. чем больше масштабы накопления, тем меньше фонд потребления. Вызревание социализма «с человеческим лицом» заставило руководство страны дать, наконец, людям жилье (при Сталине объемы жилищного строительства за счет государственных средств были ничтожны), стиральные машины, холодильники и, страшно сказать, легковые машины, иными словами, отчасти перестроить отраслевую структуру экономики в пользу непроектного потребления. Но главное не в этом.

На протяжении последних десятилетий существования СССР в стране доминировал эволюционный путь технического прогресса. Приростные показатели новой техники и технологий оказывались недостаточными, чтобы компенсировать тенденцию к росту издержек, в том числе к увеличению капиталоемкости. Эффективность капиталовложений падала, источник накопления неизбежно начинал таять. Поддерживать высокую норму накопления объективно стало невозможно. Потребность в инвестициях для целей развития и реконструкции всё более стареющего и деградирующего производственного аппарата увеличивалась, а возможность её удовлетворения сокращалась. Нарастали предпосылки кризиса.

Здесь уместно поделить одну историю «из жизни». Расскажем ее и кое-что в дальнейшем от первого лица.

В 1970–1980-е годы Институт экономики и ОПП тесно сотрудничал с Госпланом СССР, прежде всего, с его сводными отделами; обменивались материалами, совместными работами, пр. В эти годы существовал следующий порядок. Каждому пятилетнему плану предшествовал разработанный ЦК партии документ «Основные направления экономического и социального развития СССР на такие-то годы (проект)», в котором были отражены контрольные цифры роста. Документ публиковался с целью широкого народного обсуждения.

Обрабатывая полученные из Госплана документы к десятому пятилетнему плану, обнаружил следующее. Начиная с третьего («решающего», как тогда говорили, а впереди был еще «определяющий» и «завершающий») года пятилетки, уровень использования производственных мощностей по многим основным видам промышленной продукции заметно возростал, скажем, с 82% до 94–95%, а то и выше. Притом, что столь высокой нагрузки не удавалось достичь никогда ранее. Что было это значило? Мина под пятилетку?

Отправили меня в Москву докладывать, летел со смешанным чувством – дадут высокую награду или посадят. Рассказываю свою находку

спецам Госплана (именно спецам), рассчитываю на любую их реакцию, кроме той, которую услышал: «А мы знаем». Как, ведь это...!

И мне, несмышленицу, пояснили. Пойми, инвестиций нет, а выполнять план по производству надо. Поэтому приходится завышать уровень использования действующего аппарата. По правилам арифметики все сходится, да и никакого особого обмана здесь нет. Пятилетний план сразу после его принятия откладывается в долгий ящик, и последующее планирование (регулирование) экономики осуществляется уже достаточно реалистичными годовыми планами. А выполнение пятилетнего плана рассчитывается по отношению к сумме годовых планов.

Мы писали, что в «институциональной среде, не принуждающей товаропроизводителей к технологическому прогрессу, не создающей для этого необходимых условий, правильные в принципе идеи расширения инвестиционной деятельности повисают в воздухе. Для их реализации отсутствуют возможности. Точнее, эти возможности «могли бы появиться, если бы рассматриваемая система обладала качественно иной инновационной сферой. Но, по-видимому, именно в этом и состоит ахиллесова пята...» [Лавровский, Рыбакова, 1994].

Можно с уверенностью предположить, что и сегодня разочарование, связанное с отсутствием сколько-нибудь заметного технологического прогресса, результатов инновационной деятельности в России в сложившейся институциональной среде, как раз и порождает идеологему количественного наращивания инвестиционных усилий, последовательным апологетом которой является наш оппонент.

Фантом качества

Кажется, от Г. И. Ханина, будучи еще его студентом, услышал афористическое высказывание: «Когда весь мир будет коммунистическим, одну страну оставим буржуазной, чтобы увидеть, куда идет технический прогресс».

Называют разные обстоятельства, обусловившие развал страны. По-видимому, спусковым крючком стало драматическое углубляющееся отставание от мирового научно-технологического тренда. Производили в разы больше, чем в США, тракторов, комбайнов, другой сельскохозяйственной техники. Выпускали больше всех в мире кожаной обуви и многого другого. Но, несмотря на ошеломляющие масштабы, спрос, подчас ажиотажный, отнюдь не утихал. Достоверно известно только о двух-трех случаях из тысяч наименований промышленной продукции, когда

к середине-концу 1980-х годов на потребительском рынке было достигнуто определенное равновесие. Это швейные машинки, электрические лампы и, возможно, ковры. Причем плановикам и торговле было не до радости.

Страна жила по изматывающим разорительным затратным сценариям, неизбежность которых обусловлена, как ни странно, самим существованием государственного плана. Директивы, планы и контроль за их исполнением непременно предполагают возможность и необходимость количественного измерения – в штуках, тоннах, метрах, киловаттах, пр. Трудноизмеримое или вообще не измеримое – качество – в этой системе – фантом.

Природа этих сценариев была ясна уже некоторым видным основателям советского государства. «Строить гигантские заводы по готовым западным образцам можно и по бюрократической команде, правда, втридорога. Но чем дальше, тем больше хозяйство упирается в проблему качества, которая ускользает от бюрократии, как тень...Качество предполагает...условия, несовместимые с тоталитарным режимом страха, лжи и лести» [Троцкий, 1991. С. 228].

Возможности накопления, развития в советский период поддерживались во многом благодаря сверхрентабельности отдельных производств. Особая роль принадлежала «прочим» продуктам, как стыдливо назывались в доходной части бюджетной статистики водка и другие алкогольные напитки. Но с падением «железного занавеса», вовлеченностью страны в мировой рынок оказалось, что конкурентоспособность огромных секторов советской экономики ничтожна. В постсоветский период место водки заняла нефть.

За качеством продукции стоит основной капитал – базис экономики. Если его технологический уровень достаточен (и непрерывно поддерживается), чтобы систематически производить конкурентоспособную на мировом рынке продукцию, производитель получает, кроме средней прибыли, возможно, еще и ренту, формирует накопления, развивается; страна укрепляет обороноспособность. Если недостаточен – все наоборот.

Во многих случаях сколь угодно большое количество не способно в принципе восполнить, уравновесить недостаток качества. СССР обладал самым большим и, возможно, самым мощным парком металлообрабатывающего оборудования.

Но многие задачи особой технической сложности даже в интересах обороны был решить не в состоянии. Один пример.

Затухающую звуковую волну от винта советской атомной подводной лодки первого поколения было слышно на расстоянии 200 морских миль. Какая уж тут скрытность. Помимо других факторов, шум создает гребной винт. Для снижения шума надо было очистить сложные поверхности винтов очень гладко и точно, с минимальными допусками, а это требовало специального оборудования, которого в стране не было. Этот станок весом 220 т, шириной 22 м, высотой 10 м производила «Тошиба Машин».

Американцы понимали, что Советский Союз будет покупать необходимые ему военные технологии и уже тогда ставили запреты на их продажу. Но стремление к наживе и профессионализм сотрудников КГБ свое дело сделали. Советские атомные подводные лодки третьего поколения по шумности сравнялись с американскими атомоходами³.

Да что там подводные лодки. Буквально засилье импортной продукции на рынке сколько-нибудь технической сложной продукции – красноречивое свидетельство потенци имеющегося в России технологического базиса.

Понимание необходимости интенсификации инновационной деятельности как предварительного, базисного условия расширения инвестиционной активности зреет в современной литературе: «Размеры инвестиций могут и должны быть увеличены, но при этом непременно должна быть интенсифицирована работа на всех направлениях, связанных с научно-технологическим прогрессом в стране и особенно в сфере инвестиционного машиностроения» [Кушлин, 2016].

Уже говорилось, что наиболее последовательно в течение многих лет идеология наращивания инвестиций «экстраординарными темпами» с ее теоретическим обоснованием и широкими эмпирическими иллюстрациями разрабатывалась и защищалась К.К. Вальтухом. Основной постулат его концепции состоял в следующем. опередить ту или иную страну по уровню душевого ВВП Россия сможет тогда и только тогда, когда превзойдет ее по уровню душевых инвестиций и будет «затем поддерживать (лучше – наращивать) такой отрыв...» [Вальтух, 2009, 2007]. Но и в этой концепции присутствует одна важная оговорка (уточнение): опережение определяется не только уровнем превосходства по душевому объему вложений, но и эффективностью последних.

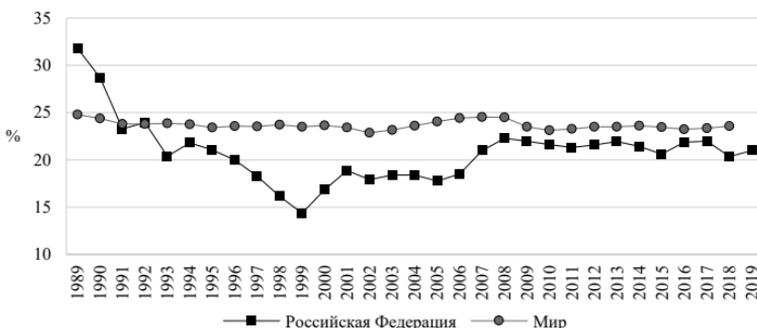
³ Секрет малозумного гребного винта. URL: <https://versia.ru/tajnaya-pokupka-stankov-yaponii-pozvolila-sssr-rezko-snizit-shumnost-svoix-atomnyx-podvodnyx-lodok>

Итак, исходный пункт разумной экономической политики – реконструкция на базе (самых) современных технологий, запрет на воспроизведение способов производства прошлого. Не хватает собственных инновационных разработок – заимствовать так или иначе, история оправдает. Но вопрос – сколько инвестиций, какая норма накопления – при этом никак не может быть первым.

Это важнейшее и очевидное, на наш взгляд и не только, требование уважаемый оппонент либо не замечает, либо принципиально игнорирует. Его императив – вынь да положь, как минимум, удвоение размера инвестиций при соблюдении ряда межотраслевых ограничений, и все наладится. Правда, некоторые условия на инвестиции накладываются, но настолько специфические, что об этом отдельно и специально.

Норма накопления – тренды в мире и Россия

Рассуждая о требуемых масштабах инвестиций, стоило бы чуть подробнее поговорить о том, как обстоят дела в других странах, сопоставить с мировыми трендами накопления, не ограничиваясь только 2014 г. Восполним этот пробел⁴. На рисунке 1 представлены данные о норме накопления в России и в целом по миру.

Источник: по данным Мирового банка/URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.GDI.FTOT.ZS>

Рис. 1. Норма накопления в основной капитал в РФ и в мире в 1989–2019 гг.,%

Значение нормы накопления в России, последовательно скатываясь почти с 32% в 1989 г. до 14,4% в 1999 г., затем стало

⁴ В статье при анализе стран мира, если нет специальных оговорок, использовались данные World Development Indicator (WDI), публикуемые Мировым банком: URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>

в тенденции возрастать, но так и не достигло среднемировой оценки. Примерно с 2008 г. разница устойчиво составляла около 1,5–2,0 п.п. По этому показателю из 159 стран мира Россия в 2016 г. находилась на 93-м месте. Этот рейтинг, конечно, впечатляет, но стоит обратить внимание, что многие развитые страны в этот год имели близкое или даже меньшее значение нормы (табл. 1).

Таблица 1. Норма накопления в основной капитал в России и ряде развитых стран в 2015–2019 гг., %

Страна	2015	2016	2017	2018	2019
Австрия	22,7	23,1	23,5	23,9	24,3
Бельгия	23,0	23,2	23,1	23,8	24,1
Канада	23,9	22,8	22,7	22,5	22,1
Германия	20,0	20,3	20,5	21,2	21,7
Дания	19,9	21,0	21,2	22,0	22,2
Испания	18,0	18,0	18,7	19,4	20,0
Финляндия	21,2	22,7	23,2	23,9	23,7
Франция	21,5	21,8	22,5	22,9	23,6
Исландия	19,4	21,1	22,0	21,6	20,2
Израиль	19,2	20,7	20,8	21,4	-
Япония	23,8	23,3	23,8	24,1	-
Российская Федерация	20,6	21,9	22,0	20,4	21,0
США	20,4	20,2	20,5	20,7	-
Мир	23,5	23,3	23,4	23,6	-

Источник: по данным Мирового банка. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.GDI.FTOT.KD>

Более того, многие развитые страны с начала 1970-х годов демонстрировали падающий тренд нормы накопления длительное время: в целом за 1971–2016 гг. – четырнадцать стран⁵ и в течение большей части этого периода еще четыре (Франция, Норвегия, Португалия, Сингапур). Далеко не все из них бедствуют. Правда, в последние два-три года в некоторых из них наметилась тенденция к росту показателя, но к России это не относится.

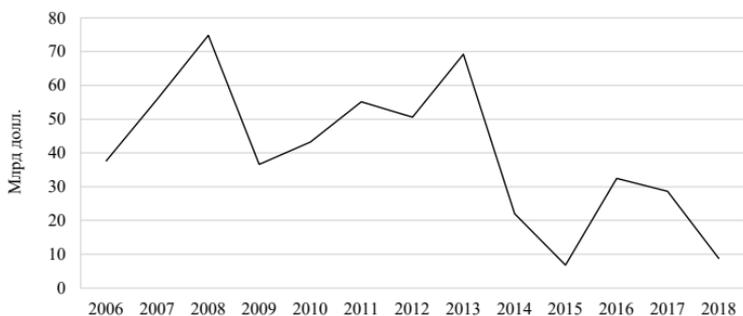
Одни страны с развивающимся рынком сокращают норму накопления в течение большей части указанного периода или, по крайней мере, не увеличивают ее (Аргентина, Алжир, Арабская Республика Египет, Перу, Филиппины, Уругвай, Бразилия, Гватемала, Мексика, Пакистан и др.), другие повышают (Чили,

⁵ Австралия, Австрия, Бельгия, Германия, Дания, Финляндия, Великобритания, Греция, Израиль, Италия, Япония, Люксембург, Нидерланды, Швеция.

Китай, Индонезия, Индия, Корея, Турция, Колумбия, Малайзия, Таиланд и др.).

Не имея на то технологических оснований, Россия по уровню накопления в ВВП примыкает к развитым странам. Это, конечно, нонсенс. И не случайно политическим руководством ставится задача расширить объем инвестиций «во что бы то ни стало»⁶.

Драматизм ситуации в том, что курс на «новую индустриализацию» пробуксовывает. Казалось бы, возможности есть: страна производит продукта больше, чем в 1990 г., а норма накопления существенно ниже. Не укладывается в голове, что до сих пор объем инвестиций заметно меньше, чем 30 лет назад. Притом, что и в конце 1980-х годов инвестиционного ресурса едва-едва хватало для простого воспроизводства основного капитала. Никто не хочет вкладываться – ни отечественные, ни иностранные инвесторы (рис. 2).

Источник: ЦБ России.

Рис. 2. Прямые иностранные инвестиции в экономику России в 2006–2018 гг., млрд долл. США

Правда, в 2019 г. ситуация, вроде, улучшилась, но до уровня 2013 г. еще очень далеко. Как известно, резкое падение ПИИ в России связано с санкциями⁷.

⁶ Послание Президента Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863>

⁷ Например, за время санкций число немецких компаний в России сократилось почти на 2 тыс. (с 6200 до 4274 на начало 2020-го). Число иностранных банков упало до минимума за 14 лет: на конец 2019 г. в стране работали 75 кредитных организаций с долей зарубежного капитала более 50%, хотя в начале 2010-х их было свыше 110. (Иностранные инвестиции в Россию рухнули в 52 раза. URL: <https://www.finanz.ru/novosti/valyuty/inostrannye-investicii-v-rossiyu-rukhnuli-v-52-raza-1029084315>)

Выше норма накопления – больше темпы роста?

Прежде всего, приведем результаты расчетов системных показателей связи нормы накопления Gross capital formation,% of GDP (с учетом прироста запасов) и темпов роста ВВП с использованием инструментария математической статистики. Для этого используем данные с 1995 г. по всем странам, обеспеченным статистикой в базе Индикаторы мирового развития (WDI).

Полученные оценки, вообще говоря, указывают на определенное наличие этой связи. Значение коэффициента корреляции составляет 0,32–0,34, при этом он статистически значим на уровне 1% (табл. 2).

Таблица 2. Корреляция среднегодовых темпов прироста ВВП и средней нормы накопления по периодам (1995–2018 гг.)

Период	Число стран	Коэффициент корреляции Пирсона
1995–2018	165	0,34
1995–2006	164	0,32
2006–2018	172	0,32

Графическая иллюстрация представлена на примере одного из периодов (рис. 3).

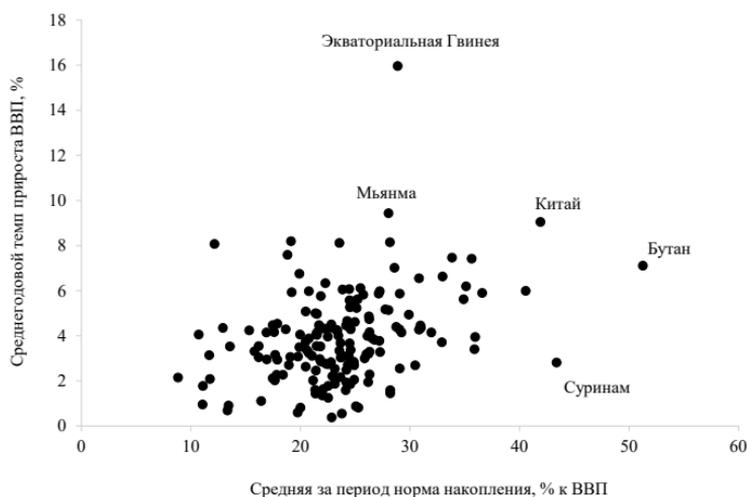

Рис. 3. Взаимосвязь темпов роста ВВП и нормы накопления за период 1995–2018 гг. (165 стран)

Особый вклад в положительную и значимую взаимосвязь вносят Китай и Бутан (на 25% определяя значение коэффициента корреляции). Надо признать, что в терминах «в среднем» регрессионная связь между темпами прироста и нормой накопления достаточно устойчива. Но, во-первых, ее объясняющая сила невелика: R-квадрат регрессии составляет 17,5%, т.е. различия в норме накопления по странам мира только на 17,5% объясняют различия в темпе прироста ВВП. Без учета Китая и Бутана эта объясняющая сила падает до 9,7%. Во-вторых, как видно на рисунке 3, существует немало стран, в которых наблюдается асимметрия (отрицательная зависимость) между значениями темпов роста ВВП и нормой накопления.

Гипотеза (тезис) «Выше норма накопления – больше темпы экономического роста», как и ее тестирование, допускают различное толкование. Сначала проверим гипотезу в следующей интерпретации: как оценку связи между средним значением нормы накопления и динамикой ВВП на длительном временном интервале. Подтверждение или опровержение гипотезы ставятся в данном случае в зависимость от результатов эмпирических наблюдений.

Всемирный банк предоставляет полные данные о валовом накоплении *основного* капитала (Gross fixed capital formation (% of GDP)) и ВВП (GDP (constant 2010 US\$)) в период с 1971 г. по 2018 г. по 72 странам мира. Протестируем гипотезу на этой выборке и в указанной интерпретации.

Суть тестирования состоит в определении числа стран, удовлетворяющих одному из следующих предположений (условий):

- высокому (относительно среднемирового уровня) значению нормы накопления соответствуют и большие (относительно среднего) темпы роста ВВП;
- низкому (относительно среднемирового уровня) значению нормы накопления соответствуют и меньшие (относительно среднего) темпы роста ВВП.

В результате расчетов получилось, что в целом число стран, удовлетворяющих предположениям, закладываемым в гипотезу, составляет 37 (51,4%), из них в 15 среднегодовые темпы роста ВВП и норма накопления выше среднемировых значений. Не удовлетворяют проверяемой гипотезе 35 (48,6%) стран;

при этом сочетание относительно высокой нормы накопления и низкого темпа роста ВВП наблюдается у восьми из них (11%), уровень нормы накопления ниже среднемирового в сочетании с относительно высокими среднегодовыми темпами прироста имеют 27 стран из 72 рассматриваемых. Примеры по некоторым странам приведены в таблице 3.

Таблица 3. Динамика ВВП и норма накопления в 1971–2018 гг. в ряде стран, %

Страна	Средняя (среднеарифметическая) норма накопления	Среднегодовые темпы прироста ВВП	Соответствие гипотезе (+, -)*
Ботсвана	30,13	7,92	+
Малайзия	27,47	6,26	+
Швейцария	26,86	1,66	-
Австралия	26,62	3,11	+
Индонезия	24,98	5,48	+
Финляндия	24,90	2,45	-
Мир	24,18	3,10	
Ирландия	22,89	4,89	-
Канада	22,06	2,88	+
Турция	21,90	4,54	-
Бразилия	19,69	3,49	-
Аргентина	19,18	2,04	+
Пакистан	15,74	4,76	-

*Знак (+) соответствует гипотезе, знак (-) – не соответствует.

Скажем, в Аргентине данные, касающиеся нормы накопления и темпов роста ВВП, меньше соответствующих среднемировых показателей, в Ботсване – больше, следовательно, в обеих странах они удовлетворяют предположениям. В то же время в Бразилии показатели нормы накопления меньше, а динамики ВВП выше среднемирового показателя (в Финляндии – наоборот), следовательно, в обеих странах они не удовлетворяют предположениям.

Итак, сравнительно большая норма накопления далеко не всегда определяет внушительную динамику ВВП, относительно низкая норма – слабую динамику. Возможно, что учет лишь среднего значения нормы за длительный период не в состоянии адекватно отобразить логику и последствия инвестиционного развития, стратегические приоритеты. Одно дело – растущий тренд относительных масштабов накопления, другой – падающий.

В связи с этим рассмотрим гипотезу «Выше норма...» в иной интерпретации: как оценку связи между *изменениями* показателей нормы накопления и темпов роста ВВП (также на длительном временном интервале). Или иначе: если в стране норма накопления растет (падает), то и динамика ВВП улучшается (ослабевает). Ее доказательство, точнее, отрицание строится на представлении опровергающих примеров (рис. 4, 5).

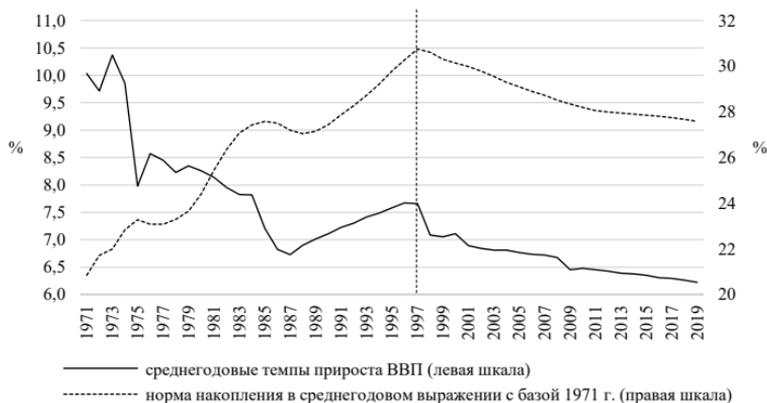

Рис. 4. Соотношение кумулятивных показателей темпов роста ВВП (с базой 1970 г.) и нормы накопления в 1971–2019 гг., Малайзия

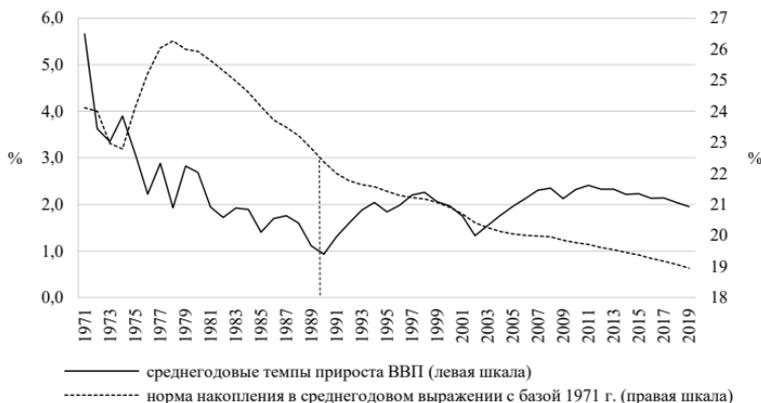

Рис. 5. Соотношение кумулятивных показателей темпов роста ВВП (с базой 1970 г.) и нормы накопления в 1971–2019 гг., Аргентина

Как видно, значение нормы накопления в Малайзии, составляя 22,0% в среднем за период 1971–1973 гг., выросло до 30,8% в среднем за 1971–1997 гг. Одновременно с этим среднегодовые темпы прироста ВВП сократились за соответствующие периоды с 10,4% до 7,7%.

Длительная тенденция к снижению нормы накопления в Аргентине продолжилась и с начала 1990-х годов. Составляя 22,4% в среднем за период 1971–1990 гг., ее значение сократилось до 19,0% в среднем за 1971–2019 гг. Одновременно с этим среднегодовые темпы прироста ВВП увеличились за соответствующие периоды с 0,9% до 2,0%.

Таким образом, оба этих примера противоречат предположениям, закладываемым в гипотезу при данной ее интерпретации. Число этих примеров может быть значительно увеличено.

С определенностью можно утверждать также, что и в зарубежной литературе не сложилось сколько-нибудь определенного представления о соотношении макроэкономического роста и масштабов инвестиций. В лучшем случае: «инвестиции необходимы, но недостаточны» [Истерли, 2006].

Общий вывод может быть сформулирован следующим образом. Макроэкономическая динамика не является безразличной к факторам величины и тренда нормы накопления. Определенная зависимость существует. Но говорить о решающем их влиянии на темпы роста ВВП отнюдь не приходится.

О Пакистане и не только

Для ответа на вопрос о соотношении экономической динамики и нормы накопления требуется более тонкая настройка самого вопроса, как мы и отмечали в своей статье. Попытаемся его уточнить.

Предположим, что в качестве факторов, детерминирующих экономический рост со стороны предложения, выступают не только масштабы (норма) накопления, но и потребность в капитале. Ставится задача оценить влияние изменений значений этих параметров во времени на трансформацию трендов роста ВВП. Попытка сколько-нибудь полного ее решения далеко выходит за пределы рассматриваемой темы.

Здесь мы ограничимся только иллюстрацией подхода на примере Пакистана.

Пакистан выбран не случайно. В своей статье мы упомянули его среди других стран со сравнительно высокой по мировым меркам динамикой и низкой нормой накопления. В этой связи Д. А. Фомин рекомендует не без сарказма «догнать и перегнать Пакистан», добавляя, что ведущей его отраслью является сельское хозяйство.

Поговорим об этом чуть подробнее. Население Пакистана составляет более 200 млн чел., ведущая его отрасль – сфера услуг (более 50% ВВП), доля сельского хозяйства, оставаясь достаточно высокой, стремительно сокращается с начала 1960-х годов. Доля ВВП Пакистана по отношению к РФ, составляя 5,2% в 1989 г., выросла до 14,8% в 2018 г. (в ценах 2010 г.). Являясь пока во многих отношениях, действительно, отсталой страной, Пакистан обладает ядерным оружием, а также средствами его доставки⁸.

Потребность в капитале или, что то же самое, удельные затраты инвестиций $I^{1,\tau}$ за период $[1, \tau]$ рассчитываются следующим образом:

$$I^{1,\tau} = \frac{\sum_{i=1}^{\tau} I^i}{Y^{\tau} - Y^0} \quad \tau = 1, \dots, T,$$

где I^i - объем производственных инвестиций в году i ;
 Y^{τ} - ВВП в году τ ; Y^0 - ВВП в базовом году 0.

Соотношение экономического роста и его детерминант представлено на рисунке 6.

Как видно, кривые кумулятивных темпов и потребности в капитале едва ли не зеркальны: увеличению (сокращению) потребности в капитале на определенной фазе развития соответствует уменьшение (повышение) темпов роста. Иначе говоря, характер тренда ВВП практически полностью

⁸ По данным исследователей фонда Карнеги, в настоящее время у Пакистана насчитывается 120 ядерных боеголовок (против 100 у Индии), что делает страну шестой в мире по этому показателю после России, США, Франции, Китая и Великобритании. [Пакистан – ядерная держава номер три. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2797669>; Ядерное противостояние Индии и Пакистана. URL: https://nvo.ng.ru/nvo/2019-03-01/13_1036_pakistan.html]

определяется изменениями показателя потребности в капитале. Это наблюдение укладывается в нашу гипотезу, имея в виду, что норма накопления здесь нигде не растет (стабильная либо чуть сокращается: за два десятилетия – на 1 п.п.).

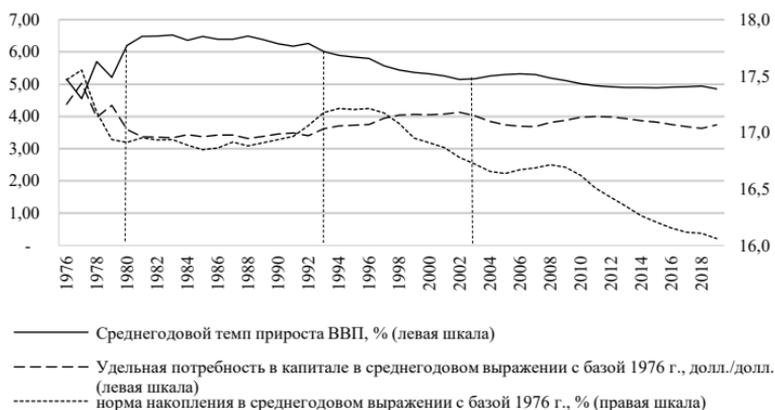

Рис. 6. Соотношение кумулятивных показателей темпов роста ВВП (с базой 1975 г.) потребности в капитале (constant 2010 US\$) и нормы накопления в 1976–2018 гг., Пакистан

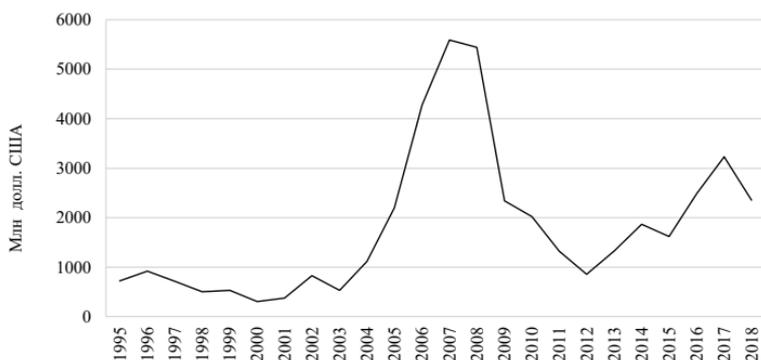
С начала 1980-х годов примерно до середины 1990-х стабильность макроэкономической динамики обязана неизменным значениям факторов роста. С середины 1990-х годов значение нормы накопления сокращается до конца рассматриваемого периода, а величина потребности в капитале растет некоторое время (то и другое накопленным итогом). Следствием закономерно становится уменьшение среднегодовых темпов прироста ВВП с 6,01% в 1976–1993 гг. до 5,15% в 1976–2003 гг. В последующем цикле благодаря зародившейся тенденции к сокращению показателя потребности в капитале темпы остаются практически стабильными: 5,12% в 1976–2009 гг. и 4,85% в 1976–2019 гг.

Динамика показателя I^{1*} в свою очередь определяется, по крайней мере, двумя обстоятельствами, действующими в противоположных направлениях. Одно из них можно считать естественным, и его влияние проявляется в росте удельных издержек инвестиций, что связано с системным усложнением производственного аппарата и пр. Другое обстоятельство,

благодаря инновационной деятельности, противостоит естественному развитию событий. Его влияние проявляется в сокращении абсолютных или относительных величин $I^{1,r}$.

Применительно к США мы показали в нашей статье 2019 г., что кумулятивные среднегодовые темпы прироста ВВП в США в 1980–1990-е гг. удалось стабилизировать благодаря заметно возросшей в тот период интеллектуальной компоненте производственного капитала, что способствовало сокращению потребности в удельных инвестициях⁹.

Тенденцию к сокращению кумулятивного показателя потребности в капитале с начала нулевых годов в Пакистане мы связываем с заимствованием технологий, взрывным ростом прямых иностранных инвестиций в экономику Пакистана (рис. 7).

Источник: по данным Мирового банка. <https://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.CD.WD?locations=PK>

Рис. 7. Пакистан – прямые иностранные инвестиции в 1995–2018 гг., чистый приток, в текущих ценах, млн долл. США

Еще и еще раз. Здесь изложена только идея подхода. Но есть надежда, что характер макроэкономической динамики удастся во многом объяснить, привлекая для этого только два упомянутых фактора.

⁹Вопреки сомнениям нашего оппонента, эти расчеты вполне корректны, поскольку американская статистика в структуре производственных инвестиций выделяет здания и сооружения, оборудование, а также интеллектуальный продукт.

Рецепты от оппонента

Д. А. Фомину без всякого ерничанья нельзя отказать в гражданском мужестве. Не каждый способен открыто писать о генетической связи двух, казалось бы, разных эпох. «Залить проблему инвестициями, кадрами, вниманием высокого руководства – это типичное отечественное решение многих экономических (и не только) проблем. И сегодняшняя российская практика в этом отношении не может быть качественно иной, она в принципе не может существенно отличаться от позднесоветской практики».

В статье Д. А. Фомина приводится многозначительная фраза, приписываемая Наполеону Бонапарту или Александру Суворову: «Большие батальоны всегда правы». Но Александру Суворову принадлежит еще и другая не менее важная и, кстати, более известная мысль: «Воевать не числом, а умением». Обе эти фразы, несущие разный глубинный смысл, имеют прямое отношение к предмету нашей дискуссии, отражая различие точек зрения.

Оппоненту вообще свойственно парадоксальное мышление. «Если сегодняшняя российская экономика крайне неэффективно использует инвестиции, это означает, что она нуждается не в инвестициях как таковых, а в очень больших инвестициях, способных перекрыть издержки этой неэффективности... Очевидно, что чем больше будет инвестиционных дел, тем меньше будет инвестиционных ошибок».

Это означает примерно следующее. Перекроим (восполним) недостаток качества, эффективности огромными инвестициями, доведем норму накопления до 40%, глядишь, фактически и выйдем на среднемировые показатели развития. Это сильно, слов нет. Но обойдется ли дело в этом случае только затягиванием поясов...

Заключение

Уважаемый оппонент с грустью сожалеет о том, что время, когда наука вносила ясность в окружающий мир, «осталось в далеком прошлом». И мягко, без нажима журит нынешних экономистов, которые «пишут так, как будто научной истины больше не существует. Осталась лишь точка зрения...».

Нам как-то кажется, что интеллигентный исследователь, понимая ограниченность своих знаний и невероятную сложность исследуемой социальной материи, никогда не будет с пеной у рта отстаивать свою концепцию как «единственно верную». Более того, бескомпромиссность, чрезмерную настойчивость мы считаем опасным явлением, от которого один шаг до ортодоксии. Слишком много вокруг устрашающих примеров.

Есть в новейшее время и другие случаи, хотя и неустрашающие, но которые также отнюдь нельзя назвать безобидными или забавными. Чрезмерно упрямые люди, чтобы не поступиться принципами, готовы сделать себе хуже¹⁰.

Как сказал бы классик, есть инвестиции и инвестиции. Вопрос в том, удастся ли «оседлать» технологический прогресс; осуществлять расширенное воспроизводство (с рациональной нормой накопления) в неразрывной связи с инновационной активностью, внедрением новейших разработок; отчетливо осознать: накачивание российской экономики технологиями третьего-четвертого укладов не сделают ее процветающей, но вобьют последний гвоздь...

Литература

Вальтух К. К. Технологическое обновление экономики и капитальные вложения // Вестник Российской академии наук. 2007. Т. 77. № 1. Январь.

Вальтух К. К. Экономическая теория и долгосрочное экономическое прогнозирование // Инновации. 2009. № 8 (130). С. 14–19

Истерли У. В поисках роста: Приключения и злключения экономистов в тропиках/ Пер. с англ. М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2006. 352 с.

Кушлин В. И. Инновационное наполнение инвестиционной политики. М.: Проспект, 2016. URL: <https://books.google.ru/books?id=3fTNCwAAQBAJ&pg=PT157&lpg=PT157&dq=%D0%B2%D1%88%>

Лавровский Б. Л., Горюшкина Е. А., Шильцин Е. А. Инвестиционный ресурс экономического роста: не только количество // ЭКО. 2019. № 12. С. 124–140. DOI: 10.30680/ЕCO0131–7652–2019–12–124–140

Лавровский Б. Л., Рыбакова Т. А. О пределах спада в российской экономике (хроника инвестиционного процесса) // Вопросы экономики. 1994. № 7. С. 31–44.

¹⁰ Ортодоксальные евреи отказались бороться с коронавирусом и массово заразились. URL: <https://lenta.ru/news/2020/03/31/jew/>

Попов В. Почему снижались темпы роста советской экономики в брежневский период? Журнальный клуб Интелрос «Неприкосновенный запас» 2007. № 2. URL: http://www.intelros.ru/readroom/nz/2_52/1281-pochemu_snizhalis_tempy_rosta_sovetskojj_jekonomiki_v_brezhnevskijj_period.html

Социально-экономическая история России. Хрестоматия. Т. 3. Часть 2/ В.В. Дроздов, Т.А. Дробышевская, В.П. Золотарева и др. М., 2014. 480 с.

Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. Книга 1; под научн. ред. В.А. Мау, Я.И. Кузьминова. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. 430 с.

Троцкий Л.Д. Преданная революция. М., 1991. С. 228. Цит. по: СССР после великой чистки. URL: <http://militera.lib.ru/research/rogovin1/01.html>

Фомин Д.А. Российские инвестиции: интеллектуальная недостающая // ЭКО. 2020. № 6. С. 149–170. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-6-149-170

Шмелев Н., Попов В. На переломе: перестройка экономики в СССР. М.: Изд-во АПН, 1989. 400 с.

Статья поступила 14.07.2020.

Статья принята к публикации 02.09.2020.

Для цитирования: Лавровский Б.Л., Горюшкина Е.А., Шильцин Е.А. Вынь да положь: блеск и нищета ортодоксии (отклик на статью Фомина Д.А. Российские инвестиции: интеллектуальная недостающая // ЭКО. 2020. № 6) // ЭКО. 2020. № 11. С. 153-173. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-11-153-173.

Summary

Lavrovskii, B.L., *Dr. Sci. (Econ.), Novosibirsk State Technical University (NSTU), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Goryushkina, E.A.,* *Cand. Sci. (Econ.), Novosibirsk State University (NSU), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Shiltsin, E.A.,* *Cand. Sci. (Econ.), Novosibirsk State University (NSU), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk*

At any Cost. The Splendor and Poverty of Orthodoxy

Abstract. The need for a substantial expansion of investment activity and an increased rate of GDP accumulation is currently the point of view not only of representatives of the scientific community. This position has become an element of state policy. The authors believe that besides promoting the ideology of a quantitative increase of investment efforts, it is very important not to forget the problem of innovative activity. It is all about the quality of the material elements of investments, as well as technologies in which they are embodied. It is shown on the basis of international experience that a high rate of accumulation in itself does not necessarily provide impressive economic growth. It is illustrated that intensification of innovative activity in Russia is a preliminary (basic) condition for expansion of investment activity.

Keywords: *investment activity; accumulation rate; innovative activity; technology; economic growth; Russia*

References

Easterly, W. (2006). In search of growth: The adventures and misadventures of economists in the tropics / Transl. from English. Moscow. Institute for Integrated Strategic Studies. 352 p. (In Russ.).

Fomin, D.A. Russian Investments: the Missing Intellectual Part. *ECO*. 2020;50(6):149–170. (In Russ.). Available at: <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-6-149-170>

Kushlin, V.I. (2016). *Innovative filling of investment policy*. Moscow. Prospekt Publ. Available at: <https://books.google.ru/books?id=3fTNCwAAQBAJ&pg=PT157&lpg=PT157&dq=%D0%B2%D1%88%7&lpq=PT157&dq=%D0%B2%D1%88%7> (In Russ.).

Lavrovskii, B.L., Goryushkina, E.A., Shiltsin, E.A. (2019). Investment Resource of Economic Growth: not only Quantity. *ECO*. No. 12. Pp. 124–140 (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-12-124-140.

Lavrovskii, B.L., Rybakova, T.A. (1994). About the limits of recession in the Russian economy (chronicle of the investment process). *Voprosy Ekonomiki*. No. 7. Pp. 31–44. (In Russ.).

Popov, V. (2007). Why did the Soviet economy slow down during the Brezhnev period? *Zhurnal'nyy klub Intelros "Neprikosnovennyi zapas"*. No. 2. Available at: http://www.intelros.ru/readroom/nz/2_52/1281-pochemu_snizhalis_tempy_rosta_sovetskoy_jekonomiki_v_brezhnevskij_period.html (In Russ.).

Shmelev, N., Popov, V. (1989). *At the turning point: the restructuring of the economy in the USSR*. Moscow. P. 400. (In Russ.).

Socio-economic history of Russia. (2014). An anthology. Vol. 3. Part 2 / V.V. Drozdov, T.A. Drobyshevskaya, V.P. Zolotarev et al. Moscow. 480 p. (In Russ.).

Strategy 2020: A New Growth Model – A New Social Policy. (2013). Final report on the results of expert work on pressing problems of Russia's socio-economic strategy for the period until 2020. Book 1; under scientific ed. V.A. Mau, J.I. Kuzminova. Moscow. 430 p. (In Russ.).

Trotsky, L.D. (1991). Devotional revolution. Moscow. P. 228. from the USSR after the great purge. Available at: <http://militera.lib.ru/research/rogovin1/01.html> (In Russ.).

Valtukh, K.K. (2007). Technological update of the economy and capital investments. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. Vol. 77. No. 1. January. (In Russ.).

Valtukh, K.K. (2009). Economic theory and long-term economic forecasting. *Innovatsii*. No. 8 (130). Pp. 14–19. (In Russ.).

For citation: Lavrovskii, B.L., Goryushkina, E. A., Shiltsin, E.A. (2020). At any Cost. The Splendor and Poverty of Orthodoxy. *ECO*. No.11. Pp. 153-173. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-11-153-173.

Статистический мониторинг животноводства в Сибири в 1930-е гг.

В.А. ИЛЬИНЫХ, доктор исторических наук. E-mail: agro_iwa@mail.ru
Институт истории Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Аннотация. В статье реконструируется система статистического мониторинга поголовья сельскохозяйственных животных в Сибири в 1930-е гг. В предыдущее десятилетие основным способом определения его количественных параметров были выборочные сельскохозяйственные переписи, проводимые методом опроса. В начале 1930-х гг. произошел отказ от подхода, основанного на принципах земской статистики. Внешний мониторинг был заменен ведомственным учетом. Установлено, что радикальная перестройка привела к существенному ухудшению качества статистики животноводства. Систему учета поголовья скота, которая могла достаточно объективно отразить его динамику и сдвиги в организационно-производственной структуре, удалось наладить лишь во второй половине 1930-х гг. Основным способом определения количественных параметров животноводства стали сплошные переписи скота, проводимые методом похозяйственного пересчета. Автор приходит к выводу, что советская статистика во второй половине 1930-х гг. в части определения динамики поголовья скота была достоверной и репрезентативной.

Ключевые слова: сельское хозяйство; коллективизация; государственная статистика; животноводство; история статистики; Сибирь

Постановка проблемы

Анализ развития сельского хозяйства входит в число базовых задач экономической истории, а среди его отраслей животноводство относится к ключевым. Главным источником для изучения его количественных параметров служат материалы опубликованной статистики, которые основываются на результатах обработки данных, полученных в ходе статистического мониторинга аграрного сектора экономики. Интегральный показатель развития животноводства – численность скота, позволяющая репрезентативно определить не только динамику отрасли, но и ее организационно-производственную структуру.

Одним из наиболее значимых вопросов современной отечественной историографии являются социально-экономические последствия коллективизации. В частности, дискуссионный характер имеет проблема достоверности советской статистики. Задача настоящей работы состоит в реконструкции системы

государственного статистического мониторинга поголовья основных видов сельскохозяйственных животных (лошадей, крупного рогатого скота (КРС), в том числе коров, свиней, овец и коз) в Сибири в 1930-е гг.

Сельскохозяйственная статистика в 1920-е годы

В 1920-е гг. абсолютно преобладающей организационно-производственной формой сельхозпроизводства в Сибири и в стране в целом были крестьянские хозяйства. На получение данных об их развитии были направлены основные усилия статистических органов. Регулярный мониторинг базовых количественных показателей крестьянских хозяйств, включая поголовье скота, осуществлялся в рамках выборочных комплексных сельскохозяйственных переписей. Переписи и иные статистические обследования деревни в 1920-е гг. проводились под руководством специалистов, имеющих дореволюционный опыт работы и на основе наработок земской статистики.

Осенью 1920 г. прошла Всероссийская сельскохозяйственная перепись, весной 1921 и 1922 гг. были проведены опросы отдельных крестьянских хозяйств, весной 1923, 1924, 1925 и 1926 гг. – выборочные сельхозпереписи, весной 1927, 1928 и 1929 гг. – выборочные обследования отдельных хозяйств. В рамках переписи 1920 г. в Сибири опрашивалось около четверти крестьянских хозяйств. Выборка весенних опросов 1921 и 1922 гг. составляла 3%, переписей 1923, 1924 и 1925 гг. – 5%, переписей и обследований 1926, 1927, 1928 и 1929 гг. – 10% хозяйств [Историческая энциклопедия..., 2009. С. 54, 55]. Помимо собственно крестьянских дворов, в выборку переписей включались приусадебные хозяйства проживающих в сельской местности рабочих и служащих, а также жителей городских поселений, уплачивающих сельскохозяйственный налог.

Сельхозпереписи в 1920-е гг. осуществлялись переписчиками методом личного опроса дворохозяев в сельсовете. Затем его результаты публично оглашались на сельских сходах и при необходимости корректировались. Таким образом достоверность опроса проходила двухуровневую проверку: сначала работниками сельсовета, а затем односельчанами. Следует отметить, что дореволюционные земские статистики, исходя из своего

понимания психологии крестьян, полагали, что на сходе они обязательно напомнят своим «забывчивым» соседям о наличии не указанного при опросе имущества или скота.

Для получения общих итогов сведения, полученные в ходе выборочных переписей, распространялись на всю генеральную совокупность путем умножения среднестатистических параметров обследованных крестьянских хозяйств на их общее количество.

Данные о параметрах крестьянских хозяйств также собирались финансовыми органами в рамках налогового учета, который фактически был сплошным, но фиксировал только объекты обложения. Например, вне внимания финорганов, оставался молодняк скота, так как сельхозналогом облагался только взрослый скот. Облагаемое имущество фиксировалось работниками сельсоветов со слов налогоплательщика, а затем обнародовалось путем оглашения списков с данными на сельских сходах или их вывешивания в сельсоветах. После окончания учетной кампании финорганы проводили выборочную проверку показаний налогоплательщиков в отдельных селениях, число хозяйств в которых должно было составлять не менее 1% от их общего количества в округе [Обложение..., 1928. С. 28].

Результаты сельхозпереписей изначально считались вполне репрезентативными. Однако сопоставление по одноименным хозяйствам карточек весенних опросов с материалами начатых в 1923 г. систематических бюджетных обследований показало, что респонденты-крестьяне в ходе переписей приуменьшают размеры посевных площадей и поголовье скота. Обследования крестьянских бюджетов считались более надежным источником, поскольку проводились тщательнее, медленнее и более квалифицированным персоналом, чем «мимолетные» опросы. Более высокой была и «правдивость» владельцев бюджетных хозяйств.

Объясняя факт недоучета в ходе сельхозпереписей, специалисты писали: «В данное время население во всех проводимых статистическими органами и другими ведомствами обследованиях, учетах и т.д. видит налоговые цели и всячески старается умалить ту часть своего хозяйства, которая, по его мнению, является объектом налоговых тягот¹».

¹ Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Новосибирск, 1927. Вып. 1: Сельское хозяйство. С. 464.

С середины 1920-х гг. при публикации материалов сельхозпереписей данные о посевных площадях в крестьянских хозяйствах стали корректироваться повышательными поправочными коэффициентами [Ильиных, 2008. С. 29–30]. В статсборниках конца 1920-х гг. поправки на недоучет стали вводиться и в сведения о поголовье скота (минимальные по лошадям и коровам, более высокие по мелкому скоту). Так, принятые Центральным статистическим управлением (ЦСУ) поправочные коэффициенты для Сибири за 1927 г. составляли по КРС 3%, по овцам и козам – 6, по свиньям – 20%².

Величина поправок определялась качеством проведения переписи и степенью репрезентативности выборки. Но мы также не исключаем, что на размеры недоучета в ходе переписей 1920-х гг. стали оказывать влияния изменения в социальной психологии крестьян, которые в советских условиях предпочитали публично не поправлять «показания» своих односельчан.

Помимо крестьянских хозяйств, производством сельхозпродукции занимались государственные и кооперативные хозяйства. Их основными формами были соответственно совхозы и колхозы. Вклад государственного и кооперативного секторов экономики в сельхозпроизводство на протяжении 1920-х гг. постоянно менялся, но в целом был незначительным. Учет количественных показателей развития совхозов и колхозов осуществлялся на основе ведомственной отчетности. В конце 1920-х гг. в связи с принятием ВКП(б) курса на производственное кооперирование сельского хозяйства активизировался статистический мониторинг коллективных хозяйств. В 1928 и 1929 гг. ЦСУ СССР совместно с Колхозцентром провели сплошные обследования колхозов.

Статистический мониторинг в условиях форсированной коллективизации

В конце 1929 г. большевистский режим принял решение о переходе к форсированной коллективизации. Пятого января 1930 г. ЦК ВКП(б) поставил задачу завершить ее в основном в главных зерновых районах «осенью 1930 г. или во всяком

² Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР. 1916 и 1923–1927 гг.: [стат. сб.]. М., 1930. С. 102–103, 140–141.

случае весной 1931 г.», в других зерновых районах (в том числе в Сибири) – «осенью 1931 г. или во всяком случае весной 1932 г.», в незерновых районах – к весне 1933 г.³ Параллельно с коллективизацией разворачивалось массовое совхозное строительство.

Социалистическая реконструкция сельского хозяйства и народного хозяйства в целом сопровождалась радикальным реформированием системы государственной статистики. В январе 1930 г. ЦСУ СССР, республиканские, краевые/областные и окружные статистические органы упразднили⁴. Их функции передавались плановым комиссиям, в составе которых образовывались экономико-статистические секторы.

Реформа статистических органов определялась комплексом политико-идеологических факторов. Методология земской статистики, на основе которой в условиях нэпа функционировала статистика в СССР, была признана «вредительской», поскольку «препятствовала развертыванию социалистического строительства». Ожидаемая скорая победа социализма, по мнению большевистских теоретиков, вообще делала ненужным внешний статистический мониторинг, его должен был заменить ведомственный учет. Главной задачей создаваемых при плановых комиссиях экономико-статистических секторов, в соответствии с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 20 марта 1930 г., должна была стать разработка «показателей учета для наблюдения за ходом исполнения» текущих и перспективных планов⁵.

В соответствии с реформой менялась и система сельскохозяйственной статистики. Основным источником количественных данных должны были стать оперативные и годовые отчеты колхозов и совхозов, аккумулируемые в органах управления сельским хозяйством (земельных органах⁶, совхозных трестах, колхозсоюзах). Фиксацию параметров оставшихся единоличных хозяйств планировалось осуществлять в рамках

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 5. С. 72.

⁴ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР (СЗ СССР). 1930. № 8. Ст. 97.

⁵ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1930. № 14. Ст. 172.

⁶ Земельные органы – принятое в России (СССР) до начала 1946 г. название государственных органов, в ведение которых входило управление сельским хозяйством.

налогового учета. Таким образом, нужда в массовых комплексных переписях крестьянских хозяйств отпадала.

Однако форсированное реформирование и сельхозпроизводства, и его учета привели к кризису и того, и другого. Весной 1930 г. завершить коллективизацию «в основном» не удалось. Ее уровень, поднявшись к началу марта в СССР до 56%, в Сибири – до 47%, к лету снизился до 24 и 20% соответственно. Вне колхозов в Сибири оставалось 4/5 крестьянских дворов [История советского..., 1986. С. 155, 156].

В результате финансовые органы были вынуждены организовать полный сельскохозяйственный учет не маргинальной, а абсолютно преобладающей социальной группы деревни. Кроме того, в 1930 г. на них возложили статистический мониторинг колхозов и личных приусадебных хозяйств (ЛПХ) колхозников, то есть фактически вне их ведения оставались только совхозы. К такому расширению своих функций финорганы оказались не готовы, что неминуемо отразилось на достоверности собираемых данных. Увеличились масштабы сокрытия облагаемых объектов учета. Трудности возникли с учетом личных хозяйств членов колхозов. Осложнял ситуацию и тот факт, что «общественный» скот из-за отсутствия помещений для его содержания нередко содержался на подворьях у колхозников.

В 1931 г. коллективизация возобновилась. К концу года ее уровень в Сибири и в СССР в целом поднялся до 60% [История советского..., 1986. С. 196]. Уже с середины 1931 г. организационно-производственной основой аграрного сектора стали колхозы, продолжалось интенсивное совхозное строительство.

В социалистических сельхозпредприятиях, по мнению большевистских теоретиков, не должно было возникать никаких проблем с учетом. Однако практика существенно расходилась с теорией. Во многих колхозах отсутствовали работники, способные не то чтобы организовать учет, но даже грамотно заполнить бланки оперативных и годовых отчетов. Составители статистического сборника о колхозном строительстве в СССР годовые отчеты за 1931 г. получили лишь от 31% колхозов Западно-Сибирского края, за 1932 г. – от 52%. В Восточно-Сибирском крае доля колхозов, предоставивших годовые отчеты,

была еще меньше – 24 и 31% соответственно⁷. Не ожидали власти и относительно высокого уровня утайки колхозной собственности. Председатели колхозов стремились скрыть от властей часть общественного имущества, для того чтобы снизить тяжесть налогового-податного обложения хозяйств.

Нужда в объективной информации о развитии экономики вынудила руководство страны начать восстановление системы государственного статистического учета. Девятого мая 1931 г. Совнарком СССР принял постановление «Об организации учетно-статистических работ»⁸, в котором констатировалось «неудовлетворительное состояние» и «крайняя неупорядоченность» статистики и учета в стране. Исправлению ситуации должно было способствовать преобразование экономико-статистического сектора Госплана СССР в сектор народно-хозяйственного учета, работающий на правах самостоятельного управления. Семнадцатого декабря 1931 г. ЦИК и СНК СССР преобразовали сектор в Центральное управление народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) СССР при Госплане СССР⁹. Возглавил ЦУНХУ известный советский экономист В. В. Осинский, который объявил «войну» искажениям информации [Ханин, 2020. С. 21]. Отметим, что Осинский не предлагал возврата к практике статистических обследований периода нэпа, а был последовательным адептом их замены «прямым учетом». При этом он добивался централизации системы народно-хозяйственного учета в стране и сочетал новые методики с традиционными.

ЦУНХУ подчинялись управления народно-хозяйственного учета, создаваемые в республиках, краях и областях. Принципиальное значение для организации сельскохозяйственной статистики на местах имело образование районных инспектур народно-хозяйственного учета. Учетно-статистические органы ведомств обязывались в своей деятельности исполнять директивы и задания органов нархозучета.

Создание центрального и региональных управлений народно-хозяйственного учета способствовало развитию статистических работ в стране. Возобновилось издание статистических

⁷ Динамика колхозов за 1930–32 гг. По материалам годовых отчетов. [М.] 1934. Л. 2.

⁸ СЗ СССР. 1931. № 28. Ст. 221.

⁹ Там же. № 73. Ст. 488.

сборников, в которых публиковались материалы за предыдущие годы. По примечаниям к помещенным в них таблицам можно судить о методике сбора и обработки материалов статистического мониторинга поголовья скота в 1930 и 1931 гг. в отдельных регионах и стране в целом.

В статсправочнике, изданном Восточно-Сибирским краевым УНХУ в 1932 г., сообщается, что таблица «Количество скота» за 1930 г. и 1931 г. составлена по материалам налогового учета. При этом в сведения за 1931 г. внесены поправки, определенные по результатам контрольных обходов дворов, «проведенных через райисполкомы». Данные о численности скота за 1930 г. «публикуются без всяких поправок, так как в отношении недоучета скота за этот год Крайнархозучет никакими материалами не располагает»¹⁰.

В статсправочнике ЦУНХУ 1932 г. «Народное хозяйство СССР» сообщалось, что сведения о численности скота в совхозах предоставило Совхозобъединение СССР. Данные о поголовье скота в колхозах и индивидуальных хозяйствах за 1930 г. получены при обработке материалов налогового учета. При этом в данные о численности скота в индивидуальных хозяйствах внесены поправки, принятые специальной комиссией ЦУНХУ¹¹. За 1931 г. сведения о поголовье скота в справочнике не приводятся.

Показательным является и распределение публикуемого материала по категориям хозяйств. В восточно-сибирском статсправочнике материалы за 1930 г. группировались по: 1) совхозам; 2) колхозам; 3) единоличным хозяйствам, в которые включались ЛПХ всех категорий населения, за 1931 г. – по: 1) совхозам; 2) колхозам; 3) ЛПХ колхозников; 4) единоличным хозяйствам, включавшим ЛПХ некрестьянского населения. В сборнике «Народное хозяйство СССР» – по: 1) совхозам; 2) колхозам; 3) единоличным хозяйствам, включавшим ЛПХ всех категорий населения.

Соединение отдельных категорий индивидуальных хозяйств в общие группы при презентации статистического материала

¹⁰ Экономико-статистический справочник по Восточно-Сибирскому краю. Иркутск, 1932. С. 278.

¹¹ Народное хозяйство СССР: статистический справочник. 1932. М.; Л., 1932. С. 655–656. Размеры поправочных коэффициентов в сборнике не приводятся.

имеет идеологическое и законодательно-фискальное объяснение. На начальном этапе коллективизации приусадебное хозяйство, в том числе так называемое «необобщественное» хозяйство колхозников, воспринималось большевистскими теоретиками как разновидность единоличного и облагалось сельхозналогом как таковое. После провала планов максимального форсирования коллективизации весной 1930 г. ЛПХ колхозников официально признали идеологически приемлемой формой ведения хозяйства на переходный период. В Положении о едином сельскохозяйственном налоге на 1931 г. ЛПХ колхозников впервые рассматривалось в качестве отдельной облагаемой категории¹². Отличать приусадебное хозяйство рабочих и служащих от единоличного хозяйства налоговое законодательство стало лишь с 1933 г.¹³ До этого считалось, что сознательные рабочие и служащие не должны были вести приусадебное хозяйство.

Вновь образованное ЦУНХУ, помимо обработки ранее собранных материалов, провело крупное самостоятельное обследование, основанное на традиционных (земских) статистических методиках. В начале 1932 г. (по состоянию на 1 февраля) прошла всесоюзная перепись скота, основным методом которой являлся опрос. Перепись проводилась по восьми категориям хозяйств сельской местности: 1) совхозам; 2) хозяйствам потребкооперации (коопхозам); 3) МТС; 4) колхозам; 5) скотозаготовительным и откормочным базам, пунктам предубойного содержания; 6) хозяйствам государственных учреждений и организаций; 7) ЛПХ колхозников; 8) единоличным хозяйствам, включавшим ЛПХ сельского некрестьянского населения, и трем категориям хозяйств городских поселений: 1) хозяйствам государственных учреждений и предприятий, 2) хозяйствам кооперативных и общественных организаций, 3) «частновладельческим» (индивидуальным) хозяйствам¹⁴.

После завершения переписи «при участии актива» были проведены контрольные обходы, охватившие 2% индивидуальных

¹² СЗ СССР. 1931. № 19. Ст. 171.

¹³ Там же. 1933. № 32. Ст. 1886.

¹⁴ См.: Итоги переписи скота на 1 февраля 1932 года. М., 1932. Вып. II: Численность скота по Азиатской части РСФСР, Закавказской СФСР, Узбекской ССР и Туркменской ССР. М., 1932.

дворов. Колхозы и совхозы в рамках переписи не проверяли. По итогам обходов были определены поправки на недоучет. В Западно-Сибирском крае поправочные коэффициенты по рабочим лошадям составляли 0,6%, коровам – 0,5, КРС в целом – 1,1, овцам – 4,5, свиньям – 8,3%¹⁵.

После переписи скота 1932 г. самостоятельные обследования сельского хозяйства органы нархозучета не проводили вплоть до конца 1934 г., но активно участвовали в осуществлении статистического мониторинга другими органами. При этом в совхозах преобладал внутриведомственный учет, в колхозах и индивидуальных хозяйствах поголовье скота фиксировалось в рамках ежегодного июньского налогового учета.

В 1932 г. налоговый учет был осуществлен только по облагаемым сельхозналогом категориям хозяйств. В июне 1933 г. был проведен сплошной учет скота. Финансовые органы учитывали скот в налогооблагаемых хозяйствах (колхозах, ЛПХ колхозников, единоличных и приравненных к ним хозяйствам), органы нархозучета – в необлагаемых, в том числе в городских (совхозах, коопхозах, государственных учреждениях и организациях). Совершенствовалась методика учета. В 1933 г. были разработаны поправки на недоучет по отдельным категориям индивидуальных владельцев и возрастным группам скота. Недоучет молодняка был существенно большим, чем взрослых животных. В Западно-Сибирском крае для колхозников были определены следующие поправочные коэффициенты: по КРС в целом – 3,6, по телятам – 6,3, по овцам и козам – 7, по ягнятам и козлятам – 8,3, по свиньям – 16,6, по пороссятам – 21,5. Для хозяйств, учитываемых как единоличных, поправки по перечисленным видам и группам составляли: 6,2 и 12,1; 17,8 и 26,7; 31,5 и 36,6¹⁶. Помимо июньского учета, по поручению ЦУНХУ, Наркомат земледелия СССР провел дополнительный учет поголовья скота по состоянию на 1 января 1934 г. в индивидуальных хозяйствах сельских местностей¹⁷.

¹⁵ Предварительные итоги переписи скота на 1 февраля 1932 года. М., 1932. С. 5, 55.

¹⁶ Численность скота в СССР. Окончательные итоги июньского учета скота 1934 года. М., 1934. С. 99, 100.

¹⁷ Правда. 1934. 22 апр.

Переход к учету

В марте 1934 г. в «Правде» появилась серия заметок, в которых фиксировался значительный недоучет скота в различных регионах страны, а в конце месяца вышла обобщающая редакционная статья «Учет поголовья скота предоставлен самотеку». В ней на примере ряда районов Азово-Черноморского края было показано, что данные поголовья скота летнего учета меньше, чем его реальная численность. Вина за это возлагалась на ЦУНХУ. «Центральное управление народно-хозяйственного учета с олимпийским спокойствием выдает путаную и подчас вредительскую цифирь за точные данные о состоянии поголовья».

Руководитель ЦУНХУ В. В. Осинский с критикой не согласился и 22 апреля в газете выступил с ответной статьей «Об учете скота и однобокой критике его на страницах “Правды”». В ней предъявленные обвинения были названы «неправильными и бездоказательными». Учет скота проводят не органы нархозучета, а финансовые органы. Недоучет скота есть. Но ЦУНХУ вносит в региональные и общесоюзные данные поправочные коэффициенты, рассчитанные по репрезентативной методике. За «цифры» по сельским районам управление ответственности не несет.

Реакция «Правды» была оперативной. В следующем номере газеты (23 апреля) помещается пространная редакционная статья «Об учете скота и фокусах т. Осинского». Ее основное содержание сводится к следующим положениям.

1. Учет скота в стране организован неудовлетворительно.
2. Обнародованные ЦУНХУ сведения о численности скота в 1933 г. преуменьшены.
3. Органы нархозучета не помогают сельсоветам «поставить» первичный учет. Отсутствуют порайонные данные о поголовье. «ЦУНХУ ничего не сделано, чтобы привлечь к этому вопросу нашу общественность».
4. Для определения поправочных коэффициентов применяется несовершенная методика.

«Правда» призвала ЦУНХУ «пересмотреть свои методологические приемы» и «очистить» низовой аппарат от «чуждых людей». Органам нархозучета «нужны не люди-арифмометры, а сознательные, умеющие политически

ориентироваться работники». В статье был также сформулирован «совет» Осинскому: «поменьше фокусов», используемых для доказательства своей правоты, «побольше самокритики».

В. В. Осинский не внял «совету» и 26 апреля в газете ответил статьей «Дымовая завеса редакции “Правды” и действительность». «Правда» вновь поместила свой редакционный комментарий на следующий день (27 апреля). Оппонент обвинялся в том, что он «замазывает и скрывает безобразия» в учете скота, а его реакция на критику продиктована «уязвленным самолюбием».

Точку в затянувшейся полемике поставил ЦК ВКП(б), 16 мая 1934 г. приняв постановление «О статистике животноводства и дискуссии в “Правде”»¹⁸. Указав на недопустимость использованных редакцией газеты в отношении В. В. Осинского ярлыков, ЦК тем не менее признал, что «существующая система учета не дает достоверных данных о наличном поголовье». «Налоговый учет Наркомфина, сокращенный для целей обложения», не полон, особенно в отношении молодняка и скота в городских поселениях. Проведенный Наркомземом учет поголовья на 1 января 1934 г. «был построен на основе сообщений держателей скота сельсовету <...> и проведен крайне неудовлетворительно». Осуществляемые органами нархозучета контрольные обходы охватывают лишь 1,5–2% хозяйств, проводятся «неудовлетворительно» и недостаточны для определения достоверных поправок на недоучет.

ЦК ВКП(б) предложил ЦУНХУ «обеспечить повышение качества» июньского учета 1934 г., «охвата им скота всех возрастов и организацию контрольной проверки, а также проведения учета скота в необлагаемых Н[ар]К[оматом] Ф[инансов] хозяйствах». ЦУНХУ также обязывалось провести перепись скота по состоянию на 1 января 1935 г., охватив ею все категории хозяйств. Одновременно с переписью надлежало осуществить контрольный обход 10% хозяйств.

Директивы ЦК были выполнены. Летний учет скота 1934 г., который в связи с необходимостью корректировки программы перенесли с июня на июль, был признан успешным. По мнению В. В. Осинского, он стал «наилучшим и наиболее точным летним

¹⁸ Правда. 1934. 17 мая.

учетом скота, который вообще когда-либо производился у нас»¹⁹. В его осуществлении активное участие принимали региональные и районные партийные и советские органы. «Общественное» (колхозно-совхозное) стадо было предварительно «проверено в натуре». Первичные бланки опроса индивидуальных хозяйств рассматривались на публичных заседаниях налоговых комиссий или на общих собраниях граждан. Во всех регионах после завершения учета органы нархозучета провели контрольные обходы, охватившие 10–12% «необобщественного» стада, а финансовые органы – свою 10%-ю проверку. «В очень большом числе районов при обнаружении значительного недоучета и утайки производились сплошные повторные учеты»²⁰. Качество проведения учета привело к тому, что поправки на недоучет скота, принятые по его итогам, снизились. В Западно-Сибирском крае они составляли для ЛПХ колхозников: по КРС – 2,5, по овцам и козам – 4,7, по свиньям – 12,3; для единоличных дворов – 5,2, 8,2 и 13,9 соответственно²¹.

Июльский учет 1934 г. проводился по семи категориям хозяйств: 1) колхозам; 2) ЛПХ колхозников; 3) единоличным хозяйствам, включавшим ЛПХ некрестьянского сельского населения; 4) совхозам; 5) коопхозам и сельхозпредприятиям отделов рабочего снабжения (ОРСов); 6) «прочим организациям и учреждениям»; 7) «индивидуальным держателям скота в городах»²².

В начале 1935 г. ЦУНХУ провело Всесоюзную перепись скота (на 1 января). Обязательным условием переписи скота в хозяйствах социалистического сектора являлось их личное посещение «обследователями». Скот, принадлежащий индивидуальным владельцам, подсчитывали не «анкетным порядком» (методом заполнения переписного бланка в сельсовете со слов владельца скота), а путем пересчета скота в каждом хозяйстве. Следует отметить, что работники, осуществлявшие подворный учет, в отличие от предыдущего периода, официально

¹⁹ Численность скота в СССР. Окончательные итоги июльского учета скота 1934 года. М., 1934. С. 3.

²⁰ Там же.

²¹ Итоги переписи скота на 1 января 1935 года в Западно-Сибирском крае. Новосибирск, 1935. Вып. первый. С. 12.

²² См.: Численность скота в СССР. Окончательные итоги июльского учета ...

стали называться не переписчиками, а регистраторами. При подворном обходе их сопровождали представители сельсоветов/горсоветов. Несмотря на сплошной учет, в индивидуальном секторе были проведены контрольные обходы (в Западно-Сибирском крае 12,5% дворов колхозников, 13% единоличных хозяйств и 9,1% хозяйств рабочих и служащих), осуществление которых возлагалось на более квалифицированных и «политически проверенных» регистраторов (активистов районного уровня, инспекторов нархозучета). Проверки также проводились в колхозах и совхозах.

Если в ходе проверки выявлялись массовое укрытие скота или недобросовестная работа регистраторов, проводилась повторная перепись. При этом виновные привлекались к уголовной ответственности. Поправки на недоучет стали еще меньше. В Западно-Сибирском крае они составляли для ЛПХ колхозников: по КРС – 1,8, по овцам и козам – 4,4, по свиньям – 6,3; для единоличных дворов – 2,4, 6,4 и 6,9 соответственно²³.

Начиная с январской переписи 1935 г. в Сибири отдельно учитывалось поголовье скота у рабочих и служащих сельской местности (в ряде других регионов – с июньского учета 1934 г.). Ранее эта группа объединялась с единоличниками. Помимо нее перепись проводилась еще по 13 категориям хозяйств, в том числе по совхозам, сельхозпредприятиям ОРСов, коопхозам, колхозам, ЛПХ колхозников, единоличным хозяйствам сельских местностей, индивидуальным держателям скота в городских поселениях и др.²⁴

Перепись фактически приняла характер хозяйственно-политической кампании. В Западно-Сибирском крае непосредственное участие в ней в качестве регистраторов, «обследователей крупных животноводческих хозяйств», бригадиров контрольных обходов приняло участие 8,5 тыс. чел., 10% из них были членами ВЛКСМ, 20% – членами ВКП(б). Наибольшей величины партийно-комсомольская прослойка достигала среди бригадиров контрольных обходов (42% коммунистов и 17% комсомольцев). Совпадение переписи

²³ Итоги Всесоюзной переписи скота на 1 января 1935 г. М., 1935. Т. 1: Численность скота в СССР. С. 5, 12; Итоги переписи скота на 1 января 1935 г. в Западно-Сибирском крае. Вып. 1. С. 11.

²⁴ Итоги Всесоюзной переписи скота на 1 января 1935 г. Т. 1. С. 222.

по времени со школьными каникулами позволило привлечь к ее осуществлению учителей. Их удельный вес в общем числе переписных работников составлял 25%, 19% были работниками районных органов, 6% – учащимися, 5% – агрозоотехническими работниками, 10,5% – секретарями сельсоветов, 12% – счетоводами колхозов²⁵. В сельсоветах, колхозах и совхозах из представителей общественных организаций создавались бригады содействия. Они помогали переписчикам получать более проверенные данные, вели разъяснительную работу среди населения.

Схема организации статистического мониторинга поголовья скота, апробированная в 1934/35 г., была воспроизведена в течение последующих двух лет. В июне 1935 и 1936 гг. прошли учетные кампании, в начале 1936 и 1937 гг. – переписи. С 1937 г. лица, непосредственно проводившие перепись, стали официально называться счетчиками, что знаменовало собой окончательное превращение переписи-опроса в перепись-пересчет.

Совершенствование методики статистического мониторинга приводило к дальнейшему снижению размеров поправочных коэффициентов. Уже по итогам июньского учета скота 1935 г. был сделан следующий вывод: «Минимальные размеры поправок на недоучет скота в текущем году позволяют районным организациям пользоваться непосредственными данными учета скота по каждому конкретному сельсовету, колхозу и предприятию. В результате всей проведенной работы по учету скота летом 1935 г. получены надежные данные о его численности»²⁶. По итогам обработки материалов переписи скота на 1 января 1935 г. поправки на недоучет скота в Западно-Сибирском крае составляли для ЛПХ колхозников: по КРС – 0,9, по овцам и козам – 1,8, по свиньям – 2,9; для единоличных дворов – 2,3, 3,5 и 4,4 соответственно²⁷. В материалах переписи скота на 1 января 1938 г. в Алтайском крае были внесены следующие поправки: для ЛПХ колхозников по КРС – 0,4, по овцам – 1,0, по свиньям – 1,6; для единоличных дворов – 0,4, 1,5 и 3,0²⁸.

²⁵ Итоги переписи скота на 1 января 1935 г. в Западно-Сибирском крае. С. 10.

²⁶ Численность скота в СССР: итоги июньского учета скота 1935 года. М., 1935. С. IV.

²⁷ Численность скота в СССР (Итоги Всесоюзной переписи скота на 1 января 1936 г.). М., 1936. С. 800–803.

²⁸ Численность скота в СССР. (Итоги Всесоюзной переписи скота на 1 января 1938 г.). М., 1938. С. 536.

С 1937 г. летний учет скота не проводился. Ранее его организацией в основном занимались финансовые органы, главной целью которых был учет объектов обложения сельскохозяйственным налогом. Параллельно они также были обязаны учитывать необлагаемый скот в колхозах и индивидуальных хозяйствах. С 1933 г. сельхозналог с ЛПХ колхозников стал взиматься по твердым ставкам, которые от количества скота в хозяйстве не зависели. Рабочие и служащие, имеющие приусадебное хозяйство в размерах, не превышающих уставных норм для колхозников, от уплаты налога вообще освобождались. В 1936 г. сельхозналог с колхозов заменили подоходным налогом²⁹. Учет поголовья скота для определения его размеров также не требовался.

К лету 1937 г. объектом обложения сельхозналогом оставались лишь единоличные хозяйства, число которых значительно сократилось. Уровень коллективизации в Западной Сибири вырос с 67% в июле 1934 г. до 94% в июле 1937 г. [История советского..., 1986. С. 314]. Проведение июньского учета скота для Наркомфина фактически стало непрофильным занятием, и он добился его отмены. Руководство страны посчитало, что получить необходимую информацию о динамике поголовья скота можно в рамках переписей.

В начале 1938 г. прошла очередная перепись скота. В 1939 г. ее не было (вероятно, в связи с занятостью работников нархозучета Всесоюзной переписью населения), но в начале 1940 и 1941 гг. переписи скота возобновились. Принципиальных изменений в методике учета поголовья скота в конце 1930-х гг. не происходило. Наиболее значимой новацией было сокращение категорий хозяйств, которые фиксировались переписями. Так, перепись 1941 г. проводилась по семи группам скотовладельцев: 1) государственные и кооперативные хозяйства; 2) колхозы; 3) ЛПХ колхозников; 4) единоличные хозяйства сельских местностей; 5) хозяйства рабочих, служащих и прочих категорий сельского населения; 6) индивидуальные владельцы в городских поселениях; 7) государственные и общественные предприятия, организации и учреждения³⁰.

²⁹ СЗ СССР. 1933. № 32. Ст. 1886; 1936. № 40. Ст. 340.

³⁰ Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1821. Л. 116.

Обобщающие материалы мониторинга поголовья скота в 1930-е гг. были опубликованы на страницах общесоюзных статсборников. Они позволяют репрезентативно выявить основные этапы развития животноводства в Сибири в исследуемое десятилетие. Следствием форсированной коллективизации стал глубокий кризис отрасли. Численность крупного рогатого скота на территории Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского краев (в границах 1933 г.) к лету 1932 г. снизилась по сравнению с июнем 1929 г. в 2,1 раза, коров – в 1,8, овец и коз – в 3,4, свиней – в 3,3 раза. В 1933 г. началось восстановление поголовья. В июле 1934 г. в тех же территориальных рамках КРС стало на 24%, коров – на 9, овец и коз – на 23, свиней – на 109% больше, чем в июне 1932 г.

За 1935–1937 г. численность крупного рогатого скота в Сибири (в территориальных рамках 1938 г.) выросла на 31%, коров – на 21, овец и коз – на 61, свиней – на 21%. В эти годы быстрее росло поголовье в личном секторе аграрной экономики, который занял ведущие позиции в животноводстве. В начале 1938 г. в ЛПХ населения региона содержалось 48,6% КРС, 50,3% коров, 34,2% овец и коз, 58,2% свиней, в колхозах – 40,1, 31,7, 48,6 и 29,2% соответственно, в государственном секторе – 10,1, 8,7, 11,4 и 11,2%.

В 1939 г. началась кампания по ограничению размеров ЛПХ, следствием которой стало снижение их производственного потенциала. «Общественное» животноводство в полной мере компенсировать данные потери не смогло. В итоге в 1938–1940 гг. поголовье КРС во всех категориях хозяйств Сибири уменьшилось на 8%, свиней – на 21%, коров – осталось фактически неизменным, а овец и коз – увеличилось на 25%³¹.

Таким образом, отказ советского руководства в начале 1930-х гг. от основанной на принципах земской статистики государственной статистической организации привел к существенному ухудшению качества мониторинга сельского хозяйства. Систему статистического учета поголовья скота,

³¹ Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. 1935 г. М., 1936. С. 517–518; Животноводство СССР за 1916–1938 гг.: Стат. сб. М.; Л., 1940. С. 17, 19, 28, 36, 37, 50, 54; Численность скота в СССР. Стат. сб. М., 1957. С. 11, 18, 26, 34, 49.

которая могла достаточно объективно отразить их динамику и сдвиги в организационно-производственной структуре, удалось наладить лишь во второй половине 1930-х гг. Базовыми методами мониторинга стали ведомственный учет и регистрация.

Советская статистика второй половины 1930-х гг. в части определения динамики поголовья скота, по нашему мнению, была достоверной и репрезентативной. Утайку части скота от государственного учета в полной мере искоренить не удалось, но ее масштабы существенно снизились и в достаточной степени учитывались при обработке первичных данных. Одним из показателей завершения очередного этапа развития советской статистики стало преобразование в марте 1941 г. ЦУНХУ в Центральное статистическое управление Госплана СССР.

Литература

Ильиных В. А. Динамика посевных площадей в Сибири в 1917–1929 гг.: источники реконструкции // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 29–30.

Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: ИД «Историческое наследие Сибири», 2009. Т. III. 783 с.

История советского крестьянства. Т. 2: Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937. [кол. моногр.] / Ответ. ред. И. Е. Зеленин. М.: Наука, 1986. 448 с.

Обложение сельского хозяйства Сибирского края в 1927–28 году. Новосибирск, 1928. 54 с.

Ханин Г. И. Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2020. 430 с.

Статья поступила 25.05.2020.

Статья принята к публикации 15.06.2020.

Для цитирования: *Ильиных В. А.* Статистический мониторинг животноводства в Сибири в 1930-е гг. // ЭКО. 2020. № 11. С. 174–192. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-11-174-192.

Summary

P'inykh, V.A., Doct. Sci. (Hist.), Institute of History, SB RAS, Novosibirsk
Statistical Monitoring of Livestock Production in Siberia in the 1930s.

Abstract. The author reconstructs the statistical monitoring system of main livestock types of farm animals in Siberia in the 1930s. In the previous decade, the main technique of livestock estimation was selective agricultural census. Census was conducted by the method of survey. In the early 1930s, the state statistical organization based on principles of zemstvo statistics was rejected. External monitoring by statistical services was replaced by departmental accounting. It has

been established that radical restructuring led to a significant deterioration in the quality of livestock statistics. A livestock monitoring system, which objectively reflected its dynamics and shifts in the organizational and production structure, was established in the second half of the 1930s. The main way to determine the quantitative parameters of livestock farming was through continuous censuses of livestock. Censuses were carried out by the method of counting farm animals in each agricultural enterprise and individual farm. It is concluded that Soviet statistics in the second half of the 1930s was reliable and representative in determining the dynamics of livestock.

Keywords: *agriculture; collectivization; state statistics; livestock farming; history of statistics; Siberia*

References

History of the Soviet peasantry. (1986). Vol. 2: Soviet peasants during the period of socialist reconstruction of the national economy. Late 1927–1937 Moscow, Nauka Publ., 448 p. (In Russ.).

Il'inykh, V. (2008). Dynamics of sown areas in Siberia in 1917–1929: sources of reconstruction. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*. No. 2. Pp. 28–32. (In Russ.).

Khanin, G.I. (2020). Selected Works. Vol. 1. Moscow, KMK Scientific Press. 430 p. (In Russ.).

Taxation of agriculture in the Siberian region in 1927–1928. (1928). 54 p. (In Russ.).

The Encyclopedia of Siberian History. (2009). Vol. 3. Novosibirsk, Siberian Historical Heritage Publishing House. 783 p. (In Russ.).

For citation: Il'inykh, V.A. (2020). Statistical Monitoring of Livestock Production in Siberia in the 1930s. *ECO*. No. 11. Pp. 174-192. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-11-174-192.

В следующих номерах вы прочтете:

Тема номера: Арктика: вызовы современности

- Экономика Арктики: чего не хватает? Пример Северного морского пути
- О диверсификации экономической специализации Республики Коми
- Развилки судьбы фронтального города: уроки Игарки
- Особенности региональных рынков нефтегазового сервиса в Арктической зоне РФ

А также:

- Экономические последствия COVID-19 для регионов России
- Влияние социокультурных факторов на финансовое развитие
- Экотуризм и природоохранная деятельность до и после пандемии COVID-19
- Путь сотрудника организации: Employee Journey Map как методология анализа
- Пути снижения логистических потерь при формировании устойчивых цепочек поставок
- Арктическая корпорация: подступы к формированию новой теории
- О перспективах Дальнего Востока после саммита АТЭС в 2012 году

«ЭКО» (Экономика и организация промышленного производства).

ISSN 0131-7652

E-ISSN 2686-7605

2020. № 11. 1–192

Художник В.П. Мочалов

Технический редактор Н.Н. Сидорова

Адрес редакции и издателя: 630090 Новосибирск,
пр. Академика Лаврентьева, 17.

Тел./факс: (8-383) 330-69-25, тел. 330-69-35

E-mail: eco@ieie.nsc.ru

© АНО «Редакция журнала «ЭКО», 2020. Выход в свет 30.11.2020

Формат 62x94. Цифровая печать. Усл. печ. л. 10,08

Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 370. Заказ 148. Цена свободная

Отпечатано в типографии: ФГУП «Издательство СО РАН»
630090, г. Новосибирск, Морской проспект, 2